

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская 2 речь

1989 МАРТ · АПРЕЛЬ

-
- В ПОМЕРЕ:** **РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ**
- 3 *В. Н. Белоусов.* В поисках гармонии
ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
- 9 *Б. И. Матвеев.* Крылатые слова у В. И. Ленина
12 *К. В. Наумов.* Пародия в ленинской публицистике
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- К 180-летию со дня рождения Н. В. Гоголя*
 Из наблюдений текстолога
- 17 *С. А. Фомичев.* «Чудный город Миргород!»
21 *Н. Ю. Симачева.* Гоголь и Андрей Белый
 Русский быт и словесность
- 29 *О. Г. Дилакторская.* Что значит «купица» в «Шипели» Н. В. Гоголя?
32 *О. Г. Шитарева.* «Я всегда был на кончике луча...»
 Слово в драматургии
- 37 *Э. Г. Бабаев.* «Самая суть дела»
 Писатель и его читатель
- 41 *Л. П. Кременцов.* Слово в художественном тексте
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ
- 47 *Константин Вагинов.* «Труды и дни Свистопова»
 (отрывок)
-
- АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ**
- 56 *Михаил Анчаров*
-
- КУЛЬТУРА РЕЧИ**
- 63 *П. И. Формановская.* Беседы о речевом этикете
66 *Л. А. Сергеевская.* «Давайте говорить друг другу комплименты»
- 70 *П. И. Орлова.* Можно ли прогнозировать слова?
75 Из Нормативно-стилистического словаря русского языка
-

	ХРОНИКА
77	X Международный съезд славистов
	К УРОКУ РУССКОГО ЯЗЫКА
81	<i>Э. А. Сорокина.</i> Выпеуказанный — указанный выше
	ТЕРМИНОЛОГИЯ
84	<i>В. П. Даниленко.</i> По страницам словаря «Научно-технический прогресс»
89	СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ
	СРЕДИ КНИГ
91	Слово в языке произведений В. И. Ленина
92	Словарь фразеологических синонимов
	СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ
94	<i>И. В. Алексина.</i> Стилистика рассказа П. А. Бушнина «Клана»
98	<i>И. А. Василенко.</i> «И звуки новые пришли...»
104	<i>Н. В. Повинская.</i> Термин и научное открытие
	ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ
107	<i>Б. И. Яценко.</i> Зачин в «Слове о полку Игореве»
111	<i>Л. Н. Макеев.</i> Древнерусское имя <i>Боян</i>
118	Из Этнолингвистического словаря славянских древностей. <i>Борц, жур</i>
	НА КАРТЕ РОДИНЫ
122	<i>В. В. Боярин, А. Ф. Роголев.</i> Зовется местечко <i>Ленин</i>
125	<i>Е. С. Отин.</i> Калитва
	ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА
130	<i>В. П. Вакуров.</i> Весна — красна
	ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ
135	<i>В. М. Мокиенко.</i> Заведенные часы и перезапые собаки
141	<i>А. В. Голубева.</i> Из горчила испытаний
145	<i>В. В. Касаркин.</i> Братья наши меньшие
149	<i>В. К. Юношева.</i> Полые дверь — вода...
152	<i>Н. С. Арапова.</i> Террикон
	ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»
155	Подунути, полусерьезно
158	Шалтай-болтай, шалаяй-валаяй
154	КРОССВОРД

На обложке рисунок Б. Захарова

В поисках гармонии

В. Н. Белоусов, кандидат филологических наук,
заведующий отделом изучения русского языка как средства
межнационального общения народов СССР
Института русского языка АН СССР

Разнообразные вопросы языковой жизни в условиях многонационального государства всегда привлекали внимание не только лингвистов, но и представителей других областей научного знания, деятелей культуры и просвещения, каждого человека, неравнодушного к прошлому, настоящему и будущему своего народа. И это естественно: ведь от того, как развиваются национальные языки, каковы их перспективы, зависит теория и практика языковой политики, а в более широком плане — состояние межнациональных отношений в обществе.

Главное направление языкового развития в СССР — это рост и совершенствование двуязычия, основанного на свободном и равноправном функционировании всех национальных языков при одновременном распространении русского языка как средства межнационального общения. Свободное развитие и равноправное функционирование всех языков народов нашей страны гарантировано Конституцией СССР. Но для того, чтобы это право могло стать действительностью, советским языковедам (да и не только языковедам) пришлось проделать огромную работу. Тяжелое языковое наследие досталось нашей стране после революции — отсутствие письменности у многих десятков языков и массовая неграмотность. По существу, из более чем 130 языков только около 20 языков имели письменность. Что же касается уровня образования, то достаточно сказать, что только для ликвидации неграмотности, например, в Туркестанском крае при сохранении существовавших тогда темпов просветительской работы, как отмечалось в 1912 году в журнале «Вестник просвещения», понадобилось бы 4600 лет.

Предсказание, к счастью, не сбылось, но помнить об этом, в том числе и о незавидном тогда положении едва ли не всех национальных языков народов страны, — помнить обо всем этом стоит даже во время самых жарких дискуссий по сегодняшним проблемам языковой жизни. Многогранная деятельность ученых, всего государства в целом привела к заметным результатам в развитии языков больших и малых народов СССР — это факт очевидный и общепризнанный. Однако сейчас эти результаты уже не могут быть признаны достаточными, отвечающими всем потреб-

ностям политической, экономической и социально-культурной жизни советского общества на современном этапе. Поэтому, в полной мере воздавая должное несомненно существующим здесь достижениям, целесообразнее сосредоточиться на упущениях и недостатках. А упущения и недостатки, к сожалению, есть. Впрочем, вся сфера межнациональных отношений такова, что любое опрометчивое, некорректное слово воспринимается особенно обостренно и приносит немалый вред.

Тема языковых проблем сейчас особенно злободневна. Слишком долго с самых высоких трибун вещали о беспроблемности межнациональных отношений, о всеобщем благополучии и безмятежно-счастливом сосуществовании национальных языков и русского языка как средства общения народов СССР. Потоки напыщенных лозунгов вперемешку с правильными, но не всегда подкрепленными конкретным делом словами скрывали как то действительно хорошее, что было в языковой жизни страны, так и проблемы, требующие незамедлительного решения. Сколько было сказано о гармоническом двуязычии, какие впечатляющие цифры распространения русского языка среди коренного населения союзных республик приводились, а что в действительности? Только в четырех союзных республиках (не считая РСФСР), по данным переписи 1979 года, немногим более половины коренного населения свободно владеет русским языком, в остальных десяти — только треть или даже четверть населения знает этот язык. Более того, у представителей около 25 национальностей, проживающих в СССР, показатели свободного владения русским языком в 1979 году понизились в сравнении с результатами переписи 1970 года (например, у эстонцев, немцев, корейцев, болгар, эвенков, ительменов, черкесов и др.). И не стоит обольщаться тем, что это данные почти десятилетней давности, а сейчас, дескать, положение должно быть лучше.

Что же хорошего, если в республиках многие учащиеся и даже выпускники средних школ (и не только сельских) не могут объясниться на русском языке? Вот картина, описанная корреспондентом газеты «Комсомолец Таджикистана», но нередкая и в школах других республик: «...Подходим к школе. Навстречу старшеклассник. — Как найти директора? Мучительно пытаюсь понять смысл вопроса, он называет имя и отчество директора школы. Увидев, что не угадал, опустил глаза и скороговоркой произнес привычное: — Русский плохо знаю. Точнее, не знает вовсе. ...Идет урок русского языка. Учитель пишет на доске число. И допускает при этом шесть ошибок. Ученики, от старания высунув языки (корреспондент приехал!), перерисовывают, добавляя пару „своих“.

В классном журнале сплошные „пятерки“ и „четверки“. А в школе и районном отделе народного образования педагогом все довольны». Впрочем, «найти другого педагога не просто. Да и где гарантия, что он окажется лучше — выпускники пединститутов умудряются в обычных диктантах допускать по шестьдесят и больше ошибок».

Рядом, в Туркмени, трое из четырех коренных жителей республики не знают русского языка. В Узбекистане, в Каттакурганском районе Самаркандской области, как с тревогой пишут по поручению 700 родителей в «Собеседник», «на 80 школ с национальным языком обучения приходится только одна — с обучением на русском. Многие коренные жители-узбеки посылают детей учиться именно в русскую школу. Но сюда из-за нехватки классов, учителей их принимают неохотно. Отбор детей очень жесткий, они проходят различные конкурсы, собеседования. Некоторые родители обращаются за помощью даже в райком». Где же свобода выбора языка обучения? И если бы дела действительно изменялись к лучшему, то почему военные журналисты и социологи с понятной озабоченностью и удручающим постоянством пишут о том, что из года в год растет число призывников, слабо владеющих русским языком или вообще не знающих его?

Но, может быть, с другими языками народов СССР все обстояло благополучно? Может быть. Но только почему, например, украинцы и белорусы так обеспокоены судьбой своих языков? Почему естественная забота деятелей национальной культуры о будущем родного языка расценивалась как криминал и позволяла в недалеком прошлом навешивать на них ярлыки националистов, как это было в Алма-Ате и Фрунзе, Кишиневе и Вильнюсе? Почему в Минске после многих сомнений («как бы чего не вышло») и только после поддержки горкома партии решились провести свой фольклорный (!) праздник на белорусском языке? Почему татары в Башкирии, а таджики в Узбекистане испытывали трудности с обучением на родном языке? Почему многие молодые буряты и эвенки плохо знают или вообще забыли язык предков? И почему, наконец, в последние годы вместо привычного сочетания «языки-братья» все чаще слышим (не в терминологическом смысле) о языковых конфликтах?

Наверное, кому-то покажется странным беспокойство о судьбах национальных языков на страницах журнала «Русская речь». Разве у русского языка нет своих проблем? Есть, и немало. Тогда не таится ли здесь лицемерие или, как говорится, свой интерес русиста? Лицемерие — нет, а вот интерес... Интерес, пожалуй, есть (впрочем, только ли свой?)

Едва ли нужно доказывать, что в период погони за высокими показателями распространения языка межнационального общения разговор шел преимущественно о русском языке, проблемы же изучения и функционирования национальных языков, а следовательно, и двуязычия хотя и не замалчивались полностью, но все же были как бы на втором плане. Такой креп в одну лишь сторону, конечно же, не способствовал развертыванию серьезной работы по развитию и совершенствованию двуязычия. Да и сама пропаганда русского языка среди нерусского населения страны в годы застоя представляла в виде набора трескучих лозунгов и штампованных фраз, благословенных сверху шумных мероприятий — вспомните, например, конференции, организованные в те годы в Ташкенте. Вместо кропотливой и напряженной работы — звуки фанфар и барабанный бой, которые заглушали голоса специалистов, знавших истинное положение дел. Все это в совокупности с другими негативными явлениями в сфере межнациональных отношений вместо энтузиазма вызывало обратную реакцию.

Сейчас проблемы национальных языков встали во весь рост. Прямо и откровенно, будь то орган центральной печати или районная газета, говорится о существующих недостатках, об упущенных возможностях. В республиках принимаются решения, направленные на устранение этих недостатков. Добрые вести приходят отовсюду: в Молдавии издаются учебники на гагаузском языке, впервые издан букварь для ительменов, в Институте языкознания АН СССР на основе русской графики разработан алфавит алеутского языка. На родном языке начали заниматься в этом учебном году школьники-таджики в Бухарской области Узбекистана, а в педагогическом институте имени С. Орджоникидзе создается факультет таджикско-персидской филологии. Под девизом «Мужай, прекрасна наша мова, серед прекрасних братніх мов» состоялся весной прошлого года в Полтаве праздник родного языка. И это замечательно. Ведь при отсутствии тревоги за будущее родного языка (искренне в этом убежден), в условиях действительной свободы выбора языка обучения распространение и знание русского языка как средства общения народов СССР не только не уменьшится, но, напротив, расширится. Вот в этом-то и состоит интерес русиста.

Но надо быть откровенным до конца. Не стоило браться за перо, если бы все было так замечательно. Нет ничего хуже шарашаля из одной крайности в другую. Иные авторы писем и статей (не скажу, что их большинство, но есть и такие) в пылу полемики, в стремлении выговориться, в желании наиболее ярко высветить болевые точки в языковой жизни общества вновь допускают креп,

хотя и в другую сторону. И опять знакомая картина, опять двуязычие на втором плане. Скороговоркой сказав о значении русского языка в жизни народов СССР, все внимание сосредоточивают на этот раз уже на проблемах национальных языков. Иногда обходятся и без такой скороговорки. И появляются рассуждения о вредности детского двуязычия. Какое уж там обучение второму языку, если «двуязычие способно вызвать чувство неопределенности национальной принадлежности, привести к тому, что люди начнут стесняться своей национальности. Это неизбежно влечет за собой рост агрессивности, понижение интереса к культуре своего народа и культуре вообще (типичный пример — судьба индейцев Америки), приводят к появлению комплексов и конфликтов внутри и вне личности» («Радуга», Таллин, 1987, № 6). Все несогласные с этим — сторонники ассимиляционной концепции, иначе «ассимиляторы».

Да, есть проблемы детского двуязычия, тем более требующие незамедлительного решения, что затрагивают они интересы многих миллионов людей. Существующие по этой теме исследования содержат столь различающиеся выводы, что подчас высказываются прямо противоположные суждения о целесообразности обучения второму языку в детском (дошкольном и даже школьном) возрасте. Но вместо серьезного, делового и аргументированного, а главное, конструктивного обсуждения действительно очень важной проблемы — навешивание ярлыков и надуманные обвинения в некомпетентности.

Особенно обидно, когда «перестроившиеся» лингвисты начинают с серьезным видом рассуждать о том, что русизмы «засоряют» национальные языки, а вот национальная лексика «обогащает» русский язык; с отступлениями от норм родного языка надо решительно бороться, а на русском вполне допустимо изъясняться кое-как, лишь бы можно было что-то понять. И опять стряхивают пыль с несостоятельной теории национальных вариантов русского языка. Представляете, какое богатство вариантов русского языка в нашей многоязычной стране? Только вот смогут ли эти «варианты» обеспечить выполнение русским языком функции языка межнационального общения народов СССР? И почему, боясь за родной язык, можно так пренебрежительно (иного слова не подберу) относиться к русскому языку, который, между прочим, тоже национальный язык?

И еще об одной теме, также часто затрагиваемой в письмах и статьях — о русско-национальном двуязычии. Прежде всего нужно прямо сказать, что русское население союзных республик недостаточно активно овладевает языком коренного населения. Так, по

данным переписи 1979 года, уровень русско-национального двуязычия (в процентах, от общего количества русского населения в союзных республиках) составлял от 0,7% в Казахской ССР до 36,0% в Литовской ССР. Тот факт, что русское население плохо знает или вообще не знает языка коренного населения, воспринимается в республиках, мягко говоря, без особого удовлетворения. Недавно в Молдавии, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и в других республиках были приняты постановления о повышении уровня преподавания и изучения национальных языков, предусматривающие также всемерную поддержку стремления представителей других национальностей изучить на добровольных началах язык коренного населения. Однако сделано для этого пока что очень мало: недостаточно пособий для желающих овладеть тем или иным национальным языком, да и приобрести их трудно.

Очевидно, что одного только желания повысить уровень распространения национального языка недостаточно, для этого нужны прежде всего соответствующие условия, разнообразные учебники и учебные пособия, специальные словари и справочники, разговорники. Но и здесь есть положительные сдвиги: в Латвийском государственном университете разрабатывается новый самоучитель для интенсивного изучения латышского языка; работают курсы по изучению национальных языков в Казахстане и Туркмении; Башкирское книжное издательство выпустило русско-башкирский разговорник; разнообразные пособия по национальным языкам начинают издавать и в других республиках. Больше внимания стали уделять изучению национальных языков и в средних школах республик.

Овладение языком коренного населения союзных и автономных республик, национальных краев и областей, разумеется, способствует укреплению дружбы и взаимопонимания народов нашей страны, вносит весомый вклад в воспитание подлинного интернационализма, позволяет активнее включаться в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь республики.

Все национальные языки как часть духовного богатства народа достойны бережного отношения. И потому в заключение затронутой нами темы вспомним слова замечательного советского писателя К. Г. Паустовского: «По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране не мыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к своему языку, — дикарь. Он вредоносен по своей сути потому, что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа».

Крылатые слова у В. И. Ленина

Б. И. Матвеев,

доцент Академии общественных наук при ЦК КПСС

ловарь В. И. Ленина необычайно богат. На протяжении всей жизни Владимир Ильич стремился усвоить знания, накопленные человечеством. Это

отчетливо проявилось в его публицистике, для стиля которой характерно широкое использование крылатых слов. Их источники самые разнообразные: античные и библейские мифы, пословицы и поговорки, мировая художественная литература, публицистика, мемуары. По словам В. И. Ленина, «бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений» (Полн. собр. соч. Т. 25. С. 138).

В ленинских трудах крылатые слова усиливают значение высказываний, сообщают им особую выразительность и образность. Проследим употребление В. И. Лениным таких слов, которые вошли в русский язык из античной мифологии и литературы. Выражение *перейти Рубикон* означает «сделать бесповоротный шаг, совершить решительный поступок», например: «...броненосец „Потемкин“ остался непобежденной территорией революции... Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром» (Т. 10. С. 337); *Ганнибал у ворот* — «близкая и грозная опасность»: «...всякое промедление в нашем теперешнем положении поистине „смерти подобно“. Ганнибал у ворот, — об этом мы не должны забывать ни на минуту» (Т. 35. С. 408).

Решительно осуждая догматизм в решении задач революции, В. И. Ленин использует сочетание *прокрустово ложе* — «мерка, под которую насильно подгоняют что-либо, для нее не подходящее»: «Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой „теории“ вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*» (Т. 31. С. 44).

В. И. Ленин наполняет слова новым, революционным содержанием, которое обычно конкретизируется соседним предложением. При этом крылатые слова часто занимают ключевое положение — в начале или в конце абзаца: «*Гора родила мышь*. Вместо „революции, налагающей руку на капиталистов“, чисто бюрократический рецепт» (Т. 32. С. 206); «Конкретные политические задачи надо ставить в конкретной обстановке. Все относительно, *все течет, все изменяется*» (Т. 11. С. 75); «Выборы президиума — не мелочь. Это первый шаг, за которым последуют другие. *Жеребий брошен*» (Т. 15. С. 33) — [курсив в этих примерах наш.— Б. М.]

Иногда иноязычному изречению даются русский эквивалент и толкование. Крылатое выражение становится предельно ясным не только благодаря переводу, но и политическому примеру, который содержится в тексте: «В политике нет места смирению, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) может принимать за смирение исконный полицейский прием: *divide et impera*, разделяй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай левой рукой и отними правой» (Т. 5. С. 62) — *разделяй и властвуй*.

Для стиля В. И. Ленина характерно объединение книжных выражений с разговорными и просторечными: «Интересна еще в „Русском Богатстве“ (за июль) статейка Ратнера о „Капитале“. Меня всего сильнее возмущают подобные любители золотой середины, которые не решаются прямо выступить против несимпатичных им доктрин, виляют, вносят „поправки“, обходят основные пункты (как учение о классовой борьбе) и ходят кругом да около частных» (Т. 46. С. 16). *Золотая середина* — калька из оды римского поэта Горация — соседствует здесь с разговорно-бытовым фразеологизмом *ходить кругом да около*, то есть «не доходя до сути дела» и просторечным *вилять [хвостом]* — «хитрить» (употреблен в усеченном виде). Сочетание разных по стилю фразеологизмов повышает экспрессию предложения.

Крылатые изречения античного происхождения оттеняют восприятие разной по стилю лексики: «„Поход против Думы“ этих левых партий есть отражение известного течения в народных низах, есть отзвук некоторого массового... ну, скажем, что ли, возбуждения против *самодовольных нарциссов, влюбленных в окружающие их навозные кучи*» (Т. 15. С. 253); «Попытки этого последнего „углубить“ вопрос и объявить вообще неадекватность и „буржуазность“ политических партий есть уже такие *геркулесовы столбы нелепости*, что остается только руками развести» (Т. 41. С. 26) — [курсив в примерах наш.— Б. М.] — происходит сближе-

ние далеких слов и выражений *нарциссы* и *навозные кучи*; *геркулесовы столпы* и *целеность*.

Не меньшая яркость и острота выражения достигается В. И. Лениным и в тех случаях, когда он использует лишь отдельные речевые элементы крылатых слов, в частности таких, как *Юпитер*, *ты сердисься*, — значит *ты не прав*. Статья «Некритическая критика» начинается таким усеченным фразеологизмом: «„Юпитер сердится“... Давно уже известно, что такое зрелище очень забавно и что гнев грозного громовержца вызывает на самом деле только смех. Лишнее подтверждение этой старой истины дал г. П. Скворцов, обрушившийся с грудой самых отборных „сердитых“ выражений на мою книгу о процессе образования внутреннего рынка для русского капитализма». Далее В. И. Ленин именует своего оппонента *грозным Юпитером*, который *мечет громы и молнии*, «критикует» (Т. 3. С. 613, 618, 619). А вот пример использования сокращенного сочетания *Минерва*, *вышедшая из головы Юпитера*: «Революции никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспыхивают сразу» (Т. 27. С. 112).

В. И. Ленин творчески использовал выразительные свойства устойчивых изречений, наполняя их новым содержанием и изменяя форму — лексический состав, морфологическую и синтаксическую структуру. Распространяются, как правило, номинативные выражения. Яркие определения к собственному имени *Нарцисс*, с одной стороны, углубляют его значение «самовлюбленный, любящий себя человек», с другой — выражают отношение В. И. Ленина к своим оппонентам: *Нарциссы мелкой буржуазии* (Т. 43. С. 241), «горделивое самодовольство и нарциссовски-восхищенное повторение заученных в ранней молодости фраз об анархизме, бланкизме...» (Т. 14. С. 9). По той же схеме трансформирован фразеологизм *авгиевы конюшни*: «...Авгиевы конюшни заграничной дрязги...» (Т. 8. С. 266–267); «...авгиевы конюшни филистерства, узколюбия, ренегатства...» (Т. 37. С. 264).

Включение ряда новых слов в целях обличения, партийного отношения к изображаемым событиям — свидетельство новизны и целенаправленности ленинского словоупотребления. Так, новое лексическое наполнение получает выражение *гордиев узел*: «Эти радикальные и подкрашенные даже идеями мещанского социализма требования вызывались вовсе не „социализмом“ мужика, а экономической необходимостью разрубить запутавшийся узел крепостнического землевладения, расчистить дорогу для свободного фермера (предпринимателя в земледелии) на свободной от всех средневековых перегородок земле» (Т. 16. С. 423–424) — *разрубить запутавшийся узел*.

Иногда В. И. Ленин, сохраняя структурную схему того или иного изречения, изменяет его лексический состав и придает иной смысл. По сути дела, это совершенно новое выражение. Вспомним знаменитые слова о роли коммунистической партии в революционном преобразовании общества: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» (Т. 6. С. 127). Они представляют собой изменение известного изречения Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю».

Как видим, крылатые слова у В. И. Ленина нередко претерпевают смысловые и структурные изменения. Цель этих изменений — повышение экспрессивных возможностей фразеологизмов. Для этого В. И. Ленин использует самые различные стилистические приемы: переосмысляет античные изречения, сообщая им ироническое звучание; дает подробное толкование, с предельной ясностью раскрывая политический смысл выражения; противопоставляет разговорный фразеологизм книжному; трансформирует крылатые слова: сокращает, расширяет, заменяет один из компонентов другим; наполняет синтаксическую структуру выражения совершенно новым содержанием.

Пародия в ленинской публицистике

К. В. Наумов,

профессор Ровенского пединститута

перевод с греческого *пародия* — это перепев, комическая имитация. Ее цель — высмеять какое-либо явление. Используя для этого форму оригинала, автор пародии вскрывает комизм его содержания. С античных времен и до наших дней пародия занимает заметное место не только в художественной литературе, но и в публицистике. Мастерством публицистической пародии в совершенстве владел М. Е. Салтыков-Щедрин. С большим искусством он пародировал язык либеральной и реакционной печати, правительственные циркуляры, докладные записки, научные и исторические сочинения и т. д.

Успех таких произведений обеспечивается глубоким проникновением писателя в тайны языка и специфику различных стилей. А. С. Пушкин писал о пародии: «Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами...»

Для публицистической пародии, вторгающейся в сферу общественной, идеологической борьбы, характерен «грозный смех». Этим приемом великолепно владел В. И. Ленин.

Пародийное искусство Ленина многогранно. Чаще всего в его публицистике пародия возникает при цитировании критикуемого материала. Подмечая характерные черты, воспроизводя интонацию, стилистические штампы оригинала, Ленин вскрывает непоследовательность и реакционность врагов пролетариата. Он доводит до абсурда вычурный язык публицистов, не имевших ясных ответов на жизненно важные вопросы и прибегавших к напыщенному фразерству.

В памфлете «Герои „оговорочки“» Ленин приводит высказывания М. Неведомского о Л. Толстом: «Вобрав в себя, — пишет сей вития современной интеллигенции, — и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала *совести*». Вслед за цитатой дается пародия на нее: «Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала празднословия» (Поли. собр. соч. Т. 20. С. 93–94).

В статье «Принципиальные вопросы избирательной кампании», разоблачая ликвидаторов, Ленин пишет: «„Самодельные“, „самосознательные“, „творческие“, „мобилизация боевая“, „самое широкое“, „самое открытое“... Как это не тошнит людей от этого — употребляю щедринское выражение — языкоблудия?» (Т. 21. С. 75). Ликвидатор Юрий Чацкий писал, что рабочие должны *прочувствовать* избирательную платформу. «Но вот что значит „прочувствовать“ платформу, — саркастически пишет Владимир Ильич, — это понять мудро. Может быть, гг. Неведомский и Луначарский в следующем номере „Нашей Зари“ напишут „прочувствованные“ статьи о „прочувствовании“ избирательной платформы самодельным авангардом самосознательных мобилизуемых масс?» (Т. 21, С. 76). Утрируя «чужой» стиль, выявляя и заостряя уродливость речевого склада реакционной и оппортунистической публицистики,

Ленин высмеивал не только язык представителей враждебных марксизму партий, групп и политических течений, но прежде всего их взгляды.

Основой высокой действенности публицистических пародий, созданных Лениным, явилось глубокое знание им языка и многообразных стиливых модификаций. Ленин неоднократно перефразирует крылатые слова, литературные цитаты, популярные лозунги и т. д. в целях насмешки над противником. Так, он пишет, что Михайловский в полемике с марксизмом действует по формуле: «...сказать, поломаться и „победить“» (Т. 1. С. 156). Здесь ироническое употребление слов Юлия Цезаря, ставших крылатыми: *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил). Перефразировка известной цитаты служит средством осмеяния реакционных политических деятелей, буржуазных публицистов и т. п.

Во «Внутреннем обозрении» Ленин иронизирует над припатыми царским правительством «Временными правилами», регламентировавшими помощь голодающим. Он определяет их как «временнокаторжные правила» и пишет, что статью 3, «применительно к названию глав в некоторых романах Диккенса, можно бы назвать: „та статья нового закона, в которой говорится о необходимости применяться к старым законам“» (Т. 5. С. 314). Это также пародийное использование названия глав романа Диккенса: автор не только высмеивает язык правительственного циркуляра, но и разоблачает самую суть «акробатов благотворительности».

Разновидностью пародийного использования является обращение к персонажам русской и мировой литературы. В этом случае враждебный публицист, реакционный политический деятель, представитель буржуазной партии низводится до уровня соответствующего литературного типа. Пример такого рода — заметка-памфлет «Социал-демократическая душечка». «Душечка» — известный рассказ Чехова, в котором писатель нарисовал образ безвольной женщины, не имевшей собственного мнения, всегда с радостью подчинявшейся чужому влиянию. Ленин уподобил чеховской «душечке» Старовера (Потрессова), сотрудничавшего в старой «Искре», а затем переметнувшегося к меньшевикам. Поводом для написания заметки-памфлета послужила статья Старовера «Наши злоключения», в которой он отрекался от традиций ленинской «Искры». Автора «Наших злоключений» приветствовал журнал «Освобождение» — орган либеральной буржуазии, возглавляемый в то время известным ренегатом П. Струве. Нападки на Ленина привели Старовера в объятия буржуазии. Владимир Ильич пишет: «Приветст-

уемый „Освобождением“ тов. Старовер продолжает в новой „Искре“ каяться в грехах, содеянных им (по неразумию) участием в старой „Искре“. Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа „Душечка“. Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Ванечкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. „Мы с Лениным“ ругали Мартынова. „Мы с Мартыновым“ ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутиться ты завтра?» (Т. 11. С. 281).

Яркую пародию на лживые писания кадетских публицистов создал Ленин с использованием образа Иудушки Головлева. В памфлете «Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры» он увековечил как перл пошлости кадетскую тактику «бережения Думы» и рассуждения на эту тему главного органа кадетов — газеты «Речь». С отвратительным лицемерием «Речь» воспевала политический застой, временное «отсутствие фактов» революционной борьбы, пыталась внушить массам, что общественное затишье «есть первый осязательный результат вмешательства» народной воли в события. Беспощадно бичует Ленин кадетского Иудушку: «Жаль, что не дожил Щедрин до „великой“ российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к „Господам Головлевым“, он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и пагайке? Ты жалуешься на „отсутствие фактов“? Неблагодарный! Но ведь отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли... что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о „поэзии борьбы“» (Т. 15. С. 213).

Проливая «слезы умиротворения» на возмущенных разгулом контрреволюции, «Речь» писала: «День, когда дебаты в Таврическом дворце будут казаться такой же неизбежной принадлежностью дня, как обед днем и театр вечером... этот день можно будет приветствовать, как день окончательного торжества представительного правления в России». Ленин с возмущением пишет: «Это ты, Иудушка! День, когда секомые вместо „дебатов“ будут молчать, теряя сознание, когда старая помещичья власть (подкрепленная „либеральными“ реформами) будет так же бесес-

печена помещикам, как обеспечен либеральным Иудушкам обед днем, а театр вечером, — этот день будет днем окончательного торжества „народной свободы“» (Т. 15. С. 214). Здесь используются синтаксические особенности «прототипного» стиля, которые воссоздают интонацию речей Иудушки Головлева. В результате щедринский герой-лицемер воскресает на страницах памфлета, и становится особенно пагубной роль кадетов как прислужников самодержавия.

В памфлете «„Сожаление“ и „стыд“» Ленин пародийно использовал гоголевскую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Объектом сатиры являются правый кадет Маклаков и председатель Совета министров Столыпин. Интонация ссоры, затеянной Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем из-за пустяка, как нельзя более подходила для характеристики перебранки между этими политическими деятелями на одном из заседаний Думы.

«Повесть о том, как Иван Иванович стыдил Ивана Никифори́ча, а Иван Никифори́ч стыдил Ивана Ивановича. Стыдно не соблюдать обычных норм конституционализма, говорит Ивап Иваныч Ивану Никифори́чу. Стыдно грозить революцией, которой сам боишься, в которую не веришь, которой не помогаешь, — говорит Иван Никифори́ч Ивану Иваны́чу» (Т. 20. С. 248).

Пародирование играет существенную роль в публицистике Ленина. Публицистическая пародия придает яркость и образность ленинским произведениям, обогащает содержание важными оттенками мысли, способствует углубленной трактовке событий.

Ровно

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ТЕКСТОЛОГА

„Чудный город Миргород!“

С. А. Фомичев,
доктор филологических наук

Название художественного произведения обычно бывает или зерном, из которого рождается замысел, или же венцом произведения. По назначению своему, по своей поэтической функции заглавие, если оно действительно удачно, непременно должно соотноситься со всеми сюжетными ходами, со всеми образами и элементами художественного произведения, вплоть до мельчайших деталей. Понять название — значит прощипнуть в сущность авторской мысли. Между тем до сих пор не оставалось особого внимания исследователей название одного из оригинальнейших гоголевских произведений — «Миргород». Вероятно, оттого, что оно кажется самоочевидным, более или менее случайным.

В самом деле, вышедшая в свет в 1835 году новая книга Гоголя была озаглавлена «Миргород. Повести, служащие продолжением „Вечеров на хуторе близ Дикавочки“», а самая ранняя из повестей, появившаяся в печати годом раньше, — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», была тогда обозначена автором как «Одна из неслыханных былей папичника Рудого Панька». Заглянув в предисловие ко второй части «Вечеров на хуторе близ Дикавочки», любознательный читатель мог догадаться, что рассказчиком «были» стал, по всей вероятности, один из Паньковых гостей, о котором сказано так: «(...) приехал еще... вот позабыл, право, имя и фамилию... Осип... Осип... Боже мой, его знает весь Миргород! он еще, когда говорит, то всегда щелкает наперед пальцем и подопрется в боки... Ну, бог с ним! в другое время вспомню».

Надо добавить к тому же, что еще в Дикавочке об уездном городе пет-пет да вспоминали — с должным почтением. Из хуторского далека он виделся официальным и величественным. Старый Панько, упомянув о своей неприязни к «покоям великого пана», восклицал: «Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал

меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный перерей, чем покажаться в этот великий свет».

Тот же провинциальный пиетет в полной мере торжествует и в повести о ссоре Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича — видно, рассказчик ее, полноправный и осведомленный обо всех городских новостях житель Миргорода, переселился туда из Диканьки не столь уж давно (не случайно же миргородский Осип по-своейски гостит на хуторе у Пацька), а потому и не изжил еще никакой восторженности. Заметим, что в конце повести он уже покинет уездный город и наведается туда проездом, повзрослеет и увидит Миргород иными глазами. Но когда-то он прямо-таки захлебывался от восторга (вспомним подмеченную паспичником характерную деталь: «когда говорит, то всегда щелкнет наперед пальцем и подпрется в боки»):

Чудный город Миргород! Каких в нем нет строений! И под соломенную, и под очеретную, даже под деревянную крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нем вьется хмель, на нем висят горшки, из-под него подсолнечник показывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь! (...) Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте ее.

Но я тех мыслей, что нет лучше дома, как поветовый суд...

Нетрудно заметить, что стилистически это описание чем-то сродни началу «Сорочинской ярмарки», открывавшей «Вечера на хуторе близ Диканьки»:

«Как уютелен, как роскошен летний день в Малороссии! (...) Серые скирды сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!»

Именно это сопоставление подчеркивает трагичность стиля повести о ссоре. Если в идеальном, народно-поэтическом мире «Сорочинской ярмарки» — подлинная красота природы, то миргородская «нега» оборачивается застойной и обжурочивающей ленью. И зеркалом жизни становится «удивительная лужа». Отсюда первый спектр значений общего названия новых гоголевских повестей, раскрывающих уездно-горделивые потуги на величие. Но вместе с тем повесть о ссоре заставляет иронически переос-

мыслить семантику заглавия: *Мир-город*, то есть мирный город. Какой же он мирный, если ничтожный повод ведет к нескончаемой сваре, канцелярским и судебным битвам?

Однако и этот пласт значений, всячески обыгранный в «Были», еще не исчерпывал общего заглавия книги.

Все дело в том, что уездный малороссийский городок мог бы по праву гордиться своим именем, славным в истории украинского народа. В 1575 году Стефан Баторий назначил его городом особого полка, в следующем веке Миргородский полк, состоявший из 14 сотен, занимал значительное пространство до северных частей Харьковской губернии и особенно отличился в годы национально-освободительного движения под руководством гетмана Богдана Хмельницкого. Героическому прошлому Украины посвящена повесть «Тарас Бульба», вошедшая в книгу «Миргород». В первой ее редакции (1835 года) прямо вспоминались исторические истоки: «Когда Баторий устроил полки в Малороссии...»

В книге повесть «Тарас Бульба» предшествует «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», предупреждая читателя о ничтожестве теперешних «вояк». Но в творческой истории всей книги пародия предшествовала героической эпопее. В этом заключался определенный художественный парадокс, нарушалась обычная последовательность (сначала высокий образец, потом пародия). Гоголь отталкивался от фарса и прорывался к легендарной старине, следуя сформулированному им завету: «Бей в прошедшем настоящее — и тройною силою облетится твое слово».

Парадоксально строится и сюжет «Тараса Бульбы». Внешне он будто бы демонстрирует распад кровных, семейных связей: покидают навсегда свою мать сыновья, отец убивает изменника-сына, присутствует на казни другого — и сам гибнет, распятый врагами. Но этот трагический процесс обуславливает рождение новых, более прочных исторических, общественных связей между людьми, обретение ими национального единства в совместной борьбе за свободу. Мир повести разомкнут в пространстве и времени. Вспомним хотя бы описание хутора Тараса: «(...) высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор», или гимн родной степи казачества — *степи-океану* (ср. миргородскую лужу), или такую немаловажную, специально отмеченную писателем деталь: в Сечи «нигде не видно было забора». Отсюда и концовка героической повести:

«Казакки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно грести веслами, осторожно миная отмели, всплываясь поднимающихся птиц, и говорили про своего атамана».

Но не таков общий художественный мир всей книги Гоголя, в которой напоминание о героическом прошлом звучит беспощадным укором бездуховной современности. В противовес разомкнутому пространству эпопей предельно стеснен и огорожен быт героев в остальных трех повестях. В самом Миргороде, как мы помним по «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», — «езде прекрасный плетень». Герой «Вия», философ Хома Брут погибает, замкнув себя, казалось бы, спасительным кольцом. В «Старосветских помещиках» (составляющих вместе с «Тарасом Бульбой» первую часть книги) рассказчик ощущает «сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада», видит «низенький домик с галлереею из маленьких почернелых деревянных столбиков, идущею вокруг всего дома»; только прочная ограда и способна на время защитить трогательно-комичную идиллию, достаточно чуть нарушить заграждение, подманить сквозь дыру в амбаре «кроткую кошечку Пульхерии Ивановны», чтобы обречь на гибель старосветских помещиков и весь уклад их жизни. И этот, постоянно варьирующийся во всех повестях книги мотив заставляет заново вдуматься в ее название — обнаружить в нем еще один, едва ли не главный смысл.

Обращенная к малороссийской действительности книга Гоголя неизбежно придавала и самому заглавию неожиданную украинскую огласовку. Два корня заглавного слова по-украински звучат как оксюморон, так как «мир» — это (устарелое и торжественное) «Мир, Вселенная», а «горód» (вполне обыденное) — «огород» (по-украински, собственно *город — місто*). Итак, «огороженная Вселенная» — вот что представляет собою описанная Гоголем действительность. Под стать такому заглавию и два эпитафия, предваряющие книгу, — с упоминанием «Миргорода нарочито певеликого города» и единственной местной достопримечательности: *бублика* (ведь это тоже круг, замыкающий пустоту). Потому-то подлинно «миргородскими» оказываются и те повести книги, которые по материалу с географическим городом Миргородом вовсе не связаны. Какие же силы замкнули перспективу, разобцили людей и ополчили их побуждения? Таким горьким вопросом оборачивается название книги Гоголя. В ней писатель прощался с украинской темой, потому что ответ здесь мог быть только общероссийским. И потому не случайно возникает столь же оксюморонное название города, в котором закончатся события последней из написанных Гоголем книг, второй части «Мертвых душ». Там город будет назван Тьфуславль.

Ленинград

Гоголь и Андрей Белый

И. Ю. Симачева

В своей книге-исследовании «Мастерство Гоголя» (М.-Л., 1934) Андрей Белый писал: «Гоголь дважды прошелся ветром по нашей литературе: в середине прошлого века, в начале нынешнего». Интерес русских символистов (А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, Д. Мережковский, Эллис и др.) к личности и наследию Гоголя — знамение времени. На рубеже веков усилились те конфликты в общественном и литературном сознании, которые в середине прошлого столетия только обозначились. Внимание Белого к творчеству Гоголя возникло по причине содержательной, как воплощение собственного взгляда на эпоху начала столетия. Избранная им форма — легко узнаваемая, но качественно измененная, призвана была передать результат духовной, культурной деградации общества, обнаружить очевидность процессов, которые лишь диагностировал Гоголь.

Для Андрея Белого (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева, 1880—1934) школа Гоголя, традиции русского критического реализма были священны, а его обращение к гоголевским образам и мотивам — процесс творческий, естественный и продуктивный. Особенно ощутимо воздействие Гоголя в языке и стиле произведений Белого, который называл Гоголя «величайшим стилистом» всего европейского искусства, подразумевая под стилем «не слог только, а отражение в форме жизненного ритма души» (Белый Андрей. Луг зеленый. Книга статей. М., 1910). Однажды он провозгласил себя «новым Гоголем», и это самоотождествление с великим предшественником проявилось как в ряде художественных произведений, так и в бытовом поведении. В частности, по поводу своего романа «Серебряный голубь» писатель высказал следующее замечание: «Так пишет Белый-Яновский (Бугасв-Гоголь)» (Мастерство Гоголя).

Парадоксальный, на первый взгляд, факт: Андрей Белый — преемник лучших классических традиций Гоголя и одновременно родоначальник новой орнаментальной прозы XX столетия. Соединение этих начал видел и понимал сам писатель, признавая, что,

с одной стороны, «Серебряный голубь» «являет итог семнарии по „Вечерам на хуторе близ Диканьки“», а с другой стороны, он называл прозу романа «качественно иного текста, чем гоголева» (Там же). Уже поэтому анализ «гоголизмов» в произведениях Белого представляется интересным и перспективным.

В начале 900-х годов Белый пишет одну за другой четыре «симфонии»: «Северная», или «Героическая» (первая), «Драматическая» (вторая), «Возврат» и «Кубок метелей». Предметом нашего внимания будут три из названных «симфоний» (исключая «Кубок метелей») и романы «Серебряный голубь» (1909) и «Петербург» (1912). В этих «симфониях», которым нет даже отдаленных аналогов в истории русской литературы, претворен дерзкий замысел молодого писателя и поэта — целиком подчинить прозу музыкальному ритму. Развивая эту мысль, исследователь Е. Старикова замечает, что Белый «ради дерзости эксперимента подчас нарушал границы „художественности“ (...) Ритм служит здесь формообразующей основой произведения — ритм внутри каждой отдельной фразы, музыкально организованной по принципу того или иного (традиционного) стихотворного размера, ритм причудливого соединения разноразмерных строк между собой внутри каждого отдельного „куска“ „симфонии“, соответствующего стихотворной строфе, наконец, ритм чередования и повторения самих этих „кусков“. Образ и слово должны были служить иллюстративными элементами по отношению к музыкальному звучанию слова, фразы, отрывка» (Старикова Е. Реализм и символизм // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М., 1974. Т. 3).

В текстах «симфоний» явно прослеживается влияние гоголевской прозы, одной из существенных черт которой, по замечанию Белого, является «обилие аллитераций». Обратимся к примерам из Гоголя: «Светлый сери светил» (Вий); «(...) как поссорившиеся перекрутки перекидывались бранью и раками»; «(...) на истомленных волах воз, наваленный мешками» (Сорочинская ярмарка). Белый в «симфониях» повторяет не только отдельные звуки, но и целые слоги: «Громоздили громаду на громаду» («Северная»); «Они спешили в притоны работы, выпуская струи пара, и узнавали друг друга в этих утренних встречах» («Возврат»). В «Серебряном голубе» автор усложняет прием, создавая «спайку повторов: словесного и звукового»: «то-мная, ту-ская пелена то-мно и ту-скло топит окрес-тно-сти» (Мастерство Гоголя).

В своей ранней статье о Гоголе Белый отмечал, что «характерны глаголы Гоголя; в употреблении их мы усматриваем самый откровенный импрессионизм» (Луг зеленый). Из Гоголя: «(...) перси (...) просвечивали» (Вий); «Вид (...) обличал преклонные

лета»; «(...) мысли его ворочались безостановочно» (Сорочинская ярмарка). Перефразируя Белого, можно сказать, что его «симфонии» представляют собой семипарий по гоголевским глаголам и сложным эпитетам. Сложные эпитеты и импрессионистический, метафорический глагол – неизменные спутники поэзии и прозы писателя. Так, в «Северной» читаем: «Утешали ад мракобесия дымом и жгучестью»; «далекий лес бунтовал»; в «Драматической»: «Обменялись взаимным презрением»; «Хохотала красавица зорька». В «Возврате» находим: «(...) вода не скрывала тайн»; «(...) на мраморном челе притаилась чуть видная морщина». В «Серебряном голубе» глаголы столь же живописны и эмоциональны: «(...) кличет раздрачный колокол»; «поп загулял крестом по посам»; «резанул крестом по зубам»; «барышни пробовали с ним щебетать». И подобных примеров в романе множество.

Несколько иначе дело обстоит со сложными эпитетами, которые «употреблял Гоголь в изобилии» (Луг зеленый). Белый писал: «Сложные эпитеты Гоголя двух родов: одни запечатлевают предмет наблюдения, взятый из обстания; в других отражены субъективные восприятия предмета; этот вид в свою очередь разлагаем на два подвида: в одном эпитеты отвечают творческому переживанию; в другом они – пафуманы, рассудочны, аллегоричны: «эластично-нежная округлость женской груди» (Вий), «(...) умножающее слово» (Мертвые души), «(...) двухэтажный подбородок» (Иван Федорович Шпонька и его тетушка), «воронкообразное лицо» (Новель о том, как поссорился...).

Другой ряд эпитетов, как результат попыток прорисовать сложное восприятие, хотя и тяжеловат в композиции, по красиво вылеплен: «(...) короткошейная бутылка» (Коляска), «трепетнолистные купола» (Мертвые души), «белопрозрачное небо» (Страшная месть) – (Мастерство Гоголя).

На наш взгляд, в «симфониях» Белого преобладают сложные эпитеты последней группы. Космический, мистический, сказочный, потусторонний мир «симфоний» требовал от автора особых изобразительно-выразительных средств. У художника-символиста внимание к краске, к цветописю наиболее пристальное. Так мы находим в «Северной»: *бледнокаменное* лицо, *багрово-красный* луг, *козлородый* рыцарь, *страх грустно-задумчивый*, *невозможно-бредовые* слова, *вечер грустно-синий*, *ясноголубая* ночь, *серебряногонимые* коздувы, *виновозолотой* горизонт. В «Драматической»: *зеленобледный* горбач, *серебряно-бледные* листья. В «Возврате»: *серо-зеленое* облако, *золотисто-зеленое* небо, *снежосеребряный* старик, *белоструйная* седина, *изумрудно-золотой* небосклон, *благодушный* кентавр, *чернобредовые* мировые объятья. А вот в «Серебря-

ном голубе» сложные эпитеты практически не встречаются, что объясняется совершенно иным подходом к материалу и другой повествовательной манерой.

Простые эпитеты у Белого так же интересны, как и у Гоголя. В их употреблении наблюдается определенная закономерность. В «Северной симфонии» они традиционны: *жемчужные* слезы, *алмазные* слезы, *рубиновые* глазки. А в «Серебряном голубе», кроме непосредственно цветового эффекта, они рассчитаны на проническое звучание. Вспоминаются при этом знаменитые гоголевские «чудный город Миргород» и «славная бекеша». У Белого: «Пузатые просфоры» раздает отец Вукол; у помещика Уткина «шесть спелых дочерей»; «богоспасаемым» называет рассказчик Лихов — город, «истребляемый (...) желудочными болезнями, пожарами, пьянством, развратом и скукой».

Создавая собственные имена, Белый прежде всего ориентировался на Гоголя, имена и фамилии героев которого, по мнению Белого, «выпучены ужасом пошлости или хлещут, как кастаньеты, гротеском» (Мастерство Гоголя). А в статье «Гоголь» Белый, характеризуя персонажей первого периода творчества классика, писал: «(...) перед нами не человечество, а дочеловечество; здесь землю населяют не люди, а редьки (...) не мир людей, а мир зверей» (Луг зеленый). Следующая картина как бы иллюстрирует общность гоголевского мира, в понимании Белого, с героями его «Возврата»: «Вокруг бежали незнакомцы и знакомцы, покрытые шерстью. Точно это были медведи и фавны. Нет, это были люди.

Мимо промчался кентавр, дико ржа и махая палкой, а рядом с ним мчалась лошадь. Но это был мальчишка коночник».

Некоторые собственные имена у Белого, по замечанию Н. А. Кожевниковой, «восприимаются почти как цитата из Гоголя» (Кожевникова Н. А. Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого // Ономастика и грамматика. М., 1981). Если в «Драматической симфонии» впервые использован гоголевский прием создания гротескных имен собственных (Лида Верблюдова), то уже в «Возврате» подобные примеры обнаруживаем во множестве (Софья Чижиковна, Помпа Мелентьевна, Бык Барапович Мясо, Прах Петрович Трупов и т. д.).

Гротеск для Белого — это «смешное смешение», превращение мира «в завиток *каламбура*, где столкнуты вместе: полишинели и бог», где безвкусица — «утонченье особого вкуса: безвкусица — *style satanesque*» (Белый Андрей. Офейра. М., 1921). Гротескные произведения для него не столько смешны, сколько ужасны: «хохот ревет» в них «черным ужасом смерти».

Иногда Белый иронически обыгрывает гротескные фамилии, сталкивая их в контексте со словами родственного ряда. Восхищает своим остроумием и законченностью мастерски созданная зарисовка о двух ученых: профессорах Грибоедове и Трупове, которых он называет «кентаврами», а их диссертации — «учеными кирпичами». Однажды, столкнувшись в университетском коридоре, они «обменялись кирпичами». Причем «красный кирпич», озаглавленный «Мухоморы», был подарен Грибоедову, а «цвета засохших листьев» «Гражданственность всех веков и пародов» — Праху Петровичу Трупову. В конце главки первый «маститый ученый» уезжает в Охотный Ряд, в свою очередь Трупова извозчик везет к церкви Успенья на Могильцах.

В прозе Белого, как и у Гоголя, действуют, по выражению В. Я. Проппа, так называемые «сдвоенные персонажи», и это отражается на их именах. Классический пример: Бобчинский и Добчинский. Таковы же гоголевские дядя Митяй и дядя Миняй, Кифа Мокиевич и Мокий Кифович, Фемистоклюс и Алкид — дети Манилова и т. д.

В романе «Серебряный голубь» появляются два персонажа, отец и сын, Иван Степанов и Степан Иванов, которые не только построением имен восходят к Кифе Мокиевичу и Мокию Кифовичу, но и продолжают содержательную линию этой пары. В этом же романе заслуживает внимания еще один образ — генерал Чичиков. В его характеристике использован гоголевский прием, повторяющийся при создании и других образов Белого. Речь идет о наделении героя кличкой, двойной, а то и тройной фамилией, разными противоречивыми свойствами. Так, Чичиков нам представлен «почтеннейшим», «любезнейшим» Павлом Ивановичем, «преспрытым человеком», «фетюком», «благонамеренным человеком», «Наполеоном», «подлецом», «приобретателем», а в самохарактеристике перед зеркалом — «ах ты, мордашка ты этакой». Если вспомнить, кроме того, «кувшинное рыло» и более раннее — «щелкопер, бумаго-марак», «мальчишка тоньше серной спички», знаменитого «гусака» и т. п., мы убедимся, что Гоголь пристально всматривался в подобный материал. «Клички» его героев — скорее средство определения человека со стороны, способ преодоления однолинейности, угроза которой изначально заложена в сатирической характеристике.

Имя и фамилия, имя и прозвище, кличка, имя и псевдоним у Белого вступают в более сложные отношения друг с другом. «Противопоставление имен осознается как противопоставление разных начал, сосуществующих в человеке» (Кожевникова Н. А. Указ, соч.). И в этом смысле имя продолжает характеристику соз-

нания героя, совмещающего в себе разнообразные, несоединимые пачала. Поэтому в «Серебряном голубе» всевозможным лицам одного и того же персонажа соответствуют несколько обозначений: генерал Чижиков, он же граф Гуди-Гудай-Затрубинский, он же агент третьего отделения Матвей Чижов. А Митрий Кудеяров — и благостный старик и паук одновременно. Жена Еропегина — Фекла Матвеевна, получает постоянную кличку «лепёха» и др.

«Серебряный голубь» — роман, направленный против всего выродившегося, всего того, что потеряло жизненную активность. Таков лиховский купец Еропегин — миллионщик, человек вымороженный, существование которого бессмысленно. Перспективу гибели Еропегина Белый рисует с помощью ключевого, опорного слова-образа *лететь*, символического и для гоголевских «Мертвых душ». Вспомним Гоголя с его птицей-тройкой: «Кажись, певедомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы па облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль (...)»

Белый использует этот ключевой слово-образ в прямо противоположном значении. Он предрекает конец еропегинных, чья деятельность и существование мешают движению России вперед. И делает это с нескрываемой иронией, добавляя к главному слову ряд однокоренных: *лететь* — *слететь* — *пролететь* (при этом, как можно будет убедиться из последующей цитаты, глагол *лететь* берется автором в перепосном значении «быстро, незаметно проходить», слово *слететь* — в переносном значении «перестать существовать; исчезать, пропадать» и, наконец, *пролететь* здесь выступает как разговорное, в значении «быстро тратиться, расходоваться»).

«Полна жизнь еропегинская, — вот в его кулаке весь уезд; сожми он кулак, закряхтят баре: таковы дни его жизни. А ночи? Ночи летят — и в почках седеет иконописная его голова... вино, фрукты, женские всякого сорта тела — все летит, как и звуки летят, а куда все слетит? Пролетит и он, Еропегин, в свою пустоту со своей полнотой жизни, а у невичек его, как вот у этой старухи, зубы выпадут и заморщится кожа». Дополняет ироническую картину обреченности оксюморонная игра слов. Начинается фраза утверждением автора: «Полна жизнь еропегинская». Все дальнейшее высказывание раскрывает мнимую полноту этой жизни. А уже заключительное предложение звучит, как чистый оксюморон: «Пролетит и он, Еропегин, в свою *пустоту* со своей *полнотой* жизни (...)»

Этот прием Белый повторил в романе «Петербург» при создании образа Николая Петровича Цукатова. Ключевым словом-образом становится здесь глагол *танцевать*, образованные от него словоформы и однокоренные слова других частей речи.

Высказанное наблюдение отмечает отнюдь не частный случай. Повторы в духе Гоголя приобретают в прозе Белого характер тенденции. Немаловажной особенностью гоголевского стиля он считал «повторение одного и того же слова» (Луг зеленый). Например: «Пировали до поздней ночи, и пировали так, как теперь уже не пируют» (Страшная месть). Белый усваивал в своем творчестве этот принцип словоупотребления и сам же признавал, что «повторы в «Серебряном голубе» по Гоголю: «белая дорога, пыльная дорога бежит, она, бежит» (концовка с кольцом); «постоит, постоит.., в свое логово забирается... посидит, посидит, и опять войдет» (скреп с концовкой); «вы бы... спать пошли: и пошел бы спать» (стык с кольцом); далее, «пошел бы спать поп, кабы не дьячок: па то и дьячок, чтобы попа» и т. д.; стык («дьячок») с кольцом («поп-попа») и т. д.; таково же и усложнение повторов» (Мастерство Гоголя).

«Петербург», писал Белый, «переполнен тройным повтором», которого не было в «Серебряном голубе» (Там же). Например: «Мозговая игра (...) отличалась странными, весьма странными, чрезвычайно странными свойствами».

Внимание Белого привлекла и такая особенность гоголевской прозы, как «разделение существительного от прилагательного вставочными словами» (Луг зеленый). Из Гоголя: «(...) поглощенные ночным мраком дуга» (Вий). В «Мастерстве Гоголя» автор признается, что «гоголевская фигура отстава частит по «Серебряному голубю»: «робкая из оврага глянет хата»; «острым улыбнулся словечком»; «красный, белыми яблоками платок».

С «Серебряным голубем» связано появление еще одного «гоголизма» в творчестве писателя: скопление многих глаголов, существительных, прилагательных. Из Гоголя: «(...) степь краснеет, синее, горит цветами» (Иван Федорович Шпонька и его тетушка); «Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко» (Сорочипская ярмарка). Если в «симфониях» подобного скопления одной части речи практически не встречается, то в «Петербурге» их много. Белый не скрывал, что этот роман «итог семинария» по «Шинели», «Носу», «Портрету», «Запискам сумасшедшего» и что в «Петербурге» такие же, как и у Гоголя «повторы, рефрены, нагромождения глаголов, прилагательных, существительных, нарушающие равновесие пушкинской фразы: «защурнало; затрепетало, забилось... пискнула мышь»; или: «котелки, перья,

фуражки; фуражки, фуражки, перья; треуголка, цилиндр, фуражка; платочек, зонтик, перо» (12 сущ., «ноль» глаголов)» (Мастерство Гоголя).

В «Мастерстве Гоголя» Белый писал, имея в виду роман «Серебряный голубь»: «(...) характеристика «лиховцев» (*грязные и пыльные*) не отклик ли на характеристики *толстых* и *тонких* (Мертвые души)?» Здесь важно отметить, что Белый берет за основу композиционные элементы всей первой главы «Мертвых душ» и высказывается не только о лиховцах, но и о городе в целом.

Этот прием собирательной характеристики будет использоваться и в «Петербурге» при изображении посетителей Лихутиной, которые распались на две группы: на светских гостей и на гостей так сказать. «Эти, так сказать», гости были вовсе не гости: это были все желанные посетители... для отвода души; (...) Их почти силком к себе затаскивал ангел; (...) а так сказать гости бурно спорили друг с другом. И слышалось: «революция-эволюция» (...) Все только об одном и спорили эти, так сказать, гости». И далее Белый блестяще использует прием градации, построенный на употреблении относительных прилагательных (*золотая, серебряная, медная*), подчеркнуто снижая характеристику. Причем весь этот ряд в конце предложения вступает во взаимодействие с качественным прилагательным (*бедная*), что усиливает иронию подтекста. «(...) То была все ни золотая, ни даже серебряная молодежь: то была медная, бедная молодежь, получавшая воспитание на свои трудовые гроши; словом, то была учащаяся молодежь высших учебных заведений, щеголявшая обилием иностранных слов: „социальная революция“. И опять-таки: „социальная эволюция“».

Надеемся, что приведенный материал убеждает в том, что воздействие классика на писателя-модерниста трудно переоценить. Художественные достижения великого учителя помогли даровитому преемнику на новой почве, на новом витке развития России осмыслить ее путь, предвидеть ее будущее. В исследовании «Мастерство Гоголя» Белый признавался, что его проза «в звуке, образе, цветописи и сюжетных моментах — итог работы над гоголевской языковой образностью; проза эта возобновляет в XX столетии „школу“ Гоголя» (Мастерство Гоголя). Оставаясь «вечным учеником» Гоголя, Андрей Белый сложился как самобытный художник и своим творчеством дал новый импульс литературе нового века.

Орехово-Зуево

РУССКИЙ БЫТ И СЛОВЕСНОСТЬ

Что значит «куница» в «Шинели» Н. В. Гоголя?

О. Г. Дилакторская,
кандидат филологических наук

ля Акакия Акакиевича Башмачкина шитьё шинели — главное событие жизни, которому подчиняется все его существование. С идеей новой шинели изменился кроткий характер титулярного советника, и в голове замелькали «самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли точно куницу на воротник?».

Г. А. Гуковский в работе «Реализм Гоголя» (М.—Л., 1959) писал, что мечтать о кунице — «это значит мечтать о чем-то свойственном „значительным лицам“», но сам смысл появления идеи «не положить ли куницу на воротник» ученый рассматривал как выражение нравственных начал, возрожденных в человеческой природе героя, что представляется не совсем верным.

Вспомним, что *куница* оказалась для Башмачкина слишком дорога, и поэтому была куплена на воротник *кошка*, по которую издали всегда можно было принять за куницу. Гоголь останавливает внимание читателя на качественном значении воротника шинели не только из чисто каламбурных, комических целей. *Куница* для героя осталась за пределами его возможностей — в качестве нереализованного желания, однако в социальном положении Башмачкина с появлением новой шинели многое изменилось. Воротник из *куницы* в системе бюрократической иерархии имел совершенно определенное значение.

Чип служащего в гоголевскую эпоху можно было распознать не только «по пуговицам вицмундира» или по его цвету, различного рода петлицам и нашивкам, но и по качеству воротника на шинели. В строгом соответствии на шинелях служащих русских чиновников допускались воротники из черной мерлушки — для низших классов, а бобровые — для первых четырех классов (Полянский А. Форменная одежда гражданских чинов всех ведомств и

учреждений. М., 1898). Гоголь обыгрывает эту социальную закономерность, прибегая к привычным замещающим смыслам, когда рассказывает о том, как нападает мертвец-чиновник в поздний час на прохожих и сдирает с них шинели «на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы», то есть здесь идет речь о нападении на чиновников разных рангов — от низших до высших, облеченных даже генеральским чином и реальной властью. В связи со значением, которое придавалось платью, мундиру, шинели в свете иерархических различий, можно вспомнить и Чичакова, имевшего «шинель на больших медведях» и пользующегося ею даже в теплое время, чтобы придать себе больший вес и значительность по сравнению с тем, что мог позволить себе коллежский советник (Мани Ю. В. Поэтика Гоголя. М., 1978). У Гоголя и статский советник Нос опознан Ковалевым «по мундиру», «по шляпе с плюмажем» именно как значительное лицо.

В «Шинели» писатель создает атмосферу, где подчеркнуты различия «полков и канцелярий», где зависимость низших от высших строго определена и законодательно оформлена, вот почему здесь воротник из *куницы*, о котором мечтает Башмачкин, имеет прямое отношение к служебному продвижению, повышению в чине как образ, его моделирующий. В контексте бюрократических правил и знаков департаментской службы дерзостная мысль о *кунице* равносильна желанию должностного продвижения, что так не было свойственно «вечному титулярному советнику», не сумевшему перевести глаголы из одного лица в другое и смирившемуся со своим скромным уделом, не претендовавшему ни на какие должности и обрекшему себя на вечное положение переписчика.

Новая шинель помогла чиновникам рассмотреть в Башмачкине своего товарища. Герой невольно для себя был вовлечен в общий бюрократический порядок, слился со средой, в которой значимы чин и должностное положение, приобретенные не кропотливой рачительной службой, а внешними, узаконившими это положение атрибутами. Добротная шинель, заменившая капот, произвела на петербургский свет как бы нового чиновника, в котором перестали видеть «простую муху», напротив, как равного собрата приняли в свои ряды, призвали на пирушку, хвалили новую шинель. Справедливо мнение С. Г. Бочарова о том, что «история приобретения новой шинели есть попытка героя как бы воплотиться в формы окружающего мира и войти в его измерения» (Бочаров С. Г. О стиле Гоголя // Типология стилевого развития нового времени. М., 1976).

Вместе с тем значение *куницы* раскрывается не только на шкале бюрократических смыслов. Образ *куницы* «рифмует» образ

шинели и в русле значений, когда шинель выступает в качестве «подруги жизни». В малороссийских народных обрядах *куница* считалась символом невесты, девицы, за которую давали кунцный откуп (Петенба А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1960). Такое значение *куницы-невесты* подтверждается и в русских подблюдных песнях (см. Сахаров И. П. Песни русского народа. СПб., 1838):

Бежит бобер за кунцею,	слава!
бежит, бежит,	слава!
Да все к себе манит,	слава!
Еще побежит,	слава!
Со всем утацит.	Слава!

Гоголь, собиравший народные песни, внимательный к народным обрядовым обычаям, несомненно сознательно придает образу *куницы* в своей повести этот смысловой оттенок.

Кроме того, в столкновении разных смыслов, не получивших материального воплощения (новый чип, женитьба), объясняется изначальная посылка, которая ввела в заблуждение и породила атмосферу двусмысленности, мнимости: купили все-таки *кошку*, только подделанную под *куницу*. И в этой связи Башмачкин так и остался «вечным титулярным советником», не перешагнувшим за черту различных и приятных материальных благ. Писатель, намечая в образе *куницы* разные значения, добивался его многозначности, остраивая этим положение бедного чиновника.

Позднее Ф. М. Достоевский обыграл гоголевскую ситуацию, доведя ее до логического конца в житейских отношениях своих героев: «У него всего имения было только шинель, как у Акакия Акакиевича, с воротником из кошки, «которую, впрочем, всегда можно было принять за кунцу». Я даже подозреваю, что будь у него *кошка*, которую *нельзя было принять за кунцу*, то он, может, и не решился б *жениться*, а еще подождал» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 70; курсив наш. — О. Д.). Значения, открытые Гоголем в образе *куницы*, их социальный смысл были подхвачены Достоевским и закреплены.

Владивосток

«Я всегда был на кончике луча...»

О. Г. Шитарева,
кандидат филологических наук

Эти слова принадлежат известному советскому писателю Юрию Олеше (1899—1960), однажды признававшему, что в его человеческой и творческой жизни мало что обходилось без участия солнца, «как фактического, так и скрытого, как реального, так и метафорического». Радостным светом, неподдельно добрым, открытым отношением к людям пронизаны все большие и малые произведения этого мастера.

Олеша был убежден, что каждый человек в глубине души художник, у каждого есть сфера, где он — творец, знаток своего дела. Задача писателя — открывать людям красоту мира, воспитывать в них тягу к прекрасному, поэтический взгляд на окружающее. А посему у Олеши приобретает особую значимость поэтизация маленьких чудес, запечатленных в художественном слове. Их и воспринимает его читатель — человек, наделенный творческим мироощущением, воображением и фантазией. К нему обращено слово писателя, всегда образное и порой необычное.

Уже в своем первом произведении, романе-сказке «Три Толстяка» (написан в 1924-м, опубликован в 1928 году), Олеша выступил против утилитарного, мещанского взгляда на жизнь, за освобождение человека от социального неравенства, от власти денег и вещей. Весь этот сложный круг проблем, событий и явлений был представлен писателем с помощью удачного подбора языковых, художественных средств. В частности, тропы у Олеши в этом и других его произведениях столь привлекательны и индивидуальны, что к ним хотелось бы приглядеться повнимательнее.

Обратимся к авторским сравнениям, усиливающим действие глагола. Например: «Женщина уронила толстую кошку. Кошка шлепнулась, как сырое тесто» (здесь и далее цитируется издание: Олеша Юрий. Повести и рассказы. М., 1965). В данном случае впечатление, созданное глаголом *шлепнулась*, автор усиливает сопоставлением *кошки с тестом*. Зрительный образ подкрепляется слуховым: читатель как бы слышит звук при падении на пол сырого теста.

Своеобразие таких сравнений состоит в том, что в них внимание фиксируется на самом действии. Они могут органично вливаться в метафору, особенно если эта метафора чисто глагольная. Например: «Гром запрыгал, как мяч, и покатился по ветру». Здесь уточняющее сравнение *как мяч* входит в метафору *гром запрыгал* и становится ее составной частью.

Обладая способностью отразить мир по-повому, Олеся делится с читателем радостью своего открытия, объясняет механизм своего зрения: он показывает, как выглядит предмет на расстоянии, в зависимости от положения наблюдателя в пространстве. В «Трех Толстяках» читаем: «Он (доктор Гаспар Арнери. — *О. III.*) ехал мостами, изогнутыми в виде арок. Снизу или с другого берега они казались конками, выгибающимися перед прыжком железные спицы». Сравнение построено на аналогии (сходство позы кошки и моста), и оно мотивировано. Читатель убеждается, что сходство отнюдь не надуманное, а подсмотренное в жизни.

Особую группу художественных средств у Олеси составляют так называемые *сравнения-представления*, которые нередко переходят в метафоры. Обратимся к примеру: «Теперь высоко под стеклянным куполом, маленький, тоненький и полосатый, он (речь идет о гимнасте Тибуде. — *О. III.*) был похож на осу, ползающую по белой стене дома. Когда плащ раздувался, казалось, что оса раскрывает зеленые блестящие крылья». Употребление эпитетов *маленький, тоненький и полосатый* подготавливает сравнение-представление — *он был похож на осу*. В следующем предложении оно уже реализуется и превращается в метафору.

Сходным по принципу образования является и такое сравнение: «Я, человек, живущий среди вальсов и улыбок, я, сама фигура которого подобна скрипичному ключу, — разве я могу нарушать общественную тишину?» — говорит о себе учитель танцев Раздватрис. *Фигура которого подобна скрипичному ключу* — сравнение-представление. Оно подготовлено определением *живущий среди вальсов и улыбок* и включает в себе иронию, с которой автор «Трех Толстяков» относится к этому эпизодическому персонажу.

Читательское внимание привлекают также *сравнения-впечатления* — результат создания автором какого-нибудь запоминающегося образа. Например: «Сотни указательных пальцев вытянулись влево. Там стоял обыкновенный дом. Но в шести этажах были растворены все окна. Из каждого окна торчали головы. Они были разные по виду: некоторые в ночных колпаках с кисточками; другие в розовых чепцах, с буклями керосинного цвета; третьи в косынках; наверху, где жила бедная молодежь — поэты, художники, ак-

трысы, — выглядывали веселые безусые лица в облаках табачного дыма и головки женщин, окруженные таким сиянием золотых волос, что казалось, будто на плечах у них крылья. Этот дом с растворенными решетчатыми окошками, из которых по-птичьему высовывались разноцветные головы, походил на большую клетку, наполненную щеглами». Интересно, что сравнение-впечатление *головки женщин, окруженные таким сиянием золотых волос, что казалось, будто на плечах у них крылья*, входит в развернутое сравнение, которое можно отнести к сравнениям-представлениям. Это последнее подчеркнуто обстоятельством *по-птичьему*, выраженным качественным наречием.

Отметим, что нередко сравнения, усиливающие действие глагола, осмысливаются как метафоры. Например в «Трех Толстяках»: «Негр достал из кармана своих красных штанишек продолговатый флакон, откупорил его, отчего флакон пискнул, как воробей, и стал дить на себя из флакона какую-то жидкость».

Флакон пискнул — глагольная метафора, основанная на переносе действия одушевленного предмета на неодушевленный, за метафорой следует уточняющее сравнение *как воробей*. Этот образ, но в измененном виде, читатель обнаруживает и в романе «Зависть»: «Он взял флакон; щелкнула стеклянная пробка». И хотя здесь нет сопоставления с чем-то предметным, глагол определенно указывает на то, что характер звука походил на щелканье птицы. Сравнение исчезло, а метафора зафиксировалась, реализовав его в скрытой форме.

В «Трех Толстяках» метафоры выступают как средство создания праздничного мира красок. Одни из них глагольные: *гром запрыгал, графин пискнул, ненависть прожгла ему глаза*, другие построены на переосмыслении привычных оборотов: *он похолодел от злости*. В отличие от знакомых читателю оборотов, таких, как *он похолодел от страха* или *он покраснел от гнева*, в данном случае метафора получается неожиданной, поскольку выражение *похолодеть от злости* употреблено автором по отношению к ветру, меняющему, подобно дождю, городской пейзаж.

Или: переосмысливая общезыковую, привычную для глаза и слуха, метафору *идет дождь*, Олеся создает новую, передающую впечатление: «Платье было розовое. А моментами, когда Суок делала какое-нибудь движение, казалось, что идет золотой дождь». Характеристика оружейника Просперо: «У него рыжие волосы. Можно подумать, что его голова обьята пламенем». В подобных метафорах обороты *казалось* или *можно подумать* легко заменяются словами «создавалось впечатление».

Метафоры у Олени реализуются через уточняющее их сравнение или объясняются положением наблюдателя в пространстве. Например: «Один башмак все-таки слетел. — Смотри! Китайский орех! Китайский орех! — кричали дети, бежавшие впризу. Действительно, падавший башмак напоминал китайский орех». Сначала дается метафора *китайский орех*, а затем следует поясняющее ее сравнение-представление: *башмак напоминал китайский орех*.

Таким образом, у Олени метафоры почти всегда разъясняются, открывается их механизм, и тем самым как бы узаконивается способность видеть мир образно. Колокольный звон материализуется в сознании Кавалерова и рождает романтический образ юности, который пришел в большой город, чтобы добиться славы. Юношу звали Том Вирлирли. «Том — удар большого колокола... Вирлирли — мелкие тарелочки», — сообщает автор. Вставной образ Тома, мечтающего завоевать большой город, — это как бы неуспешенная мечта Кавалерова об успехе и общественном признании. И мечта эта и реальность вдруг пересекаются. Раздается стук в дверь — и перед Кавалеровым стоит реальный Том Вирлирли — Володя Макаров, воспитанник Андрея Бабичева. Так у Олени в «Зависти» происходит материализация метафоры, и его неудачливому герою Кавалерову не остается ничего другого, как обратиться в бегство...

Обращают на себя внимание *метафорические образы*. Таков образ *зависти* в рассказе Ивана Бабичева о детском бале. А часто у Олени метафора строится на основе общеизвестных ассоциаций: «Андрей ударял кулаком по столу. Абажур на лампе подскакивал, как крышка на чайнике... Андрей вспоминал: Джемс Уатт смотрит на крышку чайника, прыгающую над паром». Сравнение абажура с крышкой на чайнике рождает ассоциацию с изобретателем паровой машины.

В романе «Зависть» возникают и *метафоры-представления*, которые образуются при помощи сравнений, их объясняющих: «На ходу Кавалеров хотел оторвать один из зеленых хвостиков. Едва он дернул, как вся невидимая за бортом система потянулась за хвостиком, и где-то простонала какая-то проволока, влупавшаяся в жизнь этого плюща или черт знает чего. (Как будто не в Москве, а в Италии...). Делая усилие, Кавалеров припал к окну виском и увидел двор, огражденный каменной стеной. Галерея находилась на высоте, средней между вторым и третьим этажом. С такой высоты за стеной ему открылся (Италия продолжалась) вид на страшно зеленую площадку».

Прежде автор дает сравнение: зеленые хвостик, сплетающиеся вместе, вызывают представление об Италии, возникшее под влия-

нием прочитанного ранее, а затем оно реализуется в метафоре-представлении — *Италия продолжалась*, которая уже не вызывает удивления.

Метафору-представление Олеша использовал и в рассказе «Я смотрю в прошлое», где сочетание кирпича и зелени вызывает в сознании героя понятие: «это моя Франция».

Эпитеты в прозе Олеша, так же, как сравнения и метафоры, поражают своей неожиданностью и изяществом. Достаточно вспомнить его обывателей с буклями «керосинного цвета». И читателю сразу ясно, что эпитет этот характеризует не только окраску волос персонажей, но и создает впечатление совсем иного порядка. *Керосинный* — будничнейший, почти отталкивающий... И разумеется, отнюдь не в прямом смысле воспринимаются восторги Кавалерова по поводу «девственных пружин» дивана Андрея Бабичева. В данном контексте эпитет *девственный* — это как бы петронутость временем, взгляд в прошлое. Устно и защищенно, как «полет в детство», ощущает себя бездомный Кавалеров на отличном бабичевском диване.

Заметим, что в обоих случаях эпитеты приобретают метафорическое значение, и это не единичное явление у Олеша. Для того же Кавалерова с детских лет имя Отто Лилиенталя, смельчака, который одним из первых поднялся в воздух, звучит, как «сквозное, трещащее, как надкрылья насекомого». Эпитет здесь обретает свое звуковое и смысловое богатство благодаря ассоциациям, возникшим в сознании писателя в связи с носителем «имени». Для Олеша имя Лилиенталя — «летательное, точно растянутое на легкие бамбуковые планки».

В другом месте, где сообщается, что летательные машины ползали «по траве, по зеленой траве старинных битв, оленей, романтики», метафоризация эпитета построена на символике, внезапной связи реальных прошлого и настоящего. Фантазия писателя соединяет казалось бы несоединимое: скачущих на конях рыцарей, бегущих оленей и торжественный отлет самолета новой конструкции. «Как быстро авиация стала промышленностью» — заключает свою мысль автор, наш современник.

Даже беглый взгляд на языковые особенности прозы Юрия Олеша убеждает в том, что читатель имеет дело с явлением незаурядным, талантом настоящим, писателем даровитым и щедрым на выдумки. Олеша, как никто другой, умел о сказочном и обыкновенном рассказать языком неординарным и точным, всегда мудрым и лукавым. Недаром же он, волшебник слова, всю свою человеческую и творческую жизнь устремлялся к солнцу, тихонько раскачиваясь на кончике его луча...

СЛОВО В ДРАМАТУРГИИ

«Самая суть дела»

О комедии А. В. Сухова-Кобылина
«Свадьба Кречинского»

Э. Г. Бабаев,

кандидат филологических наук

Слово на сцене звучит иначе, чем, например, в романе. В сценическом слове есть особое, если можно так сказать, «театральное пространство», которое оживает, «вибрирует», наполняется смыслом и значением в зависимости от игры актера, от его голоса, интонации, жеста, взгляда и движения.

В комедии «Свадьба Кречинского» замечательного русского драматурга Александра Васильевича Сухова-Кобылина (1817–1903) иногда весь интерес и смысл действия сосредоточивается на том, как будет сказано то или иное слово, как его сыграет актер. Потому что в таких пьесах, как «Свадьба Кречинского» или «Ревизор» Н. В. Гоголя, и слово надо сыграть, как пьесу. Для него надо подготовить сцену, дать ему простор, чтобы актер мог развернуться здесь в полную силу своего таланта.

Вот, например, слово *епанча*.

Тишка, швейцар в доме Муромских, под руководством Аппы Антоновны Атуевой, навешивает колокольчик над дверью, тот самый колокольчик, который и возвестит приход Кречинского. С молотком, гвоздем и колокольчиком Тишка взбирается на лестницу.

«Так-с?» — спрашивает он, наставляя гвоздь. Атуева командует: «Повыше», «пониже», досадует: «Стой, стой... Куда?» (Сухова-Кобылин А. В. Трилогия. М., 1955, далее цитаты приводятся по этому изданию). Все это заканчивается падением Тишки с лестницы вместе с колокольчиком.

Вот почему Муромский, обращаясь к Тишке, говорит: «Эй, ты, Тишка! Епанча! Пономарь пустой колокольчи!»

Что ж такое *епанча*?

Епанча — это плащ «без рук», то есть, без рукавов, или, как поясляет В. И. Даль в «Толковом словаре», «безрукавный плащ».

«Тишку, бабмачника, — говорит Муромский, — произвели в пвейцары, надели на него епанчу какою-то».

У Тишки все валится из рук: и колокольчик, и молоток, и гвоздь. И сам он валится с лестницы, запутавшись в своем плаще. И *епанча* становится чем-то вроде синонима «безрукости», беспомощности...

В пьесе Сухово-Кобылина комическое соседствует с трагическим, как в драматургии его великого учителя Гоголя.

Еще не умолк смех, вызванный падением с лестницы, как в гостиную входит Кречинский, одетый франтом, с тростью и в желтых перчатках.

Вот у кого ловкость рук необыкновенная. Особенно заметная на фоне *епанчи*.

Сухово-Кобылин любил необычные слова, которые скрывают в своей глубине залогов неожиданных художественных переосмыслений в формах пародии и сатиры.

Когда Архимед открыл великий закон природы, он воскликнул: «Эврика!»

Но от великого до смешного — один шаг.

Когда Кречинский придумал мошеннический подлог с целью завладеть драгоценной брошью Лидочки Муромской, он тоже воскликнул: «Эврика!»

Восклицание Архимеда услышал весь мир, а «Эврику» Кречинского слышит его ничтожный, хотя и амбициозный, подручный Расплюев. Слышит и недоумевает.

«Эврика... значит по-гречески... нашел!», — небрежно роняет Кречинский, как бы сходя с котурнов, на которые было вдруг взгромоздился.

У Расплюева, многожды битого за мошенничество, возникают свои соображения насчет *эврики*. Упоминание о греческом вызывает в его памяти смутные воспоминания о чем-то обрядовом, церковном. По-видимому, он путает *эврику* и *аминь*. Потому что без всякой связи с Архимедом говорит: «По-гречески?! Фия-ю... Покончилось наше земное странствие...»

Оставалось только добавить: «Аминь!»

Сцены и характеры в комедии Сухово-Кобылина раскрываются не только в действиях и положениях, но и в таких словах, как *епанча* или *эврика*. В этом и состоит притягательность для актеров разных поколений таких пьес, как «Свадьба Кречинского», в ко-

торой сверкают не только талант драматурга, но и само искусство сценической речи.

У Расплюева тоже есть свое слово — *барабан*. «Ну, пародитесь же такой барабан,— говорит он о себе,— и колотят его с равней зарп и до позднего вечера!» (И этот *барабан* надо сыграть, как играл его некогда Игорь Ильинский.) «И раз ударь, и два ударь. Ну, удовольствуй себя, да и отстань!.. А это, что это такое? Ведь до бесчувствия!»

Имя Расплюева стало нарицательным. И его *барабан* вошел в поговорку.

«Свадьба Кречинского» была впервые напечатана весной 1856 года в журнале «Современник». В последующие, семидесятые и восьмидесятые годы в «Благонамеренных речах», в очерках «В среде умеренности и аккуратности», в «Письмах к тетеньке» великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин писал о Расплюеве, как о хорошем знакомце каждого, подчеркивая, что в разные времена барабан этого старого мошенника звучал по-разному.

Но предвещал он всегда одно и то же — беды дому Муромского.

Если говорить о сюжете пьесы в целом, то самое важное состоит в том, что в ней с самого начала возникает какая-то суматоха, которую искусно направляет Кречинский, опутывая своими сетями и Нелькина, и Лидочку, и ее несчастного отца.

Впрочем, Муромский не верит в опасность его вторжения в свой честный дом. «Да, Лидочка за него не пойдет», — говорит он Атуевой, которая потворствует Кречинскому.

«Не пойдет, так не отдадим,— отвечает Атуева.— А если пойдет — что вы скажете?»

Тишина. Пауза. Молчание...

Герою задан важный вопрос: «Что вы скажете?»

Это тот самый момент сценического действия, который требует наибольшего внимания театрального зала.

И Муромский говорит в ответ: «Скажу я... (*посмотря на нее и скоро*) таранта!»

Атуева озадачена: «Что ж это такое таранта?»

А таранта — это и есть «свадьба Кречинского», все его визиты, разговоры, соблазны, предложение, все то, из чего ничего не вышло, кроме обмана и разорения.

Таранта — это «бессмыслица, вздор».

«Бестолковщина, вздор, сударыня!», — говорит Муромский Атуевой в ответ на ее вопрос, что такое «таранта».

У Даля в «Толковом словаре» находим, что *таранта* — это «бойкий и резкий говорун», «болтун». И это значение есть в пьесе,

если взглянуть на Атуеву, например. Но есть и другое значение, не учебное Далем и возникающее в живой речи драматурга.

В ремарке одной из сцен Сухово-Кобылина отмечает: «Суматоха».

«Суматоха» или та же «таранта» придают зловецкий тон этой комедии, где «на карту» поставлена жизнь и честь благородного Муромского, попавшего в «засаду» к настоящим «разбойникам».

Таранта — это такое же действующее лицо в «Свадьбе Кречинского», как Страх в «Ревизоре» Гоголя.

О. Э. Мандельштам, который был горячим поклонником драматургии Сухово-Кобылина, в одной из своих статей справедливо заметил: «Истинный и праведный путь к театральному осязанию лежит через слово, в слове скрыта режиссура» (Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 225).

Сухово-Кобылин так же, как и Гоголь, дорожил каждым словом и всеми оттенками его смысла.

«Особливо *текст* должен быть выучен твердо и произносим явно и *рельефно*», — отмечал он в примечаниях к своей трилогии.

Потому что слово в драматургии, как утверждает Сухово-Кобылин, это не только способ раскрытия сюжета, но и «самая суть дела».

«Слова, — говорил драматург, — то есть самая суть дела».

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое *бонистика*?»

П. М. Рыбак, *Даугавпилс*

Бонистика (от французского *bonistique*) — вспомогательная историческая дисциплина (тесно связанная с нумизматикой), которая изучает бумажные денежные знаки и боны. Одно из значений слова *боны* — бумажные деньги, вышедшие из употребления и ставшие предметом коллекционирования.

ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ

Слово

в художественном тексте

Л. П. Кременцов,
доктор филологических наук

Публика делится на два разряда,
а именно читающих и читателей.
Тут почти та же разница, что между
пишущими и писателями.

П. А. Вяземский

Как-то в одном из столичных журналов встретился любопытный эпизод. Пришел в библиотеку ученик и попросил сотрудницу: «Дайте, пожалуйста, драму А. Н. Островского «Гроза». Получив нужную книгу и спрятав ее в портфель, девятиклассник обратился к библиотекарю вторично: «А теперь дайте чего-нибудь почитать».

Эта история без всякой натяжки могла бы быть продолжена таким диалогом участвующих сторон:

– Позвольте! Вы просили что-нибудь почитать. Но для чего же вы взяли «Грозу»? С ней вы что собираетесь делать?

– «Грозу» мы проходим по программе в школе.

Последствия такого отношения к литературе были обнаружены еще в начале 70-х годов с помощью социологических исследований: «В школе и речи не могло быть, чтобы получить удовольствие от „Евгения Онегина“ и „Войны и мира“, – отвечал на анкету студент третьего курса технического вуза. – В то время, когда в школе *проходили* (здесь и далее курсив наш. – Л. К.) Л. Толстого, я с усилием заставлял себя читать „Войну и мир“. Тогда я не видел в романе ничего, кроме „образов“, „общественных отношений“ и „показа“ героизма русского народа. За „образами“ я не видел людей, за „общественными отношениями“ – мысли, а за „показом“ – самого героизма. Недавно я *перечитал* роман и, увидев все это, был поражен, потрясен» (Художественное восприятие. Сборник 1. Л., 1971. С. 158).

«Раньше в школе, когда Пушкина *проходили*, – вторит студенту двадцатичетырехлетний колхозник, – не правился мне он, а вот недавно случайно он мне в руки попался, я взял и *прочитал*.

„Онегин“ — это, оказывается, очень здорово, да и дальше начал читать, и сказки понравились, а уж „Повести Белкина“ — совсем интересно» (Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. М., 1968).

Прошло два десятилетия. Понятие — *проходить литературу* — перестало быть метафорой и превратилось в термин. Его содержание ни для кого не секрет. Проходить — это значит: по учебнику, конспекту, пособию и т. п. заучивать сведения о жизни и творчестве писателя, особенностях литературного процесса, запоминать те готовые выводы об идейном содержании и художественных особенностях произведения, которые предлагаются квалифицированными специалистами. Разумеется, что чтение художественного произведения при таком подходе — занятие излишнее. Иногда, впрочем, рекомендуется с карандашом в руках для отчеркивания нужных в сочинении цитат пройти по тексту. При этом, естественно, не происходит того чуда, когда читатель «отключается» от окружающей действительности и переходит в мир, созданный художником, когда напряженно работают его интеллект, его воображение, все органы чувств, когда он вместе с героями книги борется и побеждает, страдает и терпит неудачи, переживает взлеты и падения, восторги и кризисы, когда в результате и совершается в нем то, что именуется процессом творческого восприятия изрядной словесности.

Интересовался ли кто-нибудь, сколько, где и как пишется о языке художественных произведений в учебниках — по теории и истории литературы, в школьных и вузовских? Уверений в писателе перед языком — первоэлемент литературы! — достаточно. Все же остальное... Впрочем, остального нет, если не считать sacramентальных фраз о том, что язык «помогает представить образ говорящего», «соответствует характеру героя» и т. п., — фраз, скороговоркой произносимых иногда в заключение, по содержащих корень зла. К этим фразам так привыкли, что перестали замечать — в них все перевернуто с ног на голову и следствия поменялись местами с причинами.

Новый подход к языку произведения — неперемное условие возвращения художественной литературе статуса искусства как в школе, так и в вузе. И не пугны открытия, нужно все вернуть на свои места. Язык не «помогает нам представить», а создает образ, картину, ситуацию. Разговор о писателе не должен заканчиваться беглыми, случайными замечаниями о языке его произведений. Он должен начинаться с указания на его индивидуаль-

ное своеобразие, неповторимость, благодаря которым и родились на свет тургеневские, шолоховские и другие образы. Мирозрение писателя реализуется в слове, через слово. Изучение идейного содержания произведения вне его конкретной языковой формы приводит к нивелированию: шаблон один, и вырубай по нему штампы из Пушкина ли, из Достоевского, из Горького. Какая разница? Все они за парод, все они боролись против царя, помещиков и т. п., все они были передовыми людьми, гуманистами и т. д.

Но дело-то как раз в том и заключается, чтобы измерить, осознать, почувствовать неповторимость художественного мира конкретного писателя, понять его правду о человеке, пройти с его героями отмеренный им жизненный путь, пережить их страданиями, ликовать их восторгами. Душа читателя должна быть открыта богатству и разнообразию этого мира, должна быть подготовлена к восприятию самых разных способов его изображения независимо от того, почерпнуты ли эти богатство и разнообразие из реальной действительности или они суть плод художественного вымысла. Как решать эти задачи, не понимая специфики языка художественной литературы вообще и данного писателя в частности? И непременное условие полноценного восприятия художественного произведения — наличие у читателя особого «чувства языка», умения заметить и оценить его изобразительные и выразительные достоинства.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.

— Что описывает Пушкин в этом стихотворении? — спросили у семиклассника.

— Осень.

— Правильно. А что можно увидеть и услышать в этом описании?

В ответ чаще всего молчание, длится иногда до последнего курса гуманитарного факультета. Глаз такого читателя не радуется великолепию осенних красок, воссозданных поэтом: он их не видит. Его слух не улавливает чуть слышного звука — хрустит под ногой тронутые первым морозом скошенные былинки на увянувшем поле. Этот звук передается тончайшей аллитерацией «с-р-р-р-з» в словах *сребрит мороз*. Его сердце не сжимается от восторга перед красотой, от любви к родной природе.

Мир художественного произведения во всей своей полноте

раскрывается перед читателем лишь при определенных усилиях с его стороны. Достичь этого без внимания к языку произведения невозможно.

Слово — сигнал, побуждающий к работе наше воображение. Нужны специальные усилия, упражнения, чтобы это его важнейшее свойство было реализовано каждым читателем.

Интересные результаты дает эксперимент, описанный писателем С. Львовым в его «Книге о книге». Психолог рисует слушателям такую картину: «Вообразите, что вы берете в руки лимон... Лимон еще не совсем спелый. Лимон зеленовато-желтый... Ножом вы разрезаете лимон на две половинки. На копчике пока повисает большая капля мутного лимонного сока... Вы берете половинку лимона и откусываете от нее большой кусок. Начинаете жевать лимон».

В этот момент нужно следить за присутствующими. Примерно половина из них начинает судорожно сглатывать слюну, лица их морщатся от кислого лимона так, как будто он действительно находится у них во рту. Это — читатели! Но вот вторая половина, что называется, и бровью не поведет. Они глухи и слепы. Их воображение не проснулось, и за словом не встал образ. Их нужно специально готовить к чтению и восприятию художественной литературы. Кто этим занимается?

Всеобщее среднее образование у нас обязательно. Поэтому и возник способ «изучения» литературы, приемлемый для всех, ее стали не читать, а *проходить*. До поры-до времени с этим приходилось мириться...

Сегодня мы вступили в качественно новый этап развития нашего общества. Особую важность теперь приобретает такое воспитание и образование, которое способствует формированию личности мыслящей, творческой и инициативной.

Существенную роль в этом процессе способна играть художественная литература. Вот перед нами литературное произведение. Писатель изобразил в слове живой мир, возникший в его воображении. Это — творчество! Читатель совершает как бы обратный перевод слова в образ. Это — тоже творчество, требующее немалого искусства! От того, насколько овладел читатель этим искусством, во многом зависит полноценное восприятие произведений художественной литературы.

«Когда я пишу,— свидетельствовал А. П. Чехов в письме к А. С. Суворину от 1 апреля 1890 года,— я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам». Подобный расчет обнаруживается и в

творческих планах Ф. М. Достоевского. Размышляя о судьбах героев романа «Бесы», писатель приходит к решению — характеров их «не разъяснять». В подготовительных материалах к роману прямо заявлено: «Пусть потрудятся сами читатели».

А. Н. Толстой утверждал, что одна из важнейших задач советской литературы — создание нового человека — осуществима только при условии участия в творческом процессе обеих сторон — писателя и читателя. В статье «О драматургии» (1934) он писал: «Словесная ткань, слова, сочетания слов должны быть расшифрованы читателем, должны снова превратиться в духовную энергию, иначе они навсегда останутся черными значками на белой бумаге, как некоторые навсегда закрытые письма давно умерших народов».

Одним из слагаемых успеха в активизации «человеческого фактора», в воспитании гармонически развитой личности является искусство творческого чтения. Не механическое воспроизведение заученного, а сотворчество — единственно возможный путь постижения литературного произведения, максимально приближающий нас к замыслу его создателя. Учить искусству сотворчества трудно. Но другого способа приобщить читателя к сокровищам мысли и духа, которые хранит художественная литература, — не существует. Нельзя более оперировать в школе унылыми «воказаниями», безжизненными «образами», стандартными сочинениями — всем тем, что лишает всякого смысла изучение литературы, колоссальный нравственно-эстетический потенциал которой остается пераскрытым, духовные богатства — невостребованными. Пришло время и в этой области положить конец разбазариванию и бесхозяйственности. А для этого, в первую очередь, следует понимать, что мысли в литературе не живут вне своей словесной одежды. Они умирают тотчас, как их лишают языковой оболочки. Их препарированные трупы становятся иногда, к сожалению, объектом изучения. Но если человек не прочитал художественного произведения с увлечением и интересом, то даже самый искусный анализ учителя, критика, автора учебника или пособия, методиста этого пробела компенсировать не в состоянии. Беды и начинаются там, где литературу не читают, а «проходят», «цитируют», используют только как пособие по истории гражданской войны, коллективизации и т. п., где игнорируют специфику ее языка и заменяют искусство муляжом.

ПРОЗА

КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА

К. К. Вагинов (1899—1934) — поэт и прозаик, участник литературной группы «Обэриу», существовавшей в Ленинграде во второй половине 1920-х гг. Членами «Обэриу» [Объединение реального искусства] были также Н. Заболоцкий, Д. Хармс, А. Введенский и др. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. вышли три сатирических романа Вагинова: «Козлиная песнь» [1928], «Труды и дни Свистонова» [1929] и «Бамбочада» [1931]. Основная тема этих произведений — гибель до-революционной культуры, вырождение петербургской интеллигенции.

«Труды и дни Свистонова» занимают особое место в творчестве Вагинова. По форме это как бы роман о романе, где автор подвергает скрупулезному исследованию творческий процесс. В центре романа писатель, который общается с людьми исключительно ради того, чтобы перенести их в свое творение. Свистонов создает своеобразные коллажи из окружающих, «переводит» их в роман, одновременно выводя из круга живой действительности. Пустые и жалкие персонажи сочиняемого романа превращаются в опасных и агрессивных двойников своих реальных прототипов, ломая им жизнь. За личностью Свистонова угадывается образ художника, жестоко экспериментирующего над людьми, чтобы достовернее описать их страдания. Роман Вагинова имеет фантастический конец: Свистонов полностью отождествил себя и окружающих со своими героями и сам перенесся в созданный им роман.

«Особенностью его стиля,— пишет исследовательница творчества Вагинова Т. Л. Никольская,— является смещение обычных понятий времени и пространства, переплетение мира воображения и реальной действительности. Мир поэта дрожит и вибрирует. Ощущение зыбкости и тревожной недосказанности создается в значительной степени путем необычного сочетания слов, столкновения словесных смыслов в сочетании с редким поэтическим мастерством» [Никольская Т. О творчестве Константина Вагинова // Материалы XII научной студенческой конференции. Тарту. 1967. С. 100].

Печатаем в сокращении главу из романа К. Вагинова «Труды и дни Свистонова».

Труды и дни Свистонова

Куку и Кукуреку

Поезд черепашьим шагом плелся по направлению к Ленинграду. Дачные вагончики дребезжали. Трипа Рублис читала книгу; ее пальцы, от садящегося солнца ставшие румяными, перелистывали порозовевшие страницы. Она увлекалась фабулой и пропускала описания. У нее будет опять мукашша. Она была спокойна.

Свистонов стоял у окна, первиччал.

Недалеко от памятника они панили извозчика. Через час оказалась гостиница «Англетер».

Свистонов помог снять пальто, притушил свет, сел к столу. Глухоемая начала перестилать постель. Она сняла одеяло, простыни, затем снова постелила. Взбила подушки. Ей было скучно. Это не было похоже на семейный уют.

Свистонов работал. Писал, читал и вел себя как дома. Переводил живых людей и, несколько жалея их, старался одурманить ритмами, музыкой гласных и интонацией.

Ему, откровенно говоря, не о чем было писать. Он просто брал человека и переводил его. Но так как он обладал талантом и так

как для него не было принципиального различия между живыми и мертвыми и так как у него был свой мир идей, то получалось все в невиданном и странном освещении. Музыка в искусстве, вежливость в жизни — были цитами Свистопова. Поэтому Свистопов бледнел, когда он совершал бестактность.

Глухонемая, не дождавшись Свистопова, спала. Электрическая лампа, несмотря на рассвет, все еще горела. Листы покрывались мелким неуравновешенным почерком, записная книжка вынималась и в ней справлялись нервно, торопливо. Руки работавшего дрожали, как у пьяницы. Он оборачивался, не проснулась ли, не помешает ли. Но глухонемая спала, и ее лицу вернулось девичье выражение. И это девичье выражение отвлекло Свистопова от возникавшего перед ним мира. Он отложил карандаш, на дыпочках подошел, снял вещи, сел у изголовья, нежно погладил глухонемую по голове, посмотрел на ее раскрытые уста, прислушался к ровному дыханию. Он чувствовал себя в безопасности. Она не подслушает его мыслей, никому не передаст подробностей его творчества. С ней он мог говорить о чем угодно. Это был идеальный слушатель. Пусть ходят сплетни, пусть говорят про него что угодно, но он, конечно, не станет жить с ней. Для этого она ему не нужна. Но он подумал о том, что не следует пренебрегать ею, что, может быть, для одной из его глав пригодится ее фигура, ее прошлое, настоящее и будущее, и он стал припоминать все то, что он о ней слышал, и, сев к столу, задумавшись, стал переводить и ее в литературу. Это сопровождалось болезненными явлениями: сердцебиением, дрожанием рук, ознобом, утомляющим все тело, напряжением мозга. К утру Свистопов, как кукла, сидел перед окном. Ему хотелось кричать от тоски. Он чувствовал болезненную опустошенность своего мозга.

Днем они напились кофе и расстались.

Глухонемая криво улыбалась. А Свистопов, отправляясь в редакцию, купил газету, прочел и злобствовал. Он презирал газету, в которой его выругали. Он знал, что сегодня рецензент, встретившись с ним на лестнице в издательстве, ответит его в сторону и начнет извиняться.

— Это ведь так. Этого время требовало. Мне ваши книги очень нравятся. Но вы сами понимаете, Андрей Николаевич, моей обязанностью было вас выругать.

И, действительно, когда Свистопов поднимался по лестнице, к нему подбежал рецензент.

— Да знаете ли вы, с кем вы имеете дело! — затрясся Свистопов. — Да я вас так опозорю! Вы думаете, что вы для меня мелкая рыбешка...

Придя домой, весь вечер пытался отомстить Свистонов рецепту, но не смог. Этот человек был для него литературно неинтересен. Решил сегодня же, не теряя времени, пойти на доклад в Географическое Общество, чтобы встретиться с Пашей.

— Правда, славная девушка Наденька? — спросил Свистонов во время перерыва. — Куку, как будто, влюблен в нее.

— Он ее обманет, — сказал, краснея, Паша. — Человек, одаренный такими познаниями, страшен. Я был вчера на балу в Кино-институте, Куку весь вечер танцевал с ней. Он не подпускал меня близко, ходил вокруг нее как петух.

— Знаете что, Паша, плюнемте на доклад, пойдемте пиво пить.

— Спасибо, Андрей Николаевич, мне очень хочется выпить.

— А вы не горюйте, Паша, она к вам вернется.

— Если бы были деньги, как бы я запьянствовал, Андрей Николаевич!

— Поберегите свой талаш, — ответил Свистонов. — Поверьте, милый мой Паша, все это глупости. Храните себя для литературы. Написали ли вы рассказ о своей жизни, как я советовал вам? Это отвлекло бы вас от несчастной страсти, а тем временем и Наденька к вам вернулась бы.

Паша вынул тетрадь.

— Это моя исповедь. Только, Андрей Николаевич, обещайте никому не показывать.

— Потом я внимательно прочитаю, — сказал Свистонов, пряча рукопись в карман. — Не блестяще ли танцевал Куку? Да, да... и она сияла? А потом Куку... не пошел ли провожать ее? Не сели ли они на извозчика, и Куку не щедро ли дал на чай швейцару? А вам безумно хотелось выпить...

— Наденька за весь вечер ни разу не позвала меня, Андрей Николаевич! А отчего вас не было там, Андрей Николаевич?

— Забыл туда пойти, — ответил Свистонов. — Знаете что, Паша, я сегодня получил деньги. Прокатимтесь на острова. Это вас развлечет.

— Я бы остренького съел, Андрей Николаевич.

— Да, — сказал Свистонов, — селедочку и мороженое. Вообще, все остренькое и холодненькое помогает в скорби! — И Свистонов, жалея, что он не побывал в Кино-институте, решил прокатить Пашу, как прокатил Куку Наденьку из Кино-института. — Хотите цветов, Паша? — спросил Свистонов.

Паша посмотрел на него с удивлением. Они шли мимо Большого Драматического театра, мимо Апраксина рынка, мимо Гостиного двора.

Свистонов купил Паше цветов.

По пустынным островам ехал извозчик. В нем сидели Свистонов и Паша.

— Хорошо? — спросил Свистонов.

— Очень хорошо.

— Что вам напоминает эта зелень, Паша?

Паша грустно:

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...

«Ответ скорее для Куку, а не для Наденьки», — подумал Свистонов.

— А какой оркестр играл в Кино-институте? — и всю дорогу воссоздавал Свистонов вечер в Кино-институте и разговаривал с Пашей так, как, по его мнению, говорил с Наденькой Куку. Затем, откинувшись, выпул записную книжку, стал писать (...)

В то время, как он ложился в постель, ему казалось, что он до топкости знает не только слова и дела, но и сокровенные помыслы Ивана Ивановича, что теперь можно приступить к планомерному творчеству. Он думал о том, что никак нельзя упычтожить полноту Куку, что и бакп Ивану Ивановичу необходимы, что и страсть его к Детскому Селу следует оставить, что лучше, чем в жизни, не придумаешь; что может быть, когда уже все будет написано, можно будет кое-что изменить, что сейчас и фамилию следует взять по той же линии. Не Куку, а Кукуреку, фамилию, паскору придуманную во время ночной прогулки.

Работа шла медленно, но верно.

На бумаге появился Иван Иванович. Самодовольная фигура то здесь, то там мелькала на страницах, то она наслаждалась, сидя на диване, принадлежавшем Достоевскому, то читала в Пушкинском доме книги из библиотеки Пушкина, то прохаживалась по Ясной Поляне. И был взят дом, в котором жил Куку, правда, дом Свистонов перенес в другую часть города, и было показано, как говорит Куку.

Свистонов и с собой поступал бесцеремонно. Возьмет какой-нибудь предмет, стоящий у него на столе, или факт из своей биографии и привяжет к кому-нибудь. И тогда заохают все вокруг: «Смотрите, как он честит себя», и понесутся слухи, одни другого удивительнее. А Свистонов еще увеличивает сплетню.

Спецально он нес наполовину готовую главу о Кукуреку, свернутую в трубочку, в общество довольно еще молодых билетников и билетниц.

Общество ядало его прихода, готовясь проникнуться восхищением, насладиться соотношением придуманного и реального, пострастились, дать ницу уму своему и воображению.

— Ах, этот Свистопов,— говорили они.— Вот он интересно пишет. А кто Камадашева, наверно Анна Петровна Рамадашева!

Коллектив сплетников считал себя истинным ценителем литературы. Поймает какого-нибудь писателя и попросит доставить удовольствие.

Писатель, предполагая, что он читает людям по простоте душевной, и прочтет. И сияют глаза у сплетника, и весь он расцветает. И хлопает писателя игриво по плечу: «Я узвал: Камадашева, несомненно, Рамадашева, а конструкция вашего произведения похожа на конструкцию Павла Николаевича». И писатель, огушенный, сидит и почесывает в затылке. «Опростоволокся,— думает он,— на кой черт я им читал» (...)

Свистопов поцеловал каждой сплетнице ручку, пожал руку каждому сплетнику, устроился за столиком поудобнее. Надежда Семеновна, как хозяйка дома, села поближе, чтобы не пропустить ни одного слова, и все пачали внимательно слушать.

Время от времени возникало хихикание, перешептывание. Узнавали своих знакомых, некоторых не узнавали. Тогда спрашивали друг у друга на ухо: «А это кто?» и лица становились озабоченными. И, наконец, как молния, блистала догадка, и они опять принимались перешептываться. Окружив толпой Свистопова, они выражали ему свое восхищение.

— Нет, нет,— говорил Свистопов так, что все чувствовали «да, да».

Все села за стол и стали пить чай, самовар шумел, печенье хрустело, и тут-то Свистопов начал собирать новые сплетни.

— Ах, знаете, что произошло? Алексей Иванович омолодился. Женился на молоденькой. Вот бы взять вам его в герои!

— Какой материал, уж скажу я вам, сдохнуть можно. И как удивительно женился. Поехал специально в Детское Село, поближе к пушкинским пенатам, и там в Софийском соборе брак состоялся.

«Для Кукуреку,— подумал Свистопов,— как раз для Кукуреку».

— А вот Никандров, тот всю жизнь искал тургеневскую девушку. Уже дожил до сорока лет, наконец нашел. Женился. Теперь тоже блаженствует!

Ушел Свистопов, и поспешил по городу сплетня: Кукуреку викто иной, как Куку! (...)

Куку в действительности все более и более влюблялся в Наденьку. И за неизменем времени все реже встречался со Свистоповым,

и еще не знал, что Свистонов уже за него прожил его жизнь. Ездил Куку с Наденькой по пригородам. Тоже посетил село Михайловское, только он Наденьку сравнивал не с Лизой, а с Наташей, но верил, что она навсегда останется Наташей и не станет бабой.

Кругами шла сплетня. Подсматривали за Куку. Как он идет путями, уже написанными. Наконец, дошла сплетня до Куку и впал Куку в восхищение — наконец-то он попал в литературу.

И сообщил об этом Наденьке, как о величайшем событии своей жизни.

— Наденька, — сказал важно, беря ее за руку, — я в таком восхищении. Наш друг Свистонов меня обессмертил! Он написал обо мне роман. По слухам — замечательный. Говорят, со времени символов не появлялось подобного романа. А написал он стилем исключительным, и охватывает он целую эпоху.

— Но ведь вы собирались писать вместе?

— Я ленив, Наденька, ничего не вышло.

Наденька посмотрела на Ивана Ивановича. Она уважала его, считала его лицом умнейшим.

— Ну и хорошо, Иван Иванович, — сказала она ласково. — Я так, так рада, что вы довольны. Андрей Николаевич мне часто говорил, что он вас очень любит, что вы человек исключительно интересный.

— Я чувствую себя именинником в некотором роде. Идемте на Неву, Наденька, гулять. Идемте, купим торт и отпразднуем это событие. Милая Наденька, — продолжал Куку, — скоро, скоро мы отпразднуем нашу свадьбу. Будут только ваши подруги и мои друзья. Но пока не говорите никому. Мы разошлем карточки — такая-то и такой просят вас пожаловать на имеющее быть в Детском Селе в соборе Святой Софии... (...)

Сидя на фоне давно нераскрываемых книг, начал писать следующую главу Свистонов. Работалось хорошо, дышалось свободно. Свистонов любил цветы, и фиалки стояли на столе в большом граненом стакане. Свистонову писалось сегодня так, как никогда еще не писалось. Весь город вставал перед ним, и в воображаемом городе двигались, пили, разговаривали, женились и выходили замуж его герои и героини. Свистонов чувствовал себя в пустоте или скорее в театре, в полутемной ложе, сидящим в роли молодого, элегантного, романтически настроенного зрителя. В этот момент он в высшей степени любил своих героев. Светлыми они казались ему. И ритм, который он в себе чувствовал, и неутолимое желание гармонического отражались и на выборе и на порядке слов, ложившихся на бумагу.

Раздался стук, и очарование спало. «Кто бы это мог быть? — подумал раздраженно Свистонов. «Пожалуй, не стоит открывать. Вечно помешают», — и он прислушался.

Стук повторился. «Черт знает что, — прошептал Свистонов. — Даже поработать не дадут. Все равно больше писать не смогу», — и, закрыв папку, отпер дверь. На пороге стоял Куку.

— Простите, Андрей Николаевич, — произнес Куку, — что я так неожиданно к вам ворвался. Но знаете — дела. Предсвадебная горячка.

— Пожалуйста, пожалуйста, — ответил Свистонов и помог раздеться Куку.

— Ну что у вас новенького? — спросил Куку. — Как пишется? Я слышал, у вас дивно роман получается.

Свистонов возился с рукописью.

— Еще далеко до конца, — ответил он.

— А пельзя ли было бы хоть отрывки? Говорят — я уже в нем.

— Что вы, помилуйте, Иван Иванович, — ответил Свистонов.

— А мне говорили, что я, — и Куку, важный и полный, заволновался от огорчения. — Да нет же, Андрей Николаевич, ведь не может быть этого, — помолчав, сказал он. — По старой дружбе, прочтите.

Свистонов счел малодушием отказаться. Он сел в пестрое кресло, взял рукопись, начал читать свой роман.

По мере чтения лицо Куку принимало все более восторженное и удивленное выражение.

— Какой стиль! — качал он головой, — какая глубина! Андрей Николаевич, мог ли я думать, что вы так развернетесь.

Свистонов продолжал читать. Вот уж появился Кукуреку и поблелел Куку. В кресло опустился и, раскрыв рот, до конца выслушал.

— Андрей Николаевич, да ведь это...

Иван Иванович после чтения бледный вышел на улицу. Он думал о том, что теперь он совсем голый и беззащитный противостоит смеющемуся над ним миру. Страх был на лице Ивана Ивановича и блуждала рассеянная извивающаяся улыбка. Палимый и удручаемый своим образом, он боялся встретиться со знакомыми. Ему казалось, что все уже ясно видят его ничтожество, что ему никто не поклонится, что отвернутся и пройдут, нарочно весело разговаривая со своим спутником, женой или подругой. Появились слезы на глазах Ивана Ивановича. Следаемый внутренним плачем по самому себе, он прислонился и видел, как Свистонов идет куда-то. (...)

И все же утром пошел к Свистопову Куку. Решил хоть от знакомых скрыть себя, слезно умолять Свистопова разорвать рукопись.

— Что ж прикажете на колени перед вами стать? — кричал Куку. — Если вы честный человек, то вы должны порвать рукопись! Посмеяться так над человеком, всеми уважаемым. Да если бы мы в другое время жили, то не избежать бы вам моих секундантов! Но теперь, черт знает что, — прошептал он, закрывая лицо руками, и Свистопов почувствовал, что не человек уже стоит перед ним, а нечто вроде трупа.

— Умоляю вас, Андрей Николаевич, дайте мне, я уничтожу вашу рукопись...

— Иван Иванович, — отвечал Свистопов, — ведь это не вас я вывел в литературу, не вашу душу. Ведь душу-то нельзя вывести. Правда, я взял некоторые детали...

Но Куку не дал договорить Свистопову. Куку бросился к столу и хотел схватить листы бумаги. Свистопов, боясь, что погибнет его мир, и желая отвлечь Куку, спросил:

— Как поживает Надежда Николаевна?

Обезумевшее лицо со сжатыми кулаками подошло к Свистопову.

— Вы — не человек, вы — получеловек. Вы — гадина! Вы больше меня знаете, что с Надеждой Николаевной.

Со сжатыми кулаками Куку прошелся по комнате.

Становилось душно. Свистопов распахнул окно и заметил, что во дворе уже возвращаются со службы, беседуют. «Опоздал, — подумал он, — придется завтра отнести к машинистке». Куку не уходил. Куку обдумывал, сидел в кресле.

Свистопов размышлял о том, что, пожалуй, некоторые эпизоды, так сильно взволновавшие Куку, можно было бы изменить, что и раньше приставали, но никогда... не было такой боли.

— Мне пора, — криво улынулся Свистопов и стоял, пока одевался Куку.

Они вместе вышли. Свистопов нес рукопись. Куку поглядывал на рукопись и молчал. Он боролся с желанием вырвать рукопись и убежать. Не сказав друг другу ни слова, на перекрестке они разошлись.

Куку не приходил, не писал. Наступили томительные дни для Надежки. Она входила в дом-город, но не заставляла Ивана Ивановича. Радостный и солидный, он не протягивал ей рук при встрече. Его бас не раздавался. Иногда со двора она видела свет в его окне, поднималась и тшкетно звонила.

Иван Иванович спустился в пастоящий ад. Образ Кукуреку стоял перед ним во всей своей нелепости и глупости. Правда, он, Иван Иванович, больше не ездил по пригородам. Правда, он сбрил баки и переменял костюм и переехал в другую часть города, но там Иван Иванович почувствовал самое ужасное, что собственно он стал другим человеком, что все, что было в нем, у него похищено. Что остались в нем и при нем только грязь, озлобленность, подозрение и недоверие к себе.

Теперь, лишенный себялюбия и горделивости, он не стал пустышкой, как он сперва думал.

Физически он изменился. Он похудел, губы у него поджались, лицо приняло озлобленное, брезгливое выражение.

Боясь встретиться со знакомым, он решил скрыться в другой город.

Текст подготовил А. Л. Топорков

Михаил Анчаров

Сегодня Михаила Леопидовича Анчарова – живописца, драматурга, автора почти шестидесяти песен – больше знают как автора романов и повестей «Теория невероятности», «Этот синий апрель», «Самшитовый лес», «Записки странствующего энтузиаста» и многих других. Вот уже двадцать лет он не выступает со своими песнями, да и новые почти не пишутся: сейчас для него важнее проза. Его песни сохраняют ставшие редкостными магнитофонные записи 60-х годов и благодарная память слушателей.

Лишь тексты некоторых из них можно обнаружить на страницах анчаровской прозы. Они до сих пор не изданы ни на пластинке, ни отдельным сборником, хотя давно уже приобрели популярность: «Стою на полустаночке...» (с музыкой И. Катаева) и авторские – «Кап-кап», «Песня про органиста...», «МАЗ» и др. Песни Анчарова очень любил Владимир Высоцкий, которому до сих пор приписывают песню «Она была во всем права...» и балладу «Парашюты рванулись – и приняли вес...»

Михаил Анчаров родился в 1923 году в Москве, воевал, награжден боевым орденом, закончил Военный институт иностранных языков и Московский государственный художественный институт им. В. И. Сурикова. Еще до войны начал писать песни на свои стихи, а также на стихи А. Грина, Б. Корнилова, В. Инбер, своего друга В. Туркина...

Она была во всем права

Она была во всем права –
 И даже в том, что сделала, –
 А он сидел, дышал едва,
 И были губы – белые,
 И были черные глаза,
 И были руки синие,
 И были черные глаза
 Пустынными пустынями.

Пустынный двор жестоких лет,
 Пустырь, фонарь и улица,
 И переулок – как скелет,
 И дом подъездом жмурится, –
 И музыка ее шагов
 Схлестнулась с подворотнею,
 И музыка ее шагов –
 Таблеткой приворотною.

И стала пятаком луна –
 Подруга полумесяца,
 Когда потом ушла она,
 А он решил повеситься, –
 И шантажом гремела ночь,
 Улыбочкой приправленным,
 И шантажом гремела ночь,
 И пустырем отравленным.

И лесью падала трава.
 И месью встала выросшей,
 И ото всех его бравад
 Остался лишь пупырышек.
 Сезон прошел, прошел другой –
 И снова слег на паперти,
 Сезон прошел, прошел другой –
 Звенит бубенчик капелькой.

И законная метель,
И замна — желтой дынею,
А он все пел, все пел, все пел,
Наказанный гордынею. —
Наказан скупостью своей,
Устал себя оправдывать.
Наказан скупостью своей
И страхом перед правдою.

Устал считать улыбку злом,
А доброту — смущением,
Устал считать себя козлом
Любого отпущения.
Двенадцать падает — порал
Дорога в темень шастает.
Двенадцать падает — порал
Забудь меня, глазастого!

1984

Песня про радость

Мы дети эпохи,
Атомная копоть.
Рыдают оркестры
На всех площадях.
У этой эпохи
Свириная похоть, —
Все дразнится, морда,
Детей не щадя.

Мы славим страданье,
Боимся успеха,
Нам солнце не в пору
И вьюга не в лад.
У нашего смеха
Печальное эхо,
У нашего счастья
Запуганный взгляд.

Любой зазывала
Ползет в заповали,
Любой вышибала —
Хранитель огня.
Забита основа
Веселого слова.
Монахи, монахи, —
Простите меня!

Не схимник, а хиник
Решает задачу.
Не схема, а тема
Разит дураков, —

А если уж схема —
То схема поэмы,
В которой гипотезы
Новых веков.

Простим же двадцатому
Скорость улитки,
Расчеты свои
Проведем на бегу.
Давайте же выпьем
За схему улыбки,
За график удачи
И розы в снегу.

За тех, кто услышал
Трубу на рассвете,
За женщин
Упрямые голоса,
Которые звали нас,
Как Андромеда,
И силой тащили
Нас в небеса.

Полюбим наш век,
Забыв огуненье. —
Омоется старость
Живою водой, —
От света до тени,
От седи до денег
Он — алый, как парус
Двадцатых годов.

Мы рваное знамя
«Бээфом» заклеим,
Мы выдуюм пыль
Из памяти трубы.
И солнце над нами —
Как мячик в аллее,
Как бубен удачи
И бубен судьбы.

Давайте же будем
Звенеть в этот бубен,
Наплюем на драмы
Пустых площадей.
Мы, смертные люди,—

Бессмертные люди,
Не стадо баранов,
А племя вождей!

Отбросим заразу,
Отбросим обузы.
Отбросим игрушки
Соседних с ума!
Да здравствует разум!
Да здравствуют музы!
Да здравствует Пушкин!
Да скроется тьма!

1966

В последние годы много спорят о песне в аспекте ее поэтической и языковой культуры. При этом само слово «песня» порою приобретает чуть ли не уничижительный оттенок: мол, песня — это еще не стихотворение, до уровня настоящей поэзии она может достигнуть только в порядке исключения. Но такая логика неверна — и прежде всего с точки зрения культурно-исторической. Нельзя же считать песнями одни только эстрадные шлягеры! Вся поэзия родилась из песни: недаром это слово во многих языках, в том числе и в русском, долгое время было названием любого поэтического произведения. «Имел он песен чудный дар», — сказано в пушкинских «Цыганах» об Овидии. И когда поэзия отделилась от мелодии, ее мастера продолжали обращаться к песенной стихии: к примеру, у Жуковского двенадцать стихотворных произведений имеют название «Песня», да и вообще нет такого большого русского поэта, который не был бы причастен к песне и песенности.

В сочетании «авторская песня» одинаково важны оба слова. Ибо этот вид художественного творчества сложился не только в споре с безликой массовой песней, но и в споре со стандартной книжно-журнальной, сугубо «письменной» стихотворной продукцией, лишённой устного начала, живой связи со звучащей человеческой речью. Песенное начало способно обогатить поэзию, дать ей заряд творческой раскованности и глубокой эмоциональности. Когда Жуковский или Дельвиг сочиняли песни, они стремились к предельной простоте. К такой же простоте (не имеющей ничего общего с эстрадной примитивностью) шла и авторская песня, одним из создателей которой является Михаил Анчаров.

День проходит без следа,
кап-кап.
Ночь проходит — не беда,
кап-кап.

Между пальцами года
 Просочились — вот беда.
 Между пальцами года,
 кап-кап.

Помните, это песня Памфилия из романа Анчарова «Теория невероятности»? Она известна еще и тем, что в одном из своих спектаклей ее пел Аркадий Райкин. Предельно простые слова, сквозная незамысловатая рифма и такой — уж скромнее некуда — рефрен: «кап-кап». Но заметьте: простота без вульгарности, без претенциозности. Простота, отвечающая самой теме — раздумью о прошедших годах, о неумолимо надвигающейся старости. И есть здесь какая-то неуловимая магия, какой-то щемящий психологический подтекст: такими словами о себе говорят как раз те люди, жизнь которых значительна. Это вам не эстрадно-ресторанное: «Мои года — мое богатство». Подлинные душевные сокровища не выставляются напоказ.

Как и другие «барды» первого, так сказать, призыва, Анчаров в простоте ищет глубину, возвращает словам их исходное и истинное значение. Вот, к примеру, «Воскресная застольная» завершается словами:

Согласны жить без похорон,
 Но не без воскресений.

В ключевом слове обнажается его не бытовое, не календарное, а высшее значение. Подобным образом осваиваются Анчаровым и фразеологизмы. Есть такое устойчивое выражение: *ноги бы оторвать* (или вырвать). Анчаров на нем строит целую песню и целый образ, разворачивая его пронзительно-драматургически. Название вроде бы игровое, нарочито длинное: «Песня о низкорослом человеке, который ночью остановил девушку возле метро „Электрозаводская“». Но по ходу монолога персонажа мы узнаем трагическую причину его малого роста. Это инвалид, искалеченный в боях («Ограбленная войной, тень за моей спиной»):

Дома, как в детстве, мать
 Поднимет меня на кровать.
 Кто придумал войну,
 Ноги б тому оторвать!

Насколько это сильнее и действеннее декларативных стихотворных выступлений против войны! Вот как поэзия может реализовать эмоциональные ресурсы песенной интонации.

Вообще интонационная раскованность — главная особенность анчаровского вклада в формирование самого феномена авторской песни, как это мы наблюдаем в фрагменте из широко известного

«МАЗа»:

Крошка, верь мне: я всюду
первый —
И на горке и под горой, —
Только нервы устали, стервы,
Да аорта бузит порой.

Отбросить все лишнее, только о главном, только точный сплюск душевного движения:

Я спешу, я ужасно запят,
Не мешайте мне, я влюблен!
Русалочна

В поисках интонационной свободы Анчаров обращается к самым разным, в том числе «непрестижным» источникам. Он широко осваивает городской фольклор. В песне «Мещанский вальс» вольное цитирование известных бытовых стихиков сочетается с пропической словесной игрой:

В этом маленьком кпоске
Помада есть и духи,
И капроновые авоськи,
И молодых поэтов стихи.
Микроулица микроГорького.
Микроголод и микропир.
Вечер шаркает микропоркамп.
Микроклимат и микромир.

В бытовом *микромире* романтик и фантазер Анчаров находит земную опору духовного полета. Отсюда и творческое освоение «цыганщины», которая со времен Аноллона Григорьева, Апухтина и Блока была важнейшим источником новых интонаций и от которой так напрасно шарахалась официальная поэзия. Отсюда — и использование «блатного» фольклора в ряде анчаровских песен: для искусства и это не запретная зона; поэзия, прибегая к ахматовской формуле, может расти и из такого «сора».

Куда ведут «цыганская» и «блатная» линии анчаровской поэзии? Конечно же, туда же, куда едут его МАЗы, — к «Дорожной истории» Владимира Высоцкого, к его всенародному песенному крику. Высоцкий роднит с Анчаровым и словесное остроумие. Та «основа веселого слова», которую впоследствии щедро развернул Высоцкий, во многом была подготовлена работой его старшего товарища.

В предисловии к своей прозаической книге «Приглашение на праздник» Анчаров пишет: «Я не верю в бездарных людей. Все люди одарены жизнью. И перед этим невероятным фактом все остальное — мелочь и подробности. И если я хочу заниматься ис-

кусством, а я всегда этого хотел, сколько себя помню, то я должен исходить из этого непреложного факта всеобщей одаренности». Эти слова обозначают и общее кредо авторской песни: заговорить со всеми людьми на самом простом языке — и вместе с ними устремиться к духовным высотам.

*Публикация А. Е. Крылова.
Филологический комментарий Вл. Новикова*

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Хотел бы узнать о значении и происхождении выражения „пишет курелянкою“, встреченного мною у Н. С. Лескова».

В. В. Баруткин, *Красноярск*

Вы обратили внимание на одно из очень интересных выражений у Н. С. Лескова *писать куре[и]лянкою*. К сожалению, мы не имеем возможности просмотреть все собрание сочинений Лескова, чтобы отыскать, в каком контексте оно употребляется, тем более, что, как Вы пишете, это выражение не вошло в примечания. Мы можем лишь предположить, что это выражение семинарское, каких у Лескова немало, а *курелянка* здесь, вероятно, «кириллица» (т. е. кириллический алфавит, который был изобретен славянскими просветителями Кириллом и Мефодием, по имени первого из них он и назван. Этот кириллический алфавит лег в основу русского алфавита). Это предположение как бы поддерживает и древнерусское название кириллицы — *кириловица*, с *у* вместо *и*, как и в слове *курелянка*.

Возможно, однако, еще одно объяснение: слово *курелянка* образовано от церковнославянского *коуриль* в значении «форма, вид».

Беседы о речевом этикете

Н. И. Формановская,
доктор филологических наук

В

речевом общении всегда не менее двух партнеров. Собеседники (говорящий и слушающий) обозначены в языке личными местоимениями: говорящий — это *я*, иногда *мы*; адресат — это *ты* или *вы* (множ. число) и *Вы* (вежливое) к одному человеку. Язык выработал формы указания на роль говорящих в общении: или автора текста, или того, к кому обращена речь. Использование личных местоимений несет также этикетную функцию, то есть регулирует социальные разрешения и запреты на то или иное употребление. Так, местоимение *я* можно использовать не в любом стиле. Например, в современном научном тексте более употребительно *мы*. Существуют четкие правила выбора *ты* или *Вы*, адресованных одному собеседнику; в одних национальных культурах (в частности в Болгарии) есть возможность говорить о присутствующем *он*, *она*: «Она этот фильм уже видела» (это обо мне, стоящей тут же), в других нет этой возможности.

Правила речевого этикета определяют стилистические характеристики текста, создают «этикетную рамку» общения. Кто, например, тот человек, который употребляет такие выражения: *Позвольте откланяться*; *Чести имею*; *Премного благодарен*? Мы понимаем, что этот человек немолодой, интеллигентный. А кто здоровается (или прощается) так: *Приветик!*, *Салют!*, *Чао!*? Конечно, интеллигентному представителю старшего поколения не может принадлежать такое. Это говорят молодые. А кому адресованы подобные приветствия? Только равному, такому же молодому, и в неформальной обстановке общения, при непринужденных отношениях. А вот молодой человек уступает место в автобусе женщине почтенного возраста, говоря: «Садитесь, мамаша!» Он, конечно же, недостаточно грамотен, хотя и доброжелателен; о таком мы скажем, что он — посетитель просторечия. Приветствие *доброе здо-*

ровыцца! принадлежит уже, скорее, старшему жителю деревни. Примеров можно привести множество, когда то или иное выражение речевого этикета обнаруживает социальные признаки говорящего.

Вся наша речь во многом зависит от того, кто мы сами, с одной стороны, и кому адресуем речь, с другой. В социалингвистике разрабатывается теория социальных ролей говорящих. Напомним, что различают постоянные признаки людей, которые либо не меняются (пол, место рождения и воспитания и др.), либо меняются медленно (возраст, образованность, профессия, место жительства).

Имеет ли деление по полу отношение к говорящим людям? На первый взгляд кажется, что различий не может быть: ведь все мы говорим на одном национальном языке. Однако тексты, построенные мужчинами и женщинами по поводу одних и тех же событий, могут сильно различаться. Так, описание комнаты с играющими детьми оказывается более подробным, емким у женщины, которая подмечает все детали обстановки и одежды, а вот описание стадиона с игроками лучше сделает мужчина. Женщина чаще использует уменьшительно-ласкательные суффиксы, у нее больше ласковых обращений к детям и близким людям и т. д., и т. п. Следовательно, языковой выбор для построения текста может оказаться различным у мужчины и женщины (см. об этом: *Русская речь*. 1989. № 1). В речевом этикете, кроме общезыковых родовых различий форм (*рад – рада, согласен – согласна* и т. п.), существуют специализированные обращения только для мужчин или только для женщин: *Молодой человек* и *Девушка!*, *Гражданин* и *Гражданка!*, *Дядя* и *Тетя!* (это уже со стороны детей) и мн. др. В польском и венгерском языках мужчина, приветствуя женщину, говорит: «Целую ручки». А вот в Японии мужские и женские формы речевого этикета строго дифференцированы и обязательны к исполнению.

Речь детей между собой (в учебе и в играх) сильно отличается от их речи со старшими по возрасту и от речи самих взрослых людей. И хотя родители стремятся обучать нормам речевого этикета детей, все же они предпочитают привлекать внимание друг друга так: *Эй, ты!*; *Петька!*; *Танька!*; а то и с помощью кличек и прозвищ. Обращения *Дядя!*, *Дяденька!*, *Тетя!*, *Тетьенька!* считаются в детской речи нормативными, хотя, если взрослый допустит такое по отношению к нам, мы сочтем это невежливым. Вот пример из повести Г. Троепольского «Белый Бим Черное ухо»:

«Шел по городу чистенький мальчик из культурной семьи, шел, взглядываясь в лица, как бы изучая прохожих, и спрашивал по выбору: — Дяденька, скажите, пожалуйста, не видели ли вы со-

баку с черным ухом?.. Белая, в желтом крапе?... — Нет, не видели. — Жаль. Извините». Речь ребенка свидетельствует о том, что он растет в интеллигентной среде, и обращение *Дяденька* соответствует норме. Напротив, «взрослое» обращение в устах невзрослого достаточно странно. В этой же повести (отец-пастух наставляет сына Алешу): «Да спрашивай про Черноуха культурно: — Вопрос можно, товарищ?» И Алеша это хорошо понял: «По городу шел степенный мальчик-крепыш и изредка обращался к встречным, к тем, кто, по его мнению, заслуживал доверия: — Вопрос можно, товарищ? Мы, стало быть, пастухи...»

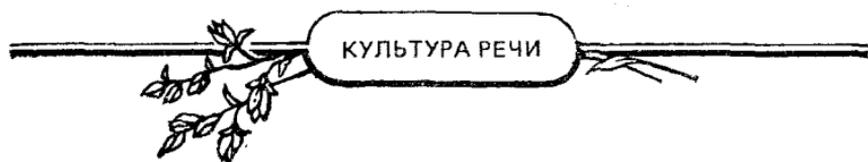
Как видим, каждому возрасту присущи «свои» единицы речевого этикета. В зависимости от степени образованности, от места жительства люди употребляют разные выражения речевого этикета. И получается, у одного: *Мое почтение!*, у другого: *Доброго здоровья!*, у третьего: *Позвольте вас приветствовать!*, у четвертого: *Здорово!*

У М. Шолохова в начале рассказа «Судьба человека» встречаются два незнакомых «— Здорово, браток! — Здравствуй! — я пожал протянутую мне черствую мужскую руку». Этот пример интересен и тем, что мы видим здесь приравнивание одного собеседника к другому: первый — простой человек, малообразованный, а второй — писатель, владеющий нормами литературного употребления, поэтому обязанный незнакомому сказать *Вы*, однако он выбирает *ты (Здравствуй!)*, чтобы быть равным тому, кто начал с ним разговор.

Кроме перечисленных постоянных социальных признаков, говорящий несет в себе множество переменных ролей. Вот прохожий, у которого можно спросить о чем-либо на улице; а вот пассажир, которого просят подвинуться: покупатель, клиент, пациент, родитель, сын, дочь... А еще есть роли социально-психологические: лидер разговора и ведомый, выскочка и застенчивый, общий любимец и козел отпущения... Всего не перечислить! Все эти признаки и роли складываются друг с другом, образуя целый «пучок»: интеллигент старшего поколения — профессор на кафедре, строгий и принципиальный, или он же — дедушка в семье, добряк. Понятно, что его речь в том и в другом случае будет различаться! Наблюдайте за речью в молодежной среде, и вы обнаружите типичные обозначения социально-психологических ролей. Об одном говорят: *Кладезь премудростей, Шеф, о другом — Душка, Лапоть...* вплоть до уничижительных наименований.

Социальные признаки отражают, например, обращения, которых много и в нашем постоянном обиходе: *Доктор и Больной!, Пациент!, Клиент!, Товарищ продавец!, Водитель!, Товарищ милиционер!* и многое, многое другое.

Можно прийти к заключению, что речевой этикет несет в себе богатую информацию о говорящем («я») и адресате («ты»). Так, обращения *Мамаша! Папаша!* характеризуют говорящего, который как носитель просторечия способен выбрать эту форму по отношению к женщине или мужчине в возрасте, а в обращении *Бабушка! Дедушка!* (к незнакомому) очень ярки признаки адресата — жителя деревни или выходца из нее. Рядом с общеупотребительными выражениями речевого этикета, которые используют все люди и в любой обстановке общения (например, *Здравствуйте* или *Спасибо*), существует множество выражений, выбор которых так много говорит нам о социальных признаках и говорящего, и его партнера.

«Давайте говорить друг другу комплименты»

Л. А. Сергиевская,
кандидат филологических наук

Помните, сколько неприятностей было у героя известного детского рассказа В. Осеевой «Волшебное слово» Павлика из-за его неумелых просьб: сестра не дала краски, бабушка за одну морковку прогнала из кухни, брат не взял на лодке кататься. Действительно, вряд ли захочется разрешить прокатиться на лодке, если тебе угрожают: «Возьми лучше, все равно я от тебя не отстану, весла утащу, сам в лодку залезу». И как меняется отношение к мальчику, когда он обращается тихим голосом, глядя в глаза тому, с кем говорит: «Лена, дай мне одну краску, пожалуйста» (к сестре); «Дай мне кусочек пирожка, пожалуйста» (к бабушке).

Умеем ли мы пользоваться «волшебными словами» при выражении своей воли собеседнику, не забываем ли о них в повседневном быту? «Меня теперь меньше поражает, когда меня в очереди отталкивают, „куда прешь“, чем когда я слышу: „будьте добры“, „пожалуйста“, „сделайте одолжение“, — сказала балерина Е. Максимова в интервью журналу «Здоровье» (1987. № 6). К сожалению, многие из нас могут согласиться с этим мнением. Значит,

вопрос об этикете повеления немаловажен и должен быть поставлен во всех сферах общения людей.

Побудить собеседника сделать что-нибудь можно по-разному: попросить, предложить, пригласить, посоветовать, запретить, приказать и др. Однако правильно выбрать ту или иную форму в конкретной ситуации удастся не всегда. Просьба может оказаться фамильярной, совет — неуместным, предложение — слишком категоричным, призыв — мягким, приказ — неубедительным. Нередко надо попросить, а мы приказываем; надо посоветовать, а мы требуем; надо приказать, а мы призываем; надо пожелать, а мы предостерегаем. В результате не достигаем желательной цели. Повеление, соответствующее правилам речевого этикета, облегчает взаимопонимание людей, не вызывает отрицательных эмоций.

Чтобы выразить просьбу в этичной форме, каждый раз приходится оценивать обстановку общения, характер того, к кому обращаемся. При этом учитываются традиции, принятые в речи данного коллектива (например, русское обращение на «вы» к незнакомому). Ушли в прошлое многословные просьбы: «Господи, соблаговолите, пожалуйста, отворить» (Куприн. Штабс-капитан Рыбников); «Покорнейше прошу Вашего позволения...» (О. Сомов. Письмо Д. П. Бутовскому. 1832. 3 янв.). Непреходящим остается правило вежливости, в котором важную роль играют следующие условия: 1) соответствующая интонация, 2) выбор слова, 3) построение фразы.

I. Интонация может быть обязательной (*Пойдем в театр!*) и необязательной (*Давай пойдем в театр*); определять категоричность желания, эмоциональную окрашенность: например, слово *Иди!* способно выразить просьбу, совет, пожелание, приказание и др. По словам В. В. Виноградова, «интонация сама по себе может превратить любое слово в выражение приказания» (Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 464). Это свойство широко используется в русской речи при выражении сверхлаконичных повелений: *Чаю!*, *Быстрой!*, *Сюда!*, *Цыц!*, *Стоп!*, *За мной!*, *Налево!*, *Пошли!*, *Довольно!* Надо помнить о том, что манера произношения отражает чувства, настроения говорящего. От того, каким тоном мы просим или приказываем, во многом зависит успех в наших намерениях.

II. Слова, избираемые говорящим, должны соответствовать общепринятым правилам речевого этикета. Еще встречаются, словно сорняки, непристойные слова и выражения в речи молодых людей: *катись колбасой*, *пошел на фиг*, *дуй горой*, *пойдем прошвырнемся*, *хилый в стратосферу*. Верно отметил К. Чуковский: «Ведь вульгарные слова — порождение вульгарных поступков и мыслей, и пото-

му очень нетрудно заранее представить себе, какой развинченной, развязной походкой пройдет мимо тебя молодой человек, который вышел *прошвырнуться* по улице и, когда во дворе к нему подбежала сестра, сказал ей:— *Хилляй в стратосферу!* На каждом слове этого жаргона мне видится печать того душевного убожества, которое Герцен называл тупосердием» (Чуковский К. И. Живой как жизнь).

Русский литературный язык обладает запасом слов, вполне достаточным для передачи пожеланий во всевозможных оттенках значений без налета фамильярности, грубости, вульгарности. Специальными выразителями побуждения выступают глагольные формы типа *иди(те)*, *идем(те)*, *пойдем(те)*, *давай(те) пойдём(те)*, *будем(те) идти*, *пусть идет*, *пусть идут* и др. В русской речи можно обойтись и без специальных форм. Вот конструкции, в которых употреблены неповелительные формы: *Прошу пойти со мной!*; *Приглашаю со мной!*; *Можно идти со мной!*. Усиливается и окрашивается повеление в разговорной речи частицами *же(ж)*, *-ка*, *ну*, *да*, *уж*, *пожалуйста* и др. Например, частица *же(ж)* усиливает призывность, иногда добавляет оттенок нетерпения говорящего: «Ну, давайте ж играть» (Гоголь. Игроки); «Дайте же мне сесть» (Чехов. Чайка); «Идите же скорее» (Куприн. Поединок); *-ка* — смягчает просьбу, придает ей интимную или фамильярную окраску, выражает ласковость, близость отношений: *садись-ка*, *пойдем-ка*, *давай-ка* *почитаем*; *ну* — используется со значением уступки говорящего, его согласия после возражений: «Ну, давайте мириться» (Чехов. Три сестры). Эти частицы употребительны в разговорной речи, но неуместны в официально-деловых просьбах. Но и в дружеских просьбах не всегда желательны, например, такие: *Ну-ка, убери!*; *Ну-ка, возьми!*; *Ну-ка, сядь!* Произнесенные пренебрежительным тоном, эти распоряжения унижают достоинство собеседника. В то же время допустимо такое обращение к ребенку, в детской речи (в названии конфет «Ну-ка, отними!»).

Предложения, выражающие пожелание, просьбу, приказ, должны отличаться предельной лаконичностью. При этом в любой сфере речевого общения такие обращения обладают большей воздействующей силой, если сопровождаются названием по имени, фамилии, родственной принадлежности, социальному положению, а также словами со значением качественно-оценочной характеристики. Например: «Слушайте, товарищи-потомки, агитатора, горлана-главаря!» (Маяковский. Во весь голос!) — это призыв. При обращении к незнакомому используются слова *товарищ*, *гражданин*, *девушка*, *гражданка* или слова *простите*, *извините*, *пожалуйста*; *скажите*, *пожалуйста*; *будьте любезны*. В разговоре по телефону:

«Пожалуйста, позовите Александра Петровича!»; в троллейбусе: «Будьте любезны, передайте талоны»; на улице: «Скажите, пожалуйста, который час?»

В русской речи общепринято определенное соотношение этих форм, диктуемое ситуацией общения. Так, в обращении по имени используются формы типа *иди, пойдём, давай пойдём*, а при назывании незнакомого и обращении к множеству лиц, при имени-отчестве — *идите, пойдёте, давайте пойдём*: «Иван, иди!» и «Иван Петрович, идите!», «Гражданин, идёте!»; «Товарищи (друзья, коллеги), идёте!» Обращения *браток!, дружок!, голубушка!* сочетаются с формами *иди, идем, давай пойдём*. Допустимы отступления от этой традиционной схемы, обусловленные выражением добавочных смысловых оттенков: «Катя, пойдёте с нами» (Н. Погодин. Человек с ружьем); «Идёмте купаться, Сима» (Афиногенов. Чудак); «Бросьте, братец, всю эту вражду» (А. Островский. Доходное место). С помощью такого общения говорящий подчеркивает официально-вежливые отношения с собеседником или намеренно устанавливает дистанцию — отдаляет от себя собеседника. Обращение к множеству лиц, к целому коллективу встречается при повелительной форме единственного числа: «Ну, молодчики, покажи работу!» (М. Горький. Мать); «Едем, товарищи!» (Н. Погодин. Человек с ружьем); «Давай, братушки, так и сделаем» (Петров. Братья Грузиновы). Такие призывы имеют оттенок дружеского отношения к коллективу. Способность повелительной формы выполнять обобщающую функцию объясняет ее широкое использование в пословицах, поговорках, афоризмах: «Береги платье снову, а честь смолоду»; «Не шути с огнем — обожжешься»; «Готовь сани летом, а телегу — зимой».

В общественных местах мы часто встречаемся с различного рода надписями, излагающими правила поведения. Такие требования выражались в категоричной форме: *Не курить!, Соблюдать тишину!, Не прислоняться!* В последнее время эти тексты постепенно вытесняются более мягкими, в стиле просьбы: *Не курите!, Соблюдайте тишину!, Не прислоняйтесь!* В некоторых случаях побуждение представляется в скрытом виде, косвенно, в подтексте, дается в форме сообщения: *У нас не курят!, Посторонним вход запрещен!, Вход по пропускам!*

В рамках русского речевого этикета общеупотребительными являются стилистически нейтральные глаголы типа *иди(те), идем(те), пусть идет, пусть идут*. Выражения со словами *давай, давайте* в словарях отмечены как разговорные, но сейчас наблюдается их широкое использование во всех стилях речи. Например, в публицистике: «Все меньше остается фронтовиков. Заслуги этих людей

неоценнны. Так давайте же всегда беречь их покой, не омрачать их жизнь равнодушием» (Правда, 1981, 9 авг.); в поэзии: «Давайте говорить друг другу комплименты» (Б. Окуджава). Заметим, что эти формы не употребительны в деловых бумагах, в научных трудах, то есть в письменной речи книжного стиля. В устной же речи встречаются и в официальных диалогах, и в научных сообщениях; «Давайте рассмотрим этот вопрос»; «Давайте вспомним законы логики». Реже используются нейтральные пожелания типа «Будем друзьями!»; «Будем взаимно вежливыми!»; «Не будем эгоистами». Здесь выражается обобщенное лицо.

Просьбы, требования, пожелания и проч. в канцелярском стиле отличаются трафаретностью, отсутствием эмоциональной окраски. В деловых бумагах — заявлениях, докладных записках, деловых письмах, служебных приказах, официальных приглашениях — побуждение выражается описательно (при этом неуместны разговорные повелительные формы). Например: *Прошу предоставить мне..*, а не *Дайте мне..*; *Довожу до Вашего сведения..*, а не *Примите к сведению..*; *Объявить благодарность..*, а не *Давайте поблагодарим.*

Говорящие небезразличны к тому, как обращаются к ним — просят или приказывают. От того, в какой форме идет речь, зависит, будет ли ответом протест или желание собеседника выполнить просьбу или приказ. Поэтому не надо забывать о волшебных словах и добрых интонациях. Будем учиться волшебству этикета повеления. Давайте говорить друг другу комплименты...

Рязань

Можно ли прогнозировать слова?

Н. И. Орлова,

кандидат филологических наук

ваше время — время больших социально-экономических прогнозов — вопрос о будущем русского языка, о перспективах его развития интересует

многих. Ученые пытаются заглянуть в завтрашний день языка, оценить происходящие в нем процессы. Известно, что самые заметные изменения связаны с появлением новых слов, которые иногда возникают целыми семьями. Вот, например, одна такая семья, исходным для которой является слово *политика*.

Первым в этом ряду зафиксировано имя существительное *политизация* (словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения». М., 1971). Другие слова — глаголы *политизировать*, *политизироваться* — отмечены позже (Словарь русского языка: В 4-х томах. М., 1983. Т. 3). Употребляются они главным образом в языке газеты: «...„массовая культура“ в США... все более и более политизируется...» (Лит. газета. 1983. 20 июля).; «Иногда говорят, что наша литература слишком политизирована» (Лит. газета. 1986. 2 июля). В семидесятые годы новизна их ощущалась, вероятно, сильнее, и потому они встречались в так называемых «осторожных» кавычках: «Французский романтизм настолько „политизирован“, что политическое значение... получает каждая попытка ухода от политики во внутренний мир...» (История зарубежной литературы XIX в./Под ред. А. С. Дмитриева. М., 1979).

Проследить путь образования этих слов представляется небезынтересным: для носителей языка актуально не только их употребление, но и происхождение.

Многие ученые считают, что сначала появляются глаголы, обозначающие конкретные процессы, а уж потом соотносительные с ними имена существительные, называющие те же процессы абстрагированию (см.: Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 161). Соответственно рассуждая, можем предположить, что существительное *политизация*, смысл которого определен в 4-томном Словаре как «действие по значению глагола *политизировать*», образовано от этого же глагола с помощью суффикса *-ация*. Глагол *политизировать*, в свою очередь, — от слова *политика*. Схематично это можно представить так: *полити(к)а* → *политизировать* → *политизация* и *политизироваться*.

Подобные образования отличаются высокой продуктивностью: *полемизировать* — *полемизация*, *автоматизировать* — *автоматизация*, *драматизировать* — *драматизация*, *колонизировать* — *колонизация*.

Однако в словарях нередко фиксируются сначала имена на *-ация*, как в рассматриваемом случае, а уж потом — соотносительные с ними глаголы. Существительное *эстетизация*, например, зафиксировано в пятидесятые годы, *корреляция* — еще раньше, в начале нашего века. Глаголы же, соотносительные с ними, не зафиксированы до сих пор. Что это, сбой в словообразовательной системе? Нет, первым потребовалось наименование абстрагированного действия. Возможно, здесь имело место так называемое чересступенчатое словообразование, при котором новое слово образуется, минуя одно — глагольное — звено в словообразовательной цепи. Так или иначе, для наименования процесса языковая система предо-

ставляет две возможности: 1) через глагол, конкретно, с указанием на субъект и объект действия, на время (настоящее, или прошедшее, или будущее), на вид (совершенный или несовершенный); 2) через имя существительное — абстрагированно, вне времени и вида.

Глаголы *эстетизировать*, *коррелировать* не зафиксированы словарями, но свободно функционируют в речи. Их можно встретить на газетных полосах, в художественной и научной литературе: «Режиссер аранжирует эту тему, не пытаясь ее приукрасить, эстетизировать, приподнять над обыденностью» (Лит. газета. 1987. 30 июня); «...красивое здесь подлинно красиво, безобразное тоже эстетизировано...» (Лит. газета. 1986. 30 июля); «Увы, не коррелирует все это с современным уровнем науки» (Казанцев. Купол надежды). Причастие *эстетизированный* употреблялось еще в пятидесятые годы: «...Карамзин, Жуковский и Дмитриев утвердили за поэзией... эстетизированное изображение жизни» (Степанов. Мастерство Крылова-баснописца. М., 1956).

Причастие вообще часто предшествует появлению соотносительных спрягаемых глагольных форм. В 1984 году в словаре-справочнике «Новые слова и значения» отмечены существительное *компьютеризация* и причастие *компьютеризованный*. Появилась необходимость в новом слове — и в употребление входит глагол *компьютеризировать*. Пустующая клетка в языковой системе заполняется: «Если же мы продолжим компьютеризировать школу столь же бездумно..., 5–10 миллионов школьников подвергнется дополнительному риску для здоровья» (Лит. газета. 1988. 22 янв.).

Все большее значение для человечества приобретают проблемы экологии, и в русском языке растет количество слов, связанных с этим понятием. В «Словарных материалах — 80» впервые зафиксировано слово *экологизация* — «оснащение средствами, устраняющими воздействие на среду». И вот еще не отмеченное словарями причастие *экологизированный* встречаем в публицистике, причем с оговоркой, указывающей на его распространение — «как принято сейчас говорить»: «...вся система земледелия должна быть, как принято сейчас говорить, экологизирована» (Знамя. 1987. № 3). Не исключено, что и спрягаемые формы глагола *экологизировать* скоро появятся, а может быть, уже появились в специальной литературе — ведь наши материалы не являются исчерпывающими.

Во многих случаях в парах «глагол — имя действия» первыми фиксируются спрягаемые глагольные формы. В начале восьмидесятых годов встречаем глагол *примитивизировать* — «упрощенно подходить, упрощать». Он употребляется, например, в повести П. Прокураина «Полуденные сны»: «— Таня, ну, скажи, чего тебе в жиз-

ни не хватает? Академического пайка? — Зачем же так примитивизировать, Вася?». Имя существительное *примитивизация* замечаем в 1987 году: «Процесс упрощения, примитивизации этого искусства, низведение его до простого обслуживания нужд строителей зашел так далеко, что кое-где стало укрепляться убеждение в „необходимости архитектуры“» (Лит. газета. 1987. 24 июня).

Только в самое последнее время, в связи с критическим осмыслением некоторых процессов, происходивших в семидесятые годы, стал употребляться глагол *демагогизироваться*: «Правильные вроде бы по сути установки клишировались, демагогизировались и в конце концов становились удобной ширмой для устройства личных или групповых дел» (Лит. газета. 1987. 20 мая).

Появится ли имя существительное *демагогизация*, соотносительное с этим глаголом, решит будущее. Оно же решит — быть или не быть существительному *анахронизация* при уже появившемся глаголе *анахронизироваться*: «Время не анахронизируется, не подгоняется под известный или заданный ответ» (Лит. газета. 1987. 28 янв.).

Усиление гуманитарного начала в нашей общественной жизни, в науке, искусстве привело к появлению и широкому распространению наименований *гуманизировать* — *гуманизация*: «..можно „гуманизировать“ массовую застройку, подчиняя ее — в большом и малом — „сценариям“ жизни, которая в ней протекает» (Лит. газета. 1987. 17 июня). Особенно высока частотность употребления существительного *гуманизация*. Одни авторы говорят о *гуманизации отношений* между людьми как о важном завоевании советского народа, другие — о *гуманизации воспитания* (Лит. газета. 1987. 11 ноября и 8 апр.); *идею гуманизации, сотрудничества учителя и ученика* утверждают педагоги-новаторы (Вечерний Волгоград. 1987. 21 апр.); о *гуманизации зодчества* говорят архитекторы (Лит. газета. 1987. 24 июня).

Недавно возникшее, еще не зафиксированное словарями, это существительное стремительно обрело актуальность. Его употребляют не только тогда, когда речь идет о нашем времени, но и применительно к более ранним периодам, например к 20–30 годам: «Николай Иванович [Бухарин.— Н. О.] был одержим идеей революционного преобразования общества, его гуманизации...» (Огонек. 1987. № 48).

В соединении с приставками существительное *гуманизация* приобретает новое значение: с *де-* называет обратный процесс — «уничтожение, устранение гуманизации»; с *ре-* — «процесс возобновляющийся»: «...возникли ... демаркационные линии между силами культуры — социалистическими, утверждавшими новый гу-

манизм, в антисоциалистических, облыжно обвинявшими новый мир в дегуманизации»; Я бы обозначил словом „регуманизация“ стратегическую задачу современной медицины» (Лит. газета. 1987. 14 и 21 окт.).

Существительные на *-ация* и соотносительные с ними глаголы могут составлять и трехчленные ряды по аналогии с уже давно сложившимися: *морализировать — морализация — морализование*. При этом обнаруживаем следующую закономерность: внутри такого ряда все члены взаимообусловлены. Существование одного из них предполагает существование другого. Появление разных членов такого ряда иногда совпадает во времени, иногда происходит с интервалом в десятилетия.

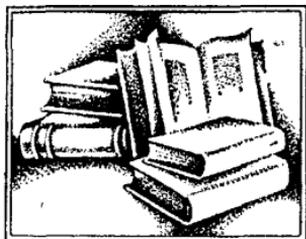
Так, в «Словарных материалах—80» отмечено существительное *логизирование*. Составители материалов его образование связывают непосредственно со словом *логика*, мотивируя это отсутствием соотносительного глагола. Однако процесс, названный именем, существует, значит, существуют и условия для появления глагола *логизировать*. И вот этот глагол уже встречается в текстах в спрягаемых и неспрягаемых формах: «...такой логизированный (засушенный) язык не очень-то будет удобен для стихов и любовных посланий» (К. С. Горбачевич. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее. М., 1984); «Обобщить, выделить главное, рационализировать, логизировать сотни мелких деталей, событий, случаев?» (Крутикова. Дом в Верколе // Наш современник. 1986. № 3).

Третий член этого ряда — существительное *логизация*, тоже еще не отмеченный словарями, должен, как и *логизирование*, обозначать «действие по глаголу *логизировать*». Нужны ли в одном языке два слова с разными суффиксами, но с одинаковым значением? Нужны, словам на *-ание* в этих рядах присущ элемент негативной оценки. Появление третьего члена в ряду *логизировать — логизирование — логизация* считаем поэтому предопределенным.

Таким образом, анализ словообразовательных возможностей языковой системы позволяет в некоторых случаях предполагать, прогнозировать появление слов, хотя определяется это появление общественной необходимостью.

Волгоград

Из Нормативно- стилистического словаря русского языка

Благодаря – предлог.

1) В современном литературном языке предлог *благодаря* сохраняет известную смысловую связь с глаголом *благодарить* и употребляется обычно лишь в тех случаях, когда говорится о причинах, вызывающих желательный результат: *благодаря чьей-нибудь помощи, поддержке.*

В устной и письменной речи предлог *благодаря* нередко употребляется без указанного ограничения – вместо различных причинных предлогов: *из-за, по причине, вследствие* и т. п. Например: *благодаря спешке мы опоздали; благодаря засухе урожай оказался низким.*

Ошибка возникает в связи с грамматикализацией предлога (дальнейшим смысловым отвлечением от исходного глагола *благодарить*), а также под влиянием конструкций, в которых результат не может быть расценен ни как положительный, ни как отрицательный, например: *благодаря сходству, благодаря различию с кем или чем-нибудь.*

2) Употребляется в конструкциях с дательным падежом зависимых слов: *благодаря кому-нибудь* (т. е. вследствие чьей-нибудь помощи) или *благодаря чему-нибудь* (т. е. по причине, вследствие чего-нибудь).

В современной устной и письменной речи предлог *благодаря* нередко употребляется с родительным падежом зависимых слов: «благодаря кого или чего-нибудь». Это ненормативное употребление, не следует писать и говорить: «благодаря сходства».

Значит – «следовательно, стало быть».

Это вводное слово в устной монологической речи, выступлении ораторов, часто и без нужды повторяясь, обесмысливается и становится речевым паразитом. Слова-паразиты засоряют речь го-

ворящего, делают ее невнятной и затруднительной для понимания: «Значит, от имени бригады, я, значит, заверяю всех в том, что, значит, мы не подведем...» и т. п.

Сказанное относится и к другим вводным словам и оборотам: *знаете, знаете ли, понимаешь и понимаете ли, так сказать, можно сказать, вообще*, а также к некоторым частицам (*вот, ну, это* и др.).

Вот что писал о семантически опустошенном слове-паразите *вообще* К. С. Стамплавский в книге «Работа актера над собой»: «Какое ужасное слово *вообще*! Сколько в нем неряшества, неразберихи, неосновательности, беспорядка. Хотите съесть что-нибудь — *вообще*? Хотите *вообще* поговорить, почитать? Хотите повеселиться *вообще*? Какой скукой, какой бессодержательностью веет от таких предложений».

В стилистических художественных целях слова-паразиты используются иногда писателями для речевой характеристики персонажей, например словечки Давыдова *факт* и *фактически* в романе М. Шолохова «Поднятая целина».

Золовка — свояченица.

Эти слова различаются по значению.

Золовка — «сестра мужа» (обозначает родство по мужу). Например: «Хотя она и велела вчера сказать мужу, что ей дела нет до того, придет ли не придет его сестра, она (...) с волнением ждала золовку» (Л. Толстой. Анна Каренина).

Свояченица — «сестра жены» (обозначает родство по жене). «— Старшие детки в казенных заведениях, а со мной только две меньшеньких, да свояченица живет, женина сестра» (Тургенев. Затишье).

В современной обиходно-разговорной речи и в просторечии наблюдается смешение этих разных по значению слов. Ошибка возникает в результате забвения многих старых терминов родства, их утраты в активном употреблении (ср. *деверь, шури* и т. п.).

X
Международный
съезд
СЛАВИСТОВ

Одна из замечательных традиций в научной жизни мировой славистики – каждые пять лет проводить в одной из славянских стран международные съезды ученых-славистов. Еще не забылись впечатления от IX съезда, проходившего в Советском Союзе (6–14 сентября 1983 г., Киев), а Международному комитету славистов (МКС) уже предстояло начать подготовку к очередному форуму (София, сентябрь 1988 г.).

Накануне отъезда на X Международный съезд славистов (МСС) советская делегация была приглашена в болгарское посольство в СССР. Чрезвычайный и полномочный посол Народной Республики Болгарии Георги Панков пожелал делегатам интересной и плодотворной работы. 25 лет назад в Софии проходил V МСС. Сегодня София – большой, красивый и гостеприимный город. Его достопримечательности, сердечная и доброжелательная атмосфера привлекают все больше друзей. На съезд приехали ученые из 30 стран Европы, США, Австралии и Новой Зеландии, Азии (около 2000 человек). В советскую делегацию (157 чел.) входили ученые Академии наук СССР, АН БССР, АН УССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Советского фонда культуры, ЮНЕСКО; возглавлял ее председатель Советского комитета славистов академик Н. И. Толстой.

Съезд проходил в здании Народного дворца культуры (по примеру жителей Софии мы называли его сокращенно – НДК). Рабочими языками были все славянские языки, а также английский, французский и немецкий. Разнообразная и обширная проблематика съезда традиционно была объединена в пяти секциях: языкознание; литературоведение; литературно-лингвистическая; фольклористика; историческая проблематика.

1988 год – год празднования 1000-летия введения христианст-

ва на Руси, что обусловило большое количество докладов, посвященных просветительской деятельности первоучителей славянской письменности Кирилла и Мефодия, кирилло-мефодиевской проблематике в целом, а также христианизации Киевской Руси. Никого не оставил равнодушным доклад «Особенности христианства на Руси», с которым академик Д. С. Лихачев выступил на пленарном заседании в первый день работы съезда. Речь шла о богатстве и разнообразии русской культуры. Именно литература, произведения которой «путешествовали» по всей Руси и не знали границ с южными славянами, была силой, объединявшей племенные и культурные различия.

Структура и история праславянского языка (к которому восходят все славянские языки), балто-славянские лингвистические отношения, сравнительно-историческое изучение славянских языков и диалектов, межъязыковые контакты, сопоставительное и ареальное изучение славянских языков и диалектов, структурные и семантические особенности современных славянских языков, социолингвистика — все эти темы были в поле зрения ученых, работавших в секции языкознания.

На секции литературоведения обсуждались вопросы типологического изучения литератур, взаимовлияния славянских литератур и литературных связей, методологические проблемы сравнительного изучения славянских литератур, значение социалистического реализма в развитии советской многонациональной и зарубежной литератур.

О большом интересе зарубежных специалистов к русской и советской литературе свидетельствовали доклады, посвященные изучению различных аспектов творчества А. Пушкина, И. Тургенева, А. Белого, Л. Толстого, М. Горького, Б. Пастернака, Ч. Айтматова, В. Распутина и др. Оценка современной советской литературы в славянских странах достаточно определенно была выражена критиком Я. Герштовой (ЧССР): «В результате перестройки и связанных с ней перемен советская литература переживает сегодня один из самых примечательных периодов за всю свою историю». Юбилейные доклады были посвящены творчеству Христо Ботева, Франциска Скорины, Тараса Шевченко.

Литературно-лингвистическая секция обсуждала проблемы и методы сравнительной стилистики и художественного перевода, лингвистического анализа художественной прозы.

Этногенез славян как общая проблема истории, лингвистики, археологии, антропологии, фольклористики и этнографии — это была основная тема секции исторической проблематики. Здесь же обсуждались общеславянские вопросы материальной и духовной

культуры славянских народов. Содержательные и заинтересованные дискуссии вызвали доклады, затронувшие аспекты исследования старославянских и древнерусских памятников письменности. Подтвердилась актуальность терминов, в частности: *старославянский — древнеболгарский — церковнославянский — древнерусский*. Прекрасное знание письменных источников и уверенное владение материалом обусловили на съезде приоритетную позицию советских ученых в этом вопросе.

Нельзя было не обратить внимания на тот факт, что ученые Нидерландов, Норвегии, Франции, Италии, Японии и других стран проявляют большой интерес к изучению различных аспектов русского языка, восточнославянских языков в современном и историческом планах. Это и грамматическая система, ее структурные и семантические особенности, словообразование, терминология, диалектология и др.

Всего на X Международный съезд славистов было представлено более 700 докладов и сообщений. Помимо секций и подсекций работали 23 научные комиссии при МКС.

На заседании комиссии по языковым контактам обсуждалась текущая работа над «Общекарпатским диалектологическим атласом», который совместно с зарубежными учеными готовит к публикации Институт славяноведения и балканистики АН СССР. На вечере встречи с участниками съезда в Доме советской науки и культуры была организована выставка трудов этого Института, а также отмечено 175-летие выдающегося слависта И. И. Срезневского (1812–1880), члена 32 европейских академий, знатока славянской письменности и культуры.

Интересной была общая книжная выставка X МСС. Значительным событием в жизни научной общественности явилась публикация «Диалектологического атласа русского языка», подготовленного Институтом русского языка АН СССР под редакцией члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова и кандидата филологических наук С. В. Бромлей. Это фундаментальный труд по лингвистической географии, обобщающий языковые данные по более чем 4000 населенных пунктов, расположенных на территории древнейшего расселения русских — Центра европейской части СССР. Он дает новый фактический материал для изучения взаимодействия литературного языка и диалектов, исследования языковых контактов в регионах со смешанным населением. На выставке был представлен I выпуск атласа — «Фонетика».

Международный коллектив ученых Академий наук социалистических стран (ГДР, ПНР, СССР, ЧССР, СФРЮ) работает над созданием Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА),

два выпуска которого вышли в свет: Общеславянский лингвистический атлас/Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988. Главный редактор Р. И. Аванесов, отв. редактор В. В. Иванов;/Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы *ё. Белград, 1988. Отв. редакторы Б. Видоески, П. Ивич.

С большой заинтересованностью зарубежные участники съезда встретили сообщение о выходе в свет I тома «Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (М.: Русский язык, 1988). Словарь подготовлен коллективом Института русского языка АН СССР (главный редактор Р. И. Аванесов, редакторы Л. В. Вялкина и Г. Н. Лукина). Там же, на съезде, поступило много заявок на приобретение этого издания.

В Софийском университете имени Климента Охридского прошла торжественная и чрезвычайно красочная церемония присуждения Р. Пиккио (Италия — США), Р. Олену (ФРГ) и Г. Михаэля (СРР) научной степени почетного доктора университета. Это высокое звание было также присуждено советскому ученому — Д. С. Лихачеву. За крупные научные труды в области славистики медали «Кирилла и Мефодия» были вручены докторам филологических наук Г. Г. Литаврину, Р. М. Цейтли и кандидату филологических наук О. А. Князевской.

В Благоевграде состоялось пленарное заседание Международного комитета славистов, которое вел академик Петр Динев — председатель Болгарского комитета славистов. Было принято решение: очередной, XI Международный съезд славистов провести в 1993 году в Братиславе. Председателем МКС избран проф. Славомир Вольман (ЧССР).

Съезд наметил программу дальнейших исследований в области славистики.

Л. А. Владимирова,
кандидат филологических наук

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое *софизм*?»

И. Гапич, Калужская область

Софизм (от греческого *sophisma* «уловка, ложное умозаключение») — формально кажущееся правильным, но ложное по существу умозаключение, основанное на преднамеренно неправильном подборе исходных положений; словесное ухищрение, вводящее в заблуждение.

Вышеуказанный — указанный выше

Э. А. Сорокина,
кандидат филологических наук

С развитием НТР в современном русском языке постоянно появляются новые слова и сочетания слов, особенно интенсивно — научно-терминологическая лексика и фразеология. Способы образования новых слов различны. В этой статье рассмотрена группа прилагательных-неологизмов, созданных способом сращения. В лингвистической литературе он сравнительно недавно представлен в качестве самостоятельного способа образования слов (см., например, Граматику современного русского литературного языка. М., 1970). Новые слова при этом возникают в результате соединения двух слов в процессе употребления в языке, то есть образуются из словосочетания: *высоко летящий* — *высоколетающий*, *много умеющий* — *многоумеющий*, *тепло выделяющий* — *тепловыделяющий* и т. д. Имеются сращения, образованные из трех слов: *с ума сводящий* — *сумасводящий*; *никель, кобальт содержащий* — *никелькобальтсодержащий*.

С течением времени в русском языке образовались слова-сращения, принадлежащие к разным частям речи: существительные (*Айболит*), прилагательные (*тяжелобольной*, *высококоachable*), наречия (*тогда*, *сегодня*), глагол (*заблагорассудится*). Наиболее многочисленную группу составляют прилагательные, которые построены по определенной словообразовательной модели: наречие (или существительное) + адъективированное причастие, получившее признаки прилагательного (*сульфидсодержащий*, *сильнодействующий*, *многопомнящий*, *слабослышающий*, *быстродействующий* и т. д.).

Чем отличаются прилагательные-сращения от сложных прилагательных?

Прилагательные-сращения не имеют соединительной гласной. А гласная, находящаяся на стыке корней, является или окончанием винительного падежа существительного среднего рода, или суффиксом наречия: *тепло* — *теплоудерживающий*, *сердце* — *сердцеразрывающий*, *громко* — *громкоговорящий*, *дорого* — *дорогостоящий*.

Прилагательные-сращения легко преобразуются в словосоче-

тания: *многознающий* — *много знающий* («На некоторое время эти люди привлекли ее. Они казались много знающими и потому интересными» — Хруцкий. Осень в Сокольниках); *малоизвестный* — *мало известные* («Географическая изученность страны и ряда зарубежных государств была необходимым условием для осуществления важнейших государственных задач: для вождения пового русского флота, для ведения войн на Черном море, Балтике, в Средней Азии — районах, мало известных в географическом отношении» — Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. 1964).

В соотносительных парах слов *высокоточный* и *высоколетящий*, *короткометражный* и *короткоживущий*, *малопенный* и *малонаполненный*, *узкоотраслевой* и *узконаправленный* к сращениям относятся только вторые члены пар, тогда как первые — это суффиксально-сложные прилагательные, в составе которых *о* является соединительной гласной; образованы они присоединением суффикса и соединительной гласной к двум самостоятельным корням: *высокий*+*точность* — *высокоточный*; *короткий*+*метраж* — *короткометражный*; *мало*+*пена* — *малопенный*. Суффиксально-сложные прилагательные не преобразуются в синонимичные словосочетания. Невозможность существования в языке словосочетаний типа «конструктивный мало» (из *малоконструктивный*), «усадочный мало» (из *малоусадочный*), «полемический остро» (из *острополемический*) и подобных им объясняется прежде всего лексическим значением прилагательных *конструктивный*, *усадочный*, *реалистичный*, *полемический*, которые не нуждаются в примыкании наречия с обстоятельственным значением.

В качестве первого компонента в сращениях выступают чаще наречия и существительные среднего рода: *острорезущий предмет*, *быстропротекающий процесс*, *далекоидущие последствия*, *деревообрабатывающее предприятие*; *железосодержащее сырье*, *письмообрабатывающая техника*; реже — существительные женского и мужского рода, числительные: *ртутьсодержащие ядохимикаты*, *калийсберегающее действие*, *дваждырожденный*.

Связь прилагательного-сращения со словосочетанием, послужившим ему базой, чувствуется всеми, кто использует подобные слова в своей речи. Это проявляется и в орфографии, когда пишущий затрудняется в том, как правильно написать: *выше сказанное* или *вышесказанное*, *мало дающий* или *малодающий*?

Однако отдельные прилагательные-сращения утрачивают связь со словосочетаниями. «Это, — пишет Е. А. Земская, — отражается на сочетаемости сращения с существительными. Так, прилагательное *долгоиграющий* применяется только к пластинкам (можно лишь в шутку сказать о ребенке: „Какой у нас долгоиграющий Петень-

ка!“), *быстрорастворимый* – к сахару и т. п. Этой семантической и сочетаемостной прикрепленностью сращения как целостные слова отличаются от свободных сочетаний слов, послуживших базой для их образования» (Современный русский язык/Под редакцией В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 205).

Проблеме слитного и раздельного написания сращений с первым компонентом *все-* была посвящена статья В. А. Ицковича (Русская речь. 1979. № 4). Автор статьи отдал предпочтение раздельному написанию. Однако все чаще встречаются слитные написания подобных слов: *всеподавляющий* (Известия. 1979. 7 сент.), *всееуничтожающий* (Правда. 1979. 19 июня), *всезнающая машина* (Лит. газета. 1984. 18 июля), *всевидящий взор* (Лит. газета. 1986. 21 мая).

Существующие правила орфографии не дают четкой рекомендации относительно различий в написании сращений и синонимичных им свободных словосочетаний. Трудности объясняются тем, что прилагательные-сращения находятся в начальной стадии формирования. В настоящее время большая часть их принадлежит научной речи – терминологической лексике: *вакуумформирующий цилиндр*, *волоконнообразующий раствор*, *легкорастворимые соли* и т. д. Изучение этих прилагательных-сращений поможет выработке нормативных рекомендаций по словообразованию, правописанию и употреблению в речи.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Почему пельмени называются *пельменями*?»

Ира Степанова, Смоленск

Русское *пельмень* было заимствовано из коми, удмуртского *pel'ñaiñ* (*pel'* «ухо» и *ñaiñ* «хлеб») из-за формы, которую имеют эти изделия. Кстати, похожее название – *ушки* – имеют вареники. Поскольку форма *пельнянь* была непривычна по своему произношению для носителя русского языка, она подверглась преобразованию в *пельмень*, вероятно, под влиянием таких слов с суффиксом *-мень*, как, например, *сухмень* «сухая погода», *глухмень* «глушь». Название *пельняни* сохранилось, правда, в пермских говорах.

А еще интересно, что в казанских говорах была форма *пермени*, *пермяни*, по сближению слова с названием города *Пермь*.

По страницам словаря «Научно-технический прогресс»

В. П. Даниленко,
доктор филологических наук

Основным выразителем состояния науки, техники, производства является терминология – специальная лексика, обозначающая категории, понятия, реалии разных областей знания, методы и приемы исследования, процессы, свойства, параметры, режимы, величины и т. п. Чем конкретно обогатилась терминология языка науки, каковы основные источники и способы ее формирования? Эти вопросы интересуют не только специалистов.

Недавно вышла в свет подготовленная Издательством политической литературы книга «Научно-технический прогресс. Словарь» (М., 1987), где зафиксированы терминологические словосочетания *научная революция, научно-техническая революция, технологическая революция, военно-техническая революция, компьютерная революция, демографическая революция*. И это не случайно, потому что научно-технический прогресс возможен лишь при появлении качественных скачков в развитии традиционных областей знания или рождении принципиально новых отраслей науки и техники, оказывающих воздействие на все стороны развития общества. Такие скачки и такие открытия называют *революционными*, а сами явления – *революцией*.

Естественным следствием революционных процессов в развитии науки, техники и народного хозяйства в целом стало появление новых научных направлений, дисциплин, технологий, но главное – изменились принципы их формирования. Традиционным было формирование отраслей науки по предметному признаку, сообразно с вовлечением в процесс познания новых областей и сторон деятельности. Для современности же становится все более характерным переход от предметной ориентации к проблемной, когда новые области знания возникают в связи с выдвиганием определенной крупной теоретической или практической проблемы.

Обозначение этих понятий адекватным образом отразило их содержание: *аграрно-промышленный комплекс; научно-производственное объединение; искусственный интеллект; инфраструктура* – «совокупность отраслей народного хозяйства, обеспечивающая его функционирование, реализацию возникающих в процессе общественного развития труда технологических, производственных, экономических и организационных связей» (Словарь); *бионика, биоэнергетика, гелиоэнергетика, генетическая (генная) инженерия, клеточная инженерия; информатика, кибернетика, криогеника, металлотроника, микроэлектроника, роботика, синергетика, телематика, фотоника, электроника; биотехнология, геотехнология, космическая технология, лазерная технология, нанотехнология, экотехнология* и мн. др.

Процессы объединения наук и комплексность решаемых ими проблем меняют привычное содержание и представления как об отдельных научных дисциплинах, так и об их комплексах. Синтез знаний, именно он, сделал возможным освоение космического пространства – как одно из величайших достижений научно-технического прогресса XX века. Объединения техники, физики, химии, математики, экономики, логики, психологии, социальной психологии, биологии, медицины, астрономии, кибернетики и многих других областей знания находились «на входе» при зарождении космонавтики. *Космическая техника, космическая технология, космическая биология, космическая химия, космическая медицина, космическое право* и многие другие дисциплины появились в результате освоения космоса, то есть «на выходе».

Атрибутом любого вида деятельности являются методы, с помощью которых ведутся исследования, способы производства, управления. Современный научно-технический прогресс породил немало методов как универсального, так и специализированного (применительно к циклам наук) характера. Соответствующие им наименования вошли в терминологический фонд: *аттестация промышленной продукции, вычислительный эксперимент, моделирование, голография, томография, микроника* (комплекс принципов и практических методов миниатюризации), *гидропоника, программно-целевой метод исследования, декомпозиция* и т. д.

Принципиально новые технические средства, обеспечивающие комплексную автоматизацию производственных процессов, новые сооружения по использованию нетрадиционных видов энергии прочно укрепились в научно-производственном речевом обиходе профессиональных сфер: *атомные электростанции; вычислительная техника; робототехника; компьютеры (ЭВМ); биочип* – «сверхминиатюрное устройство обработки и хранения информации на

основе электронных процессов, протекающих в биоорганических молекулярных системах» (Словарь).

Новые материалы и соответствующие им термины значительно пополнили предметную категорию понятий: *искусственный алмаз; жидкие кристаллы; пластмассы; искусственные волокна; сверхрешетка* — «вещество, в структуре которого кроме обычного порядка в расположении атомов содержатся периодически чередующиеся многоатомные области» (Словарь).

Процессы оснащения научных исследований, проектирования определенными техническими средствами; применение теорий и методов одной науки, в частности математики, в естественных, технических и общественных науках дали ряд терминов, аналогичных по модели образования: *автоматизация научных исследований, автоматизация проектирования, гуманизация научно-технического прогресса, компьютеризация, математизация научного знания, химизация производства, биологизация производства, электронизация* и др. Неотъемлемой частью лексикона современного научно-технического прогресса становятся понятия и соответственно термины, обозначающие сложные функционирующие системы, организационно-технические системы, совокупности машин разного назначения (*система автоматизированного проектирования, гибкое автоматизированное производство, система «Наука — техника — производство», система «Человек — техника — среда», автоматизированная система управления* и т. п.); термины — наименования информационных единиц (*база данных*) или единиц знаний (*база знаний*); терминология, которой обозначаются такие существенные и стратегически необходимые свойства, как *энергоёмкость; металлоёмкость; материалоемкость; техническая совместимость; живучесть* — «свойство технического объекта сохранять заданные функции в динамически изменяющихся условиях и экстремальных средах»; *технологичность изделия* — «совокупность... свойств, обеспечивающих минимальные затраты ресурсов в производстве и эксплуатации» (Словарь).

В языке науки и техники можно вычленить несколько самостоятельных и регулярно пополняющихся лексических пластов, связанных с широким понятием «деятельность». Это термины, которые обозначают: 1) сферу деятельности; в их состав входят названия наук, научных дисциплин, отраслей техники и производства, комплексных проблем (*космонавтика, биотехнология, систематика* и др.); 2) объекты деятельности: названия предметов исследования (*наука — объект исследования науковедения, энергия солнца — объект исследования гелиоэнергетики, металлы — объект металловедения*); 3) субъекты деятельно-

сти, то есть лиц по профессиональному признаку, по роду занятий (*оператор, программист, проектировщик*); 4) средства деятельности; в их составе вычлняется несколько самостоятельных категориальных группировок: а) орудия деятельности (*микромикропроцессор, модулятор, реактор*); б) процессы деятельности (*телеуправление, диагностика, проектирование*); в) методы деятельности (*сбор информации, обработка и анализ информации, программно-целевой метод*); г) режимы (*диалоговый режим, импульсный режим, режим теледоступа*); 5) продукты, результаты деятельности: *полупроводниковые материалы, керметы (искусственные волокна)*.

Какими путями, какими средствами современный язык науки формирует свой основной лексический фонд? В терминах отражается все новое, что появляется в мире науки, техники, производства; они хранят и передают результаты научной, технической и производственной деятельности. Сразу же необходимо отметить, что формирование терминологии происходит достаточно закономерно и в соответствии с теми тенденциями, которые в языке науки обнаружили и продолжают набирать силу, поскольку сама потребность в терминах-неологизмах необычайно велика. Каковы же эти тенденции? Прежде всего это — опора на традиции русского и международного терминотворчества. Традиции же эти проявляются в свободном и широком использовании всех основных способов номинации (обозначения).

Казалось бы, что такой способ, как перевод значения, метафора, давший наибольшее число терминов в ранние периоды зарождения наук, мог бы сдать свои позиции в пользу более рациональных, обеспечивающих мотивацию терминов по смыслу, например морфологического способа. Однако именно сейчас, в условиях научно-технического прогресса появляются метафорические наименования понятий. Термин *искусственный интеллект* в Словаре так и характеризуется: «Метафорическое название комплексного научного направления, которое объединяет математиков, лингвистов, психологов, технологов, инженеров и ставит своей целью создание программно-аппаратных средств ЭВМ...»; или *ядерная зима* — «возможное значительное и длительное понижение температуры на материковой части поверхности всего земного шара в случае возникновения ядерной войны».

При морфологическом способе образования терминов для создания однословного наименования сложного по содержанию понятия активно используется специализация аффиксов по значению и разная комбинация частей слова. Так, для обозначения научных, технических дисциплин употребляется суффикс *-ика*: *роботика* —

«особое направление в исследованиях по искусственному интеллекту, ставящее своей целью изучение принципов создания и программирования специальных машин, называемых роботами и осуществляющих разнообразные функции, выполнявшиеся раньше человеком», а также *бионика, криогеника, электроника, синергетика, фотоника* и т. п. Примером так называемого телескопического сложения частей слов являются образования типа *металлотроника* (из «металлическая электроника») — «новая область микроэлектроники, использующая особые свойства сверхчистых металлов» (Словарь).

Возможности создания составных терминов практически неограниченны. Однако и здесь обнаруживается тенденция к повторению элементов словосочетания, что ни в коем случае нельзя рассматривать только как искусственный прием. Он отражает потребность в обозначении реальных аналогичных понятий: *генетическая (генная) инженерия, клеточная инженерия; инженерия знания* (это же понятие имеет вариант *представление знания* — «один из основных разделов нового научного направления в области искусственного интеллекта; объединяет совокупность языков, процедур и методов для описания знаний и манипулирования ими в системах искусственного интеллекта». Словарь).

Живые потребности в терминах-неологизмах на протяжении длительного времени расширяли источники пополнения отраслевых терминологий; использовались заимствования из других национальных языков и нелитературных или периферийно-литературных элементов собственного языка (термины-диалектизмы или просторечные образования и поныне встречаются). Однако формирование новых терминов претерпевает заметные изменения в сторону их «олитературивания». Это имеет место и в работе по стандартизации терминов, когда из существующих вариантов наименования одного и того же понятия предпочтение отдается литературно-нормированному. Ср., например, стандартизованный термин *шитье бумажного блока* и его недопустимый вариант *шитво* (ГОСТ 19112-78).

Основными источниками современного терминотворчества являются существующий терминологический фонд, неисчерпаемые лексико-семантические возможности собственного литературного языка, освоенные всеми высокоразвитыми языками ресурсы классических языков. Немаловажную роль играют заимствования из живых национальных языков, одни из этих заимствований сосуществуют и нередко соперничают с собственными наименованиями (*компьютер* и *ЭВМ*), другие остаются в языке специалистов в оригинальном виде, не унижая язык, принявший их.

Таксобус—это автобус-такси.

Вот пример употребления слова в статье «Вас ждет таксобус»: «Театр начинается с вешалки. А заканчивается? К сожалению, для многих горожан — не самым легким путем домой в переполненном транспорте. Вот почему в Таллине решили проложить новые маршруты таксобусов (автобусы-такси), соединившие крупнейший концертно-спортивный комплекс республики — Дворец имени В. И. Ленина — с новостройками города, новыми микрорайонами. Проезд в таких таксобусах стоит тридцать копеек, остановка — по требованию» (Правда. 1987. 20 дек.).

Название *таксобус* (образовано от слова *такс-и* и *-бус* с помощью соединительной гласной *о*) является, по-видимому, локальным (эстонским), так как в других регионах страны нам не встретилось. Это слово находится в одном словообразовательном ряду со словами *автобус*, *троллейбус*, *аэробус*. Ср. также *электробус*, *кумулябус* — две разновидности городских автобусов, которые успешно проходят испытания в Швейцарии.

Гидрокосмос (от греч. *гидро* — вода и *космос* — мир, вселенная) — мир, относящийся к воде. Приведем употребление слова *гидрокосмос* в статье «Что ждет пас в гидрокосмосе?»: «... В целом проблема освоения минеральных ресурсов океана не менее сложна, чем проблема освоения космоса, поэтому океан можно назвать гидрокосмосом» (Правда. 1988. 4 февр.).

Слово *гидрокосмос* образовано путем сложения двух основ по аналогии с имеющимися в языке словами: *гидроавиация*, *гидробурение*, *гидродинамика*, *гидроэнергия* и др.

Д. Е. Горелик,
кандидат филологических наук
Астрахань

Криптозоология. Известно много легенд о загадочных существах: рассказы об африканских современных диплозаврах, гигантских осьминогах из морских глубин, плеозавре в озере Лох-Несс, снежном человеке... Розыском этих феноменов занимаются исследователи, которые для этого отправляются в рискованные экспедиции. Область исследования, связанная с рас-

крытием тайн животного мира, получила название *криптозоология*. Само слово представляет собой сложное существительное, состоящее из интернациональных корней: *крипт-* (греч. *Кгúr-tos* — тайный, скрытый) и *зоология* (греч. *зѳон* — животное и греч. *logos* — слово). Вот пример употребления этого слова:

«Он [исследователь] принадлежит к ученым редкой пока специальности — криптозоологии. Совместно с антропологами, палеонтологами, биологами и океанографами основал международное научное общество, которое занимается целенаправленным поиском таинственных феноменов в природе... По следам легенд и мифов ученые ищут животных, пока неизвестных науке» (Соц. индустрия. 1988. 30 янв.).

Ученых, занимающихся этой областью знаний, стали называть *криптозоологами*: «Судя по скудным сообщениям в научной печати, у криптозоологов уже есть не только надежды и планы, но и серьезные открытия. Но они относят себя к ученым — а, значит, считают своим

долгом все проверять и перепроверять» (там же).

Эти названия не зафиксированы еще ни одним из существующих словарей современного литературного языка, их нет и в БСЭ. Но они встают в ряд активно употребляющихся продуктивных образований. Значение корня *крипт-* хорошо известно, что облегчает вхождение новой лексической единицы в речевое употребление. Эта часть выступает в названиях различных областей знаний: *криптография* — способ тайного письма, понятного лишь посвященным, тайнопись; *криптофония* — телефонные разговоры с использованием шифра; *криптомнезия* — нарушение памяти, при котором исчезает различие между действительно происшедшими событиями и событиями, увиденными во сне, либо теми, о которых больной читал или слышал; *криптограмма* — надпись или документ, сделанные одним из способов криптографии.

Г. И. Миськевич,
кандидат филологических наук

СЛОВО В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Теория и практика создания Словаря языка В. И. Ленина разрабатывается в сборниках научных трудов, выпущенных издательством «Наука» под редакцией П. Н. Денисова: Слово в языке произведений В. И. Ленина (1979); Исследования по языку и стилю произведений В. И. Ленина (1981); Проблемы лексикографического анализа языка произведений В. И. Ленина (1984).

В 1988 году опубликован очередной труд этой серии — «Слово в языке произведений В. И. Ленина». В новом издании рассматривается лексика по самым разнообразным критериям: статистическим, лексикологическим, семантическим, стилистическим и т. д. Открывается сборник статей П. Н. Денисова «О стратегии и тактике разработки Словаря языка В. И. Ленина», в которой изложена последовательность работы над Словарем: разработка системы словоуказателей; создание автоматической системы информационного поиска по всем произведениям В. И. Ленина; многоцелевая разработка Словаря: составление статей в карточках, редактирование статей, издание пробного тома и т. д. В 1987 году издан двухтомный алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

В статье «Классификация лексики» П. Н. Денисов приходит к мысли об исследовании наиболее характерных пластов ленинского лексикона. Это в свою очередь даст возможность составить серию словоуказателей; словарь трудных слов (арханизмов, архаизмов, историзмов, этнографизмов, варваризмов, неологизмов), предназначенный для более глубокого понимания содержания трудов В. И. Ленина; словарь терминов, используемых В. И. Лениным; идеографические, тезаурусные, синонимические, антонимические словарные этюды. Такая подготовительная работа позволит увидеть своеобразие творческой переработки В. И. Лениным богатейших ресурсов русского литературного языка.

Авторы сборника рассматривают важные научные вопросы, которые окажут помощь при разработке Словаря. Так, на основе изучения слова в идеологическом контексте устанавливается взаимоотношение между ленинским индивидуальным словоупотреблением и словоупотреблением эпохи. Прослеживаются функции историзмов и архаизмов, способы толкования и описания их в Словаре. Отдельно изучаются приемы пояснения трудных слов (контексты, содержащие то или иное употребление). Исследуются

лексические и словообразовательные ряды имен прилагательных со значением интенсивности признака, а также их семантико-стилистическое функционирование. Разговорная и просторечная лексика в произведениях В. И. Ленина выполняет эмоционально - экспрессивную роль, внося живую струю в публицистику, в частности в полемические работы, в памфлеты, да же в научные статьи.

Представляет интерес приложение к сборнику - орфоэпический словарь речей В. И. Ленина, записанных на грамофонных пластинках в 1919-

1921 годах. Сюда включены слова, отклоняющиеся от современных норм ударения и произношения. Эти записи помогут понять особенности ленинской устной речи и ораторского искусства.

Новый сборник «Слово в языке произведений В. И. Ленина» - заметный вклад в исследование языка и стиля ленинских трудов, в теоретическое осмысление и практическую разработку Словаря языка В. И. Ленина.

П. М. Фесуненко,
кандидат филологических наук,
Киев

СЛОВАРЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ

Составление словаря фразеологических синонимов - дело нужное, важное, хотя и нелегкое, - уж слишком много еще спорного и неясного в теоретических вопросах, от решения которых зависит успех лексикографического описания. Назовем, к примеру, такие, как определение границ собственно фразеологических единиц и явлений смежного порядка, разграничение фразеологизмов - синонимов и вариантов и др. Вполне понятен поэтому интерес к недавно увидевшему свет первому такому словарю (В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1987).

Для удобства описания и систематизации материала в Словаре принято «узкое» понимание фразеологизма: это «воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний, обладающий целостным... значением и сочетающийся со словами свободного

употребления». Например: *изучить что-либо как свои пять пальцев - вдоль и поперек - до последней запятой - до (последней) точки - до тонкости - до точности*. Вне синонимизации оказываются фразеологические сочетания типа *трескучий мороз, закадычный друг* и под., составные наименования (*грудная клетка, ядерный реактор*), а также пословицы, поговорки, крылатые выражения, имеющие форму законченного предложения (*Насильно мил не будешь*).

Фразеологические синонимы рассматриваются как обороты, «обозначающие одно и то же понятие. Как правило, соотносительные с одвой и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга оттками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно». Исходя из этого, соотносимые сочетания типа *гонять лодыря* и *гонять собак, задеть за живое* и *забрать за*

живое, во весь дух и во весь голос следует квалифицировать не как синонимы, а как варианты.

Самой высокой способностью к синонимизации обладают обороты, свободно замещающие друг друга в контексте. Так, в предложении «Человек должен бороться за жизнь до последнего дыхания, пока не убьют» (К. Симонов) несложно заменить употребленный фразеологизм другим, приведенным в Словаре: *до последней капли крови* — *до последнего вздоха*. Следует разграничивать фразеологические синонимы: одноструктурные (*бить баклуши* — *валять дурака*), разноструктурные (*всего ничего* — *капля в море* — *кот наплакал*) и сходноструктурные (*втирать очки* — *обводить вокруг пальца* — *брать на арана*).

Словарная статья включает собственно синонимический ряд фразеологических оборотов и комментарий к нему, контексты с иллюстрациями, варианты членов ряда и примеры их употреб-

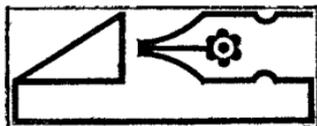
ления, сведения справочного характера. Возглавляют синонимические ряды опорные (заглавные) фразеологизмы, являющиеся самыми употребительными: *презренный металл* — *золотой телец* — *желтый дьявол*; *тертый калач* — *стреляный (старый) воробей* — *стреляная (обстрелянная) птица* — *старый (отравленный, стреляный) волк (зверь)* — *пролетная голова (головушка)*.

Нет сомнения в том, что синонимика — одна из ярчайших черт русской фразеологии. Рассмотренные в Словаре около 730 синонимических рядов фразеологизмов, естественно, не могут дать полной картины этого явления. Однако бесспорно, что и представленный материал окажет неоценимую услугу всем, кто занимается изучением богатства русской фразеологии, всего словаря русского языка.

А. А. Буров,
кандидат филологических наук,
Пятигорск

Стилистика рассказа И. А. Бунина «Клаша»

И. В. Алёхина

Рассказы И. А. Бунина 1910-х годов подчеркнута недоговорены, недосказаны. В них нет авторских пояснений, прямых оценок, открыто выраженной точки зрения. Нередко остается за стро-

кой психологическая мотивировка реплик, жестов, поступков. Герои Бунина пемногословны, а прямое значение произносимых ими слов, их интонации являются лишь внешней оболочкой настоящего за- таенного смысла.

Сюжет бунинского рассказа «Клаша» (1914) предельно прост. Вчерашняя гимназистка уезжает в губернский город к своему единственному родственнику, новая жизнь еще не начата, лишь появились новые люди: «И она (Клаша. — И. А.), щурясь, подняла глаза па небо и радостно сказала, ни к кому не обращаясь: «Ах, боже мой, как уже поздно!» Повествование резко обрывается в точке, предполагающей фабульное продолжение, однако, казалось бы, незавершенный рассказ содержит в себе вполне законченную авторскую мысль о сущности происходящих событий.

В рассказе представлены несколько речевых стилей, соответствующих разным взглядам па мир, разным уровням его осмысления. Голос, выражающий мнение обитателей уездного городка, на- чинает с провинциальной обстоятельностью рассказ о том, что хорошо известно всем о выпускнице гимназии Клаше Смирновой. Перечисляются имена, адреса, степени родства — то, что представляется важным такому строю сознания: «всегда странно было ее положение», «сирота, дочь неизвестного отца», жила «из милости» у тетки, Любови Лукьяновны Жемчужниковой, воспитавшей ее; «осталась в эту весну круглой сиротой». Увеличивается количество слов бытовой семантики: нужно было «самостоятельно править по- стоялым двором», «толковать с кухаркой об обедах и ужинах для постояльцев», «спорить с ними о дене», «думать, напоили ли коро- ву, сыты ли свиньи». На этом фоне как нечто парадоксальное, «странное», существующее вне реальности представляются красо-

та, молодость Клаши, ее «реверансы начальнице», рассуждения «о древнерусской письменности или о типе Онегина». Это выделено в тексте противительными конструкциями (*живет в таком грубом быту, а нежна, хороша собой*), а также синтаксически выраженной одновременностью действий, их синхронностью (*нужно было и в гимназию ходить, и править постоянным двором*).

Автор предлагает взглянуть на действительность с иной, всепонимающей точки зрения, выйти из бездумной суетности обывательского существования. Так в повествование входит в красках, запахах и звуках иной мир, преображающий все вокруг. Оживает природа: «горячо дышала сушью и зноем безлюдная и пыльная Монастырская площадь», «в саду, глядевшем из-за забора, ровно лепетала серебристая листва осин», «младенчески кричали от страха кошки». Заметно меняется речевой стиль, его отличает теперь экспрессивность слова, ритмическое построение фразы и ее звуковая инструментовка, поэтическая направленность семантики. Например:

«Был жаркий день, уже давно купались и купали лошадией в реке мещане, разъехались гимназисты на каникулы, отцвела сирень в монастырском саду, и цвела рожь в полях за монастырем». Такой взгляд на мир наделен чувством единой, общей жизни, пониманием мельчайших ее проявлений (*отцвела сирень и цвела рожь в полях*). Изображение вбирает в себя реальность ушедшего и свежесть сиюминутного. Глаголы, обозначающие совершившееся в прошлом действие, не мешают увидеть его как бы в настоящем: в сознании читателя возникает образ цветущей сирени, уезжающих гимназистов. Все взаимосвязано, совместимо (*купались и купали, отцвела и цвела*).

Авторское начало проявляет себя в обыгрывании звучания слов, в подборе антонимических сочетаний: *любил — не любил, несчастную — счастливую, не любил — Любовь*. Нефедов «столь же любил ее несчастную мать, сколь не любил счастливую Любовь...»

Изображение опирается на зрительные, осязательные, звуковые ощущения героини: «Клаша очнулась и, взглянув из под отяжелевшей кожи, вдохнула сладкой полевой сыростью, услышала шорох колес, воды и грязи, увидала сквозь редевший влажный сумрак бледную, холодную на вид зелень прилегших к земле хлебов, втулку вертящегося колеса, всю осыпанную жемчугом — крупными каплями воды, свертывавшейся на маслянистом дегте...»

Авторский взгляд, сопутствующий героине, открывает в обыденном (капли воды на втулке колеса, «закатаившаяся в жирную грязь и в травы») необыденное — жемчуг. Эпитеты (*сладкая полевая сырость; влажный сумрак; бледная, холодная на вид зелень*

хлебов) проникнуть общим настроением свежести, чистоты, гармонии. Они изобразительны, конкретны, и в то же время одушевлены присутствием человека, воплощают неповторимость каждого жизненного мгновения. Прочувствовать, увидеть картину-впечатление помогает звукопись — имитация шороха воды (в речи повествователя сгущены звуки *ж, ш, з, с, ч, ц*). А соразмерность фразы, все удлиняющиеся речевые такты создают ритмические периоды, позволяющие представить движение, вращение колеса. Весь предрассветный мир способен у Бунина уместиться в одном микрообразе — каплях-жемчуге.

В повествование вливаются краски бытия. Так, картину грозы Бунин создает контрастами цвета, соответствующими эпитетами: *бледно-фиолетовые молнии, освещавшие черные крыши домов; высокая колокольня, мелькавшая своей белизной при молниях*. Взгляд, обращенный к миру, его красоте и совершенству, различает малейшие оттенки: «серо-жемчужные» облака, «серебристая» листва, «матово-серебряные» волосы, густые «серые» брови старика Нефедова. Образ Клаши не случайно соотносится с белыми, чистыми красками, знаковая роль цвета в рассказе несомненна. Облик героини дополняют белые воротнички гимназического платья, свежесть утреннего мира, белая занавеска в ее окне, беленькая легкая кофточка, темный румянец. Все это, объединяясь, образует светлый лирический мотив произведения.

Но художественное полотно рассказа неоднородно. Настоячиво подчеркивается, что противоречивость окружающего не осознается Клашей, многое остается для нее невидимым. Оторванность героини от реальности заявлена в таких, например, конструкциях: *живет в таком грубом быту, а нежна, хороша собой, начальница приветлива с ней, но неизменно провожает ее долгим, неприятно-внимательным взглядом* — где последующая часть не контактирует с первой, не замечает ее.

О неполноте, обманчивости первого впечатления свидетельствует модальный глагол *казался*, разграничивающий позиции героя и повествователя. Например: «На пороге стояла высокая женщина с черной и, как показалось Клаше, красивой головой», однако наяву жена Нефедова «крупная, худая, с маленькой черпоглянцевитой головой, с длинными, редкими зубами», «неприятными глазами». В речи повествователя даны качественные оценки, резкое эмоциональное отношение к изображаемому, но эти наблюдения скрыты от героини. Иллюзорный мир, в котором пребывает Клаша, не соприкасается с окружающим (семейство Нефедова изображено в момент, когда «Клаша все еще спала, и в открытом окне ее комнаты медленно дулась от ветра белая занавеска»).

Белая занавеска становится художественной деталью, появляясь в тексте еще раз: «И вдруг щекотка в калитке стукнула, и как раз в ту самую минуту, когда на крыльцо вышла Клаша, наконец проснувшаяся и бесшумно умывшаяся за белой занавеской своего окна, во двор вошел Модест Страхов». Уничтожающая характеристика Страхова принадлежит повествователю, но не героине. Клаша не замечает его актерской сущности, самовлюбленности, холодности.

Две темы — несовершенства, зла и красоты, гармонии, добра — существуют в произведении параллельно. Две повествовательные линии, два лика мира чередуются, но не сливаются: «В небе пели невидимые жаворонки, серо-жемчужные облака высоко плыли над улицей, по которой тянуло легким, влажным воздухом и запахом цветов с поля, а в страховском саду, глядевшем из-за забора, ровно лепетала серебристая листва осип. И велик, живописен показался Клаше этот сад, темный, сырой внутри, в глубине, где на столетних лицах вили гнезда ястреба, а под мшистыми слями зеленели и гнили скамьи, на которых уже давно не сидел никто...» Образ сада, образ-метафора, завершающий рассказ, складывается из двух реальных качеств, двух плоскостей: это и красота бытия, и не осознаваемая человеком скрытая, темная, губительная сущность действительности, объединенные связующим: «И велик, живописен показался Клаше этот сад».

В рассказе «Клаша» наблюдается разрыв сознания, поступков человека и реальности. Как рефрен проходит в тексте повествования мотив сна: «А Клаша сидела и спала», «а Клаша все еще спала», «все видела, как неживая», «бледная и странно тихая, слабо улыбнулась», «выражение ее неподвижных глаз ничуть не изменилось», «ласково и тихо, как неживая, поздоровалась». Повторяется слово *играть*, близкие к нему по значению *подражать*, *притворяться* в характеристике Нефедова, тщетно пытающегося обмануть судьбу, чужую волю, построить жизнь «по своим собственным, сто раз продуманным предназначениям».

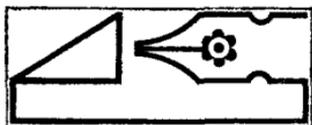
Авторскую позицию в этом рассказе характеризует мысль — размышление о сущности человеческого бытия. Изображенный Буниным мир провинциальной глуши предстает перед нашим взором во всей своей неприглядности и целостности, в движении реалистических образов и великолепно выписанных картин жизни, во взаимодействии художественных деталей и служащих их полноценному раскрытию разнообразных языковых средств.

Кызыл

«И звуки новые пришли...»

О заимствованиях в фонетической системе
русского языка

И. А. Василенко

Интонационное богатство, певучесть, мягкость, плавность, широта звукового диапазона позволили еще в XVIII веке М. В. Ломоносову сказать о совершенстве и красоте русской речи, в которой есть «и великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильная в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Фонетическое богатство современного русского языка используется писателями и поэтами как действенное средство создания образа литературного героя, тончайших оттенков поэтики. Услышав речь Устиныи Наумовны — свахи из пьесы А. Н. Островского «Свой люди — сочтемся» —, ее *отлепартую* (т. е. отрапортую), *орген* (орден), *браниантовые*, можно безошибочно представить образ недалекой мещанки; а шедевр В. Хлебникова «Бобэоби пелись губы. Вззоми пелись брови. Лиэээй пеляя облик. Гэи-гэи-гээо пелась цепь. Так на холсте каких-то соответствий Вне протяжения жило Лицо» (В. Хлебников. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза. М., 1986) был бы невозможен без огромного фонетического регистра нашей речи. Все стихотворение пронизано ассоциативными связями со значением каждого звука, где согласные соответствуют определенному цвету: *б* — красный, рдяный, *в* — небесно-голубой, *л* — белый, а гласные придают временную протяженность; широта неприкрытого [э] — «Лиэээй» — ассоциируется с образом безграничной светлой любви — «Лица вне протяжения».

Точность ассоциации контекстных значений стихотворений с звукообликом, очерченным поэтом, стала возможна благодаря фонетическим особенностям современной речи, которые открыли поэтам-модернистам XX века новые возможности поэтического мастерства. Но подобные вокалистические и консонантные возможности фонетической системы русского языка были не всегда. Столь знакомые нам звуки в словах *фокус*, *ванна*, *экзамен*, *поэт* пришли из разных языков в разное время и имели разную судьбу.

Звук *ф* не был свойствен русскому языку и встречался только в редких звукоподражаниях типа *фырк*, *фырчать*, *фу-фу*. Контакты с греческим языком принесли заимствования с чужим звуком — глухим *ф* (*фарисей*, *фонарь*, *фартук* и др.), который на письме мог передаваться двумя буквами: «ферт» и «фита». Это объясняется тем, что первоначально в славянском произношении эти разные типы могли различаться, но впоследствии совпали в одном звуке *ф*, который встречался только в заимствованной лексике и был стилистически ограничен. В народном разговорном языке он заменялся губным *п*. Таким путем возникли и закрепились в русском языке имена *Степан*, *Осип*, существительное *парус*. Но к концу XII века в результате процесса падения редуцированных *ь* и *ъ* на собственно русской почве возникают фонетические условия, способствовавшие возникновению своего звука, фонологически совпавшего со звуком *ф*: конечный звонкий *в*, оглушаясь в конце морфемы, давал глухой вариант — звук *ф* (бро[ф]ь, кро[ф]ь, де[ф]ки). Заимствования, имеющие звук *ф* иноязычного происхождения, становятся фактом собственно русской лексики. Некоторые слова такого типа считаются даже лексическими русизмами в границах древнеславянского языка: *фарь*, пришедшее из греческого языка и означавшее «породистый конь», *ферезь* греческого происхождения — «верхняя одежда», *фота* (соврем. *фата*) из арабского в значении «покрывало».

В современной литературной речи нормативность произношения звука *ф* в заимствованиях может служить своеобразной лакмусовой бумагой, разграничивающей сферу литературной и диалектной речи, поскольку в просторечии и диалектных формах звук *ф* и в настоящее время заменяется в корнях слов иноязычного происхождения сочетаниями *хт*, *кв*, *хв*: ко[хт]а, [кв]арту[х], [хв]альшивый, а в некоторых говорах и в настоящее время можно услышать *панарь*, *пабрика*.

Интересна судьба и других «чужестранцев» в нашей речи: неприкрытого гласного *э*, долгих согласных в корнях слов, внедрение и освоение которых непосредственно связано с бурной эпохой Петра I, открывшей дорогу не только европейским товарам, новым экономическим отношениям, но и определенным образом оказавшей влияние на дальнейшее развитие русского языка.

В русской речи звук, подобный неприкрытому *э*, мог встречаться лишь в начале местоимений *это*, *этот* и т. п., да междометий *эй*, *эх*, где он возник после утраты фрикативного (щелевого) пачального согласного типа *h*. Во всех остальных словах — как в начале, так и в середине слова — гласный *э* имел прикрытый характер: появлялась йотовая протеза, то есть вставка. Такой йотированный

звук и обозначала буква *е*: *ель, моей, думает*. Однако пристальный анализ ряда летописей, евангелий свидетельствует, как указывает А. И. Соболевский, что в некоторых словах звук *э* произносился так, как в наших *это, эдак*, в немногочисленных словах *езеро* (соврем. *озеро*), *едъва, еда, еще* (подробнее см.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.— К., 1888). При этом заимствования, вошедшие в русский язык до «бурного века Петра», ассимилировались по законам русской речи. В основном это были слова церковной лексики и произношение таких слов — свидетельство этого процесса: *епархия, епанча, ересь, еретик, евангелие*.

Утрата йотовой вставки перед *э* в начале слов иноязычного происхождения началась в XVII веке. В «Грамматичном указании об русском языке» (М., 1859) Ю. Крижанича (XVII в.) есть интересное замечание на появление новой буквы *э*, которая «стояла за чисту греческу гласницу (т. е. гласную) и на письме нъею писали чужие имена: Элисеръ, Элизарий, Эмаус», по, считает Крижанич, эта буква «есть бездельна», т. е. лишняя. В «Кратком описании о войнах в книге цезариева с некоторыми знатными приметами о тех войнах» (СПб., 1711), повествующем «о великих делах марсовых», рядом со словами *экспедиция* в значении «поход», *эконом* — «должность», «тип», *экспериенция* — «искусство» существуют и варианты заимствованной лексики типа *ексекуция* в значении «наказание» и *эксекуция*. В другой книге А. Шонбека «Истории о ординах» (СПб., 1710), рассказывающей о возникновении и атрибутике известных в то время феодальных семейств Европы, наряду со словами *экипаж* в значении «упряжка, сбруя», *эскадра* — «военный марш, поход», *экзакутовать* (т. е. «мучить») встречаются варианты *эмблема* — «символ тайный» и *эвлем* — другая форма прочтения этого же слова. К середине XVIII века новый гласный звук утвердился в заимствованных словах в позиции абсолютного начала слова. В «Книге-письмовнике» Н. Г. Курганова (М., 1777) отмечается, что звук *э*, по свидетельству автора, «твердо выговаривается в междометии *ей*, в местоимении *это*, во всех иностранных словах, в последнее время вмешавшихся: *эскадра, етимология, экипаж*, в последнее время пишут иногда оборотное *Э* для различения от мягкого *Е*». Внедрение и освоение нового звука повлекло к использованию букв *е* и *э* для различения прикрытого и неприкрытого характера гласного *э*. Однако признание буквы «*Е* оборотной» оказалось более долгим, чем судьба звука, стоящего за ней. Одни составители грамматик стали открыто возражать против узаконивания в графике буквы *э*: «Ибо *е*, на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно; ибо буква *е*, имея несколько различных произношений, может служить и в именах *ель*, и в меж-

дометни ей» (Кургапов Н. Г. Книга-письмовник); другие — просто не вводят ее в алфавит своих словарей (см., например: Словарь ручной натуральной истории. М., 1788 или Словарь разноязычный Н. Г. Кургапова. СПб., 1777 и 1788 гг.). Выход «Нового словотолкователя» Яновского (1803—1806), который фиксировал множество заимствований с начальным неприкрытым гласным э: *экрап, эликсир* (цитация точная), *электрический, эксперимент, эллипс, эгоист, эмблема* и др., подтвердил практическую необходимость использования буквы э как графического символа нового звука в русской речи.

Иная судьба сложилась у этого звука в позиции середины слова после гласных переднего (и, э) и непреднего ряда (у, о, а). И в частной переписке, и в словарях первой половины XVIII века встречаются варьированные формы заимствований: *алоз — алое — алой* (1712—1717), *аудиенция — аудиэнция* (1696—1703), можно увидеть формы *диэга* (С. Волчков. Лексикон на французском, немецком, латинском и российском языках. СПб., 1755—1764) и *диета* (И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводами словарь. СПб., 1780—1782) в значении «умеренное питье, еда». К началу XIX века побеждает вариант с неприкрытым э — *диэтетика* (Яновский. Новый словотолкователь. М., 1803—1806), *диэть* (Грамматин. Англо-русский словарь. СПб., 1808); *реэстр* (Приклады како пишутся комплименты разные. М., 1708) в значении «оглавление» и *реэстръ* (Волчков С. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731) в значении «список», *реэстръ* и *реэстръ* (Гелтергоф Ф. Российский Целлариус, или Этимологический лексикон. СПб., 1771).

Характерно, что заимствования с неприкрытым э, вошедшие в русский лексикон во второй половине XVIII века, более последовательны в своей графической фиксации. «В музыке употребляется знак *диэзис* — половина голоса», — так дается первая лексикографическая фиксация музыкального термина «диез» в «Лексиконе на французском, немецком, латинском и на российском языках» С. Волчкова (СПб., 1755—1764). В «Новом лексиконе» И. Соца (СПб., 1784) фиксируется заимствование в форме существительного женского рода, но также с неприкрытым э — *диэза* «Новый словотолкователь» Яновского дает форму *диэз*. Последующая судьба неприкрытого [э] после гласных [и], [э] связана с ассимилятивными процессами, в результате которых этот звук может приобретать прикрытый характер независимо от ударности слога, в котором находится э. Освоение «чужеземца» наблюдается и в наше время, поэтому и существуют многочисленные расхождения в рекомендуемых вариантах произношения в орфоэпических пособиях.

Двуликим Янусом в фонетической системе русского языка предстали долгие согласные в корнях слов иноязычного происхождения. В исконно русских словах долгими согласными могли быть только шипящие $\bar{ж}$ и $\bar{щ}$. Они могли встречаться в начале морфем и в конце: с *жизнью* — [$\bar{ж}$]изнью, *дождь* — до[$\bar{щ}$]. На стыке морфем (корня и приставки, корня и суффикса) могли возникать долгие сонорные — *кон[$\bar{н}$]ый*, губные — [$\bar{в}$]едение, свистящие — *бе[$\bar{с}$]овестный* и т. д. Но законом для русской речи было отсутствие долгих согласных внутри корней слов. Современное произношение ряда слов (*касса, масса, ванна*) разрушают эту закономерность. Какова же эволюция долгих согласных в русском языке?

Первые свидетельства отступлений от закономерностей русской речи мы находим уже в XVII веке: «*сумма, короткое замкненье, початок книги*», «*граммотник: детоучитель*», «*силлогизм: довод, замыкание*», «*еккансиарх: оуоставник церкви*», «*логгин: смышляя глубоко*» (Берында П. Лексикон словеноросский. К., 1653). Однако подобные слова были единичными. Нарушает эту закономерность XVIII век, который привнес в русский лексикон около 8500 заимствованных слов (Очерки по историч. лексикологии русского языка). Сопоставляя исторические документы этого периода, печатные тексты, частную переписку, нельзя обнаружить последовательность в фиксации долгих согласных в графике заимствований. В одних печатных текстах нет ни одного иноязычного слова, графика которых включала бы двойные согласные буквы, например, в «Книге о эксерциции перемониях и должностях воинским людям надлежащих» (СПб., 1715), в других — долгие согласные последовательно встречаются лишь в именах собственных, как это наблюдается в «Кратком описании о войнах в книге цезариева с некоторыми знатными приметами о тех войнах» (СПб., 1711), в третьих — на страницах одной и той же книги можно встретить варианты типа *пасаж* и *пассажъ* в значении «дорога» (Шхонбек А. История о ординах. СПб., 1710). На срезе одного года в разных источниках варьируются формы одного и того же заимствования: *оффицеръ* (там же) и *офицеръ* (Инструкции и артикулы военные. СПб., 1710).

Однако большинство заимствованных слов первых десятилетий XVIII века оформлялись в графике по законам русской речи: *артилерия* (Артикул воинский. СПб., 1715, Инструкции и артикулы военные. СПб., 1715; С. Волчков. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731), *комисаръ* (Краткое описание о войнах; Артикул воинский. СПб., 1715–1718), *миллионъ* (Шхонбек А. История о ординах; География или земного круга описание. СПб., 1715). Вариантность удвоенных согласных в графике наблюдается и в словарях того периода. В «Лексиконе на французском, немецком, ла-

тинском и на российском языках» С. Волчкова (СПб., 1755—1764) дается значение заимствования *атака*: «атака -- нахождение, нападение», в словарях Н. Г. Курганова («Словарь разноязычный» 1777 и 1788 гг.), И. Ф. Литхена («Лексикон российский, французский» 1762 г.), В. С. Татищева («Лексикон российской, исторической, географической и гражданской» 1793 г.) дается вариант *аттака* или *аттаковать*, а в словаре И. Нордстета можно увидеть вариант *атака* (И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводами слов. СПб., 1780—1782). К началу XIX века в «Новом словотолкователе» Яновского (1803—1806) фиксируются равнозначные варианты — *атака* и *аттака*.

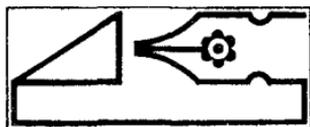
В лингвистических наблюдениях над составом русского языка появляются заметки о распространенности произношения долгих согласных в корнях слов иноязычного происхождения. Удвоение звука, по свидетельству Я. Грота, особенно явственно слышится после гласной с ударением и поэтому «пет основания исключать все двойные буквы» из графики русского языка (Я. Грот. Филологические разыскания. СПб., 1899, изд. 4-е). «Действительно, в произношении людьми образованными слышится это удвоение», — считает П. А. Адамов (см.: К вопросу о правописании. — Филологические записки. 1892, вып. 3), по «коренной народ (великороссы) предпочитают формы с согласным обычной долготы» (там же). Освоение долгих согласных в русском языке — живой процесс наших дней. В конце заимствованных слов долгие согласные произносятся по законам русской речи с обычной для фонетики русских слов долготой: *кла[с]*, *проце[с]*. Произношение же их внутри морфем неоднозначно: для ряда слов произношение долгих согласных имеет явную тенденцию сближения с фонетическими закономерностями русской речи (*ба[л]он*, *ко[м]унизм*, *ба[с]ейн*), но для некоторых заимствований типа *касса*, *гамма*, *сумма*, *ралли* долгота согласного остается специфичной особенностью произношения, которая имеет тенденцию к упрочению произношения долгого согласного внутри морфем.

Краткий обзор истории освоения и внедрения новых звуков, пришедших в нашу речь из других языков, показывает мудрость и совершенство родного языка, принимающего только те звуки, которые восполняют «слабые» точки в фонетической системе русской речи, шлифуя и придавая им новую огранку.

Ворошиловград

Термин и научное открытие

Н. В. Новинская

Может ли термин поведать о том, кто сделал научное открытие? Да, может. В русской терминологии таких терминов достаточно много, и называются они *эпонимическими*. Слово *эпоним* — грече-

ского происхождения, буквально означает «дающий чему-либо свое имя». *Теорема Пифагора*, *закон Архимеда*, *принцип относительности Галилея*, *закон всемирного тяготения Ньютона* — каждый из этих терминов выражает благодарную память человечества.

Термины-эпонимы употреблялись довольно редко в ранний период формирования языка русской науки, то есть в XVII—XVIII веках. А в настоящее время наблюдается их активизация, особенно в медицине, химии, физике, геологии и некоторых других областях знания. Так, с каждым годом становится все больше открытых планет-астероидов, которым в прошлом, как правило, присваивались имена мифологических персонажей. В наши дни астрономы чаще обращаются к реальным личным именам, в том числе и своих современников. На звездные карты, например, нанесены имена Максима Горького и Николая Островского, Владимира Высоцкого, Саманты Смит и др.

Наименования, основу которых составляют имена собственные, не отражают существенных признаков обозначаемых ими понятий, поэтому многие исследователи относятся к ним отрицательно и призывают к замене эпонимических терминов неэпонимическими. Довольно часто, однако, термины-эпонимы не только допустимы, но и вполне приемлемы. Это случаи, как отмечал Д. С. Лотте в книге «Основы построения научно-технической терминологии» (М., 1961), когда понятие, которому присваивается такой термин, связано с открытием или процессом, имеющим крупное значение для науки; когда термин указывает на лицо, сделавшее данное открытие. Во многих терминах увековечены имена выдающихся деятелей науки, культуры, искусства и т. п.

Анализ эпонимов, входящих в терминологию различных отраслей знания, таких как философия, физика, химия, медицина, геология и др., показал, что структурно это — термины-слова и термины-словосочетания. Создаются они тремя основными способами словообразования — семантическим, морфологическим и синтаксическим.

Семантическим способом образуются производные слова, когда имя собственное, не меняя своей формы, становится нарицательным и приобретает специальное значение: *рентген* — в медицине; *шеннон*, *хартли* — в информатике; *максвелл*, *ридберг* — в физике. Таким образом было создано большое число терминов, относящихся к категории величин. Описываемый способ предоставляет неограниченные возможности для наименования новых понятий, например единиц измерения в физике, информатике и т. д.

Морфологическим способом образуются производные эпонимы при помощи приставок и суффиксов. При этом наблюдается тенденция к специализации словообразовательных средств. Она выражается, например, в том, что в химической терминологии суффикс *-ий* традиционно используется для названий новых элементов (*кюриевый*, *курчатовий*). В отраслевых терминологиях за определенными категориями понятий закрепляются определенные модели. Так, в геологии наименования минералов образуются по модели: основа имени собственного + *ит* (*александрит*, *вернадит*, *гагаринит*, *кировит*).

В результате синтаксического способа словообразования возникают термины — словосочетания, или составные наименования. В физике это термины вида *ленгмюровские волны*, *рэлеевское рассеяние*, *эффект Дембера*; в медицине — *аппарат Гольдмана*, *рефлекс Бинга*. Как видно из примеров, в состав словосочетаний может входить не только одно имя собственное, но и два (*болезнь Дешерина-Сотта*, *метод Златкиса-Зака*), три (*синдром Дебре-Де Тони-Франкони*) и даже четыре (*синдром Шарко-Мари-Туса-Гоффмана*). Термины, включающие три и более фамилий авторов научных открытий, громоздки, а потому нежелательны в терминологии.

В медицинской терминологии, где особенно велик приток терминов-эпонимов, наблюдается такое явление: в ряду некоторых терминов употребляется одна и та же фамилия *Егера*, но принадлежит она трем разным ученым, жившим в разное время и в разных странах: *ампутация Егера* — операция, названная по имени немецкого хирурга М. Jaeger (1795—1838); *пластинка Егера* и *кратом Егера* — термины, созданные в честь австрийского офтальмолога Ф. Jaeger (1784—1871), *крючок Егера* — инструмент, изобретенный немецким офтальмологом W. Jaeger (род. в 1917 г.).

Такого рода примеры не единичны в медицине. Многократное использование одинаковых фамилий ведет к ошибкам и неясности, поэтому оно также нежелательно в терминологии.

В составные наименования наряду с именами собственными входит и нарицательная лексика, которая выполняет роль так называемых опорных слов терминов, соответствующих родовым по-

пятиям. Состав опорных слов-терминов для каждой из отраслей знания включает определенное число слов. Их можно объединить по сфере распространения в три группы: одни могут иметь конкретно-научный характер (в химии — *реактив, катализатор*; в медицине — *синдром, симптом, болевая*), другие — межнаучный (в химии и физике — *постоянная, уравнение*; в химии и медицине — *реакция, проба*), третьи являются общенаучными (*теория, метод, закон*).

Характеризуя особенности образования терминов-эпонимов, надо отметить, что в целом они естественно вошли в терминологию, представлены теми же структурными типами с широким использованием разной лексики. Эпонимические названия представлены в специальной литературе, в частности в терминологических стандартах. В ГОСТах приводятся как однословные термины, так и составные. Обычно термины-слова характеризуются более устойчивым положением в системе языка науки из-за их краткости (например: *ампер, вебер, вольт*) и возможности образования производных, в том числе сложных (*веберамперная характеристика реактора, вольтамперная характеристика реактора*).

Вопрос о приемлемости или неприемлемости составных наименований решается по-разному. В одних случаях в качестве рекомендуемых приводятся такие, которые традиционно используются в определенной области знания и не имеют синонимов. В ГОСТе 15133-69 «Приборы полупроводниковые» это: *электротермический эффект Пельтье, электротермический эффект Томсона, коэффициент Холла*. В других случаях, когда термин-эпоним имеет синонимы, он нередко снабжается пометой *ндп* (недопустимый) или *нрк* (перекомендуемый), то есть подвергается официальному запрету: *эллипс искажений в картографической проекции*. *Нди, Индикатрисса Тиссо* (ГОСТ 21667-76 «Картография»); *стационарный в широком смысле случайный процесс*. *Нрк, Стационарный процесс в смысле Хинчина* (ГОСТ 24878-76 «Случайные процессы и динамические системы»).

Иногда эпонимы указываются в ГОСТах как полноправные синонимы рекомендуемых терминов: *термоэлектрический эффект и эффект Зеебека, фотомагнитоэлектрический эффект и эффект Кикоина-Носкова* (ГОСТ 15133-69 «Приборы полупроводниковые»).

Исследование, проведенное на материале ГОСТов, показало, что при стандартизации и упорядочении терминологии к терминам-эпонимам следует подходить индивидуально. Невозможно полностью отказаться от них, так как они давно и успешно функционируют в языке науки. Новые понятия и реалии требуют своего словесного выражения; имена собственные могут и должны служить источником пополнения научной терминологии.

Зачин в «Слове о полку Игореве»

Б. И. Яценко

Не льпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревъ, Игоря Святъславлича?
 Начяти же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояно.

(«Ироническая пѣснь о походе на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходъ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе» М., 1800. Далее ссылки на это издание).

М. А. Максимович назвал *зачин* в поэме «ключомъ к ней» (Максимович М. А. Спор о вѣщемъ Бояне.— «Киевская старина», т. XIII, 1898). Однако издатели не воспользовались этимъ ключомъ, чтобы раскрыть содержаніе «Слова», и только частично передали смыслъ обращенія къ «братіи». Они заметили, что конструкция риторическаго вопроса с отрицаніемъ *не* передъ паречіемъ *льпо* и частицей *ли* предполагаетъ положительный отвѣтъ, который и былъ зафиксированъ в переводѣ: «Приятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ при-скорбную повесть...». Такой перевод, вернее, изложеніе по смыслу, какъ бы замыкаетъ обращеніе въ самомъ себѣ и мало что даетъ для болѣе глубокаго пониманія «Слова». Темъ не менѣе это толкованіе оказало существенное вліяніе на многіе исследованія «Слова о полку Игоревѣ» въ XIX и XX вв. По-прежнему преобладаютъ приближительныя объясненія текста. Какъ ни странно, но имперфектъ *бяшетъ* переводится и будущимъ, и настоящимъ временемъ, и условнымъ наклоненіемъ. Въ последнее время появилась тенденція отказа отъ частицы *ли*, что позволяетъ ликвидировать риторическій вопросъ и переводить обращеніе въ планѣ отрицанія.

Все эти пробы вряд ли можно считать научным поиском. И имперфект *бѣшетъ*, и отрицание *не*, и частица *ли* не могут быть игнорированы, так как функциональная роль их в тексте исключительно важна. Похожую конструкцию с имперфектом *бѣшетъ* находим и в обращении Ярославны к ветру: «Мало ли ти бѣшетъ горъ подь облакы вѣяти..?», то есть «Разве мало тебе было гор..?» Ответ: немало. Как видим, отсутствие частицы *не* предполагает отрицательный ответ, а ее наличие («*Не* льпо ли...») — положительный ответ на риторический вопрос.

Такие обороты нередко встречаются и в фольклоре. Так, в письме Марии Казимиры д'Акве к Яну Собескому (1659) был найден отрывок украинской песни, которую опубликовал М. Возняк:

Чи я тобі не казала, чи не говорила,—
Не йти було на Самару, щоб я не тужила..
Чи всі тії сади цвітуть, що розвиваються?
Чи всі тії вінчаються, що залицяються?

(См.: Шумада Н. С. Походження і розвиток коломийки як жанру. // Розвиток і взаємовідношення жанрів слов'янського фольклору. К., 1973).

Со временем риторические вопросы превратились в отрицательные сравнения, но психологический параллелизм сохранился:

Не всі ж тії та сади цвітуть,
Що весною розвиваються.
(Чумацькі пісні).

Первая строфа песни из письма Марии Казимиры д'Акве совпадает по форме с началом «Слова». На вопрос «Чи я тобі не казала...?» возможен только положительный ответ. Так и на вопрос «Не льпо ли ны бѣшетъ, братіє, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревь..?» может быть дан только утвердительный ответ. Однако имперфект *бѣшетъ* свидетельствует, что автор уже не может ничего изменить в том положении, которое возникло, так как не он начнет эту песню, самой песне начаться «по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню». Так, отдавая должное «старым словесам трудных повѣстій», автор тактично отказывается от них, приравнивая их к творчеству Бояня. В чем смысл этого отождествления?

В 1881 году Д. Прозоровский охарактеризовал «старые словеса» как источники, сказания, летописи, из которых автор брал материал для рассказа о временах, которые предшествовали походу князя Игоря (Прозоровский Д. Новый опыт объяснительного перевода «Слова о полку Игореве». СПб., 1881). На примере многих древних памятников видно, что авторам важно было не только из-

ложить определенное содержание, но и вызвать доверие читателя, сославшись на авторитетный источник. Именно так киевский митрополит Иоанн (1164–1166 гг.) обосновывает свое послание к папе Александру III: «И сїа словеса отъ многихъ святыхъ отецъ...» (Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821). Про «словеса» как литературный труд пишет и К. Туровский в «Слове на събор святыхъ отецъ...»: «...да украсят словесы и возвеличатъ мужествовавшая...» (там же). Такие же ссылки на источники находим и в древнеанглийском эпосе «Беовульф», и в древне немецкой «Песне о нибелунгах».

О «словесах» сказано и в «Задонщине». И хотя фраза довольно испорчена, все же четко высказано намерение «начати повѣдати иными словесы», иначе, чем в известных читателю повестях («Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966). Возможно, именно здесь автор «Задонщины» делает свою ссылку на «Слово о полку Игореве», называя его «иными словесы», непохожими на летописные рассказы.

Некоторые исследователи, в частности Е. В. Барсов, видели в «старых словесах» песнетворчество Бояна (Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси.— «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1884). Однако в «Слове» это разные понятия. Автор «Слова» только сближает их, отказываясь следовать за ними в рассказе о походе Игоря Святославича. В. П. Адрианова-Перетц заметила, что, давая характеристику поэтической манере Бояна, «автор имел в виду, конечно, не только образную поэтическую речь Бояна, но и то, что мы называем «художественным вымыслом»..., а «мних Георгий Амартол» сурово назвал «лъжей» (Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968). В этом ключе дана оценка и «старым словесам», которые следует рассматривать как старый (т. е. существующий) уже подход к оценке похода Игоря.

У автора «Слова» было достаточно оснований, чтобы, отказываясь от «старых словес», проявить осторожность. Литературная этика обязывала его обратиться к произведениям предшественников, которые уже писали о походе Игоря. Как фиксирует В. П. Адрианова-Перетц, эти требования в «Изборнике Святослава 1076 г.» были довольно категоричны: «не презри повестив мудрыхъ», «не стетупай от повестии старьчъ» (см. указанную работу).

«Старые словеса» нельзя рассматривать в отрыве от «трудных повестей». Разделение, которое предложил А. И. Мусин-Пушкин,

было ошибочным. Его схема «начати (что?) трудных повѣстий» (мн. ч.) явно противоречит тому, что говорит сам автор дальше: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію (ед. ч.) отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря...». Автор «Слова» не мог рассказ о походе, ограниченный во времени несколькими месяцами, называть «повѣстями», а изложение событий от Мономаха до Игоря, что охватывает сто лет, только «повѣстью».

В том, что фраза «старыми словесы трудных повѣстий» представляет собой цельное смысловое словосочетание, убеждает и аналогичный пример из летописи. Составитель Тверской летописи заявляет, что не научился «сбчиняти *повѣсти* и украшати премудрыми *словесы*, якоже обычай имуть ритори» (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863). И составление повестей, и украшение их премудрыми словами выступают здесь как неразделимый процесс творчества, между ними нет противоречия. Нет его и в «Слове о полку Игореве». Говоря о «трудных повѣстях», автор имеет в виду устные (или летописные) повести об Игоревом походе, которые уже существовали на период написания «Слова» и с которыми он вступает в полемику.

Таким образом, сближение «старых словес» и творчества Бояна касается только достоверности материала «трудных повестей», которую автор ставит под сомнение. Автор «Слова» вступает в полемику с переяславской повестью (1185–1186) и киевской (1197–1198) в вопросах, касающихся мотивов похода и роли князя Игоря. В «Слове» князь Игорь выходит в поход «за землю Руськую». И этот факт позволяет автору сделать окончательный вывод: как телу без головы, так и Руской земли без Игоря.

На основании сказанного предлагаем перевод зачина в «Слове о полку Игореве»:

Разве не пригоже было нам, братья, начать
по рассказам старых трудных повестей о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Начаться же той песне по былицам сего времени,
а не по замышлению Бояна.

Первая фраза не содержит прямого дополнения (что *начать?*), хотя оно и подразумевается. Говоря о «старых словесах», автор уже этим как бы предваряет появление нового Слова, противопоставляет его повестям предшественников. Из столкновения двух противоположных тенденций будто сама по себе рождается песня. Во второй фразе автор сосредоточивает внимание уже не на действии, а на «той песне». И песня начинается, она свободна.

Л. Н. Макеев,
кандидат филологических наук

Всем хорошо известно имя легендарного певца-поэта Бояна, неоднократно упоминаемого в «Слове о полку Игореве» и, как полагает большинство исследователей, вполне конкретного исторического лица (жил во второй половине XI — начале XII вв.). Вспомним знаменитый зачин «Слова...»: «Начати же ся тѣи песни по былинам сего времени, а не по замышлению *Бояню* (древнерусская форма притяжательного прилагательного: *Боянову*). *Боян* бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы». Неоднократно вспоминает автор «Слова» о Бояне и в других местах поэмы: «О *Бояне*, соловию стараго времени!», «вещей *Бояне*, Велесов внуче...» (т. е. внук Велеса, славянского бога, покровителя пастухов и поэзии). Так обращается он к своему предшественнику, имя которого благодаря «Слову» стало символом поэтического вдохновения и виртуозного исполнительского мастерства. Поэтому не случайно автор другого выдающегося произведения древнерусской литературы — «Задонщины», во многом подражавший автору «Слова», считал необходимым в начале своего сочинения воздать дань уважения Бояну: «...помянем первых лет времена, похвалим вещаго *Бояна*, горазна гудца (искусного гуслира) в Киеве».

Помимо «Слова о полку Игореве» и «Задонщины», имя *Боян*

было известно из древнерусской псковской грамоты XIII века, так называемой *рядной* (договорной грамоты) Тешаты с Якимом, где среди *пóслухов* (свидетелей) упомянут также и некто Боян: «А на томъ послуши (т. е. данному договору свидетели): Давыд поп, Дорожка, Домослав Векошкын, *Боян*, Кузма Лойковичь, Жидило Жихновичь, Иван Смолнянин».

В последнее время, с открытием новых памятников древнерусской письменности, таких, как берестяные грамоты, надписи (граффити) на стенах храмов и т. п., у древнерусского певца обнаружилось еще несколько тезок. Так, при расчистке от поздних наслоений внутренних стен Софийского собора в Киеве среди многих других была найдена большая запись, своего рода купчая грамота на стене, фиксирующая (опять-таки при свидетелях — вспомним *рядную Тешаты!*) покупку княгиней Всеволодовой, т. е. женой князя Всеволода, земли, принадлежащей некоему Бояну: «...а перед теми послухы купи землю княгыни *Бояню* всюю», то есть: а перед теми свидетелями купила княгиня землю Боянову всю (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии киевской XI—XIV вв. Киев. 1966. С. 61). По палеографическим признакам (характеру начертания букв) и по данным языка надпись относится к XI веку, а это значит, что Боян, упоминаемый здесь, не только тезка, но и современник Бояна «Слова о полку Игореве», а может быть, один и тот же человек (так, во всяком случае, считает С. А. Высоцкий).

Имя *Боян* несколько раз отмечено в берестяных грамотах и принадлежит по меньшей мере двоим. Один Боян упоминается в грамоте № 526, найденной в Новгороде и датированной концом XI века, то есть временем, когда жили и Боян «Слова о полку Игореве», и Боян киевского Софийского собора. Это одна из древнейших берестяных грамот, представляющая список должников с указанием места их проживания и размеров долга каждого из них. Первым среди этих должников и назван Боян: «На *Бояне* в Русе гривна» (*Руса* — древнее название Старой Руссы, современного города в Новгородской области, *гривна* — крупная денежная единица Древней Руси — см.: Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М., 1978). Другой Боян дважды упоминается (также в числе должников) как «*Боян* в Озеравах» в грамотах второй половины XII века, найденных непосредственно в Старой Руссе (Там же, №№ 509 и 516).

Данное имя было распространено не только в Древней Руси (Киев, Новгород, Псков и др.), но и позже, в Московском государстве. Так, например, оно отмечено В. В. Палагиной в деловых документах Томского острога в обычной для этого времени (XVII в.)

уничижительной форме с суффиксом *-к(а)*: *Боянка Алчини* (Вопросы ономастики. Свердловск. 1976. С. 58).

Косвенно на существование в прошлом имени *Боян* указывают также разнообразные местные названия (топонимы и микротопонимы) на территориях с древним восточнославянским населением, восходящие обычно к имени владельца, основателя, первопроходца и представляющие чаще всего притяжательные прилагательные от данного имени. Таковы, например: «Бояня улка», то есть *Боянова улица* в древнем Новгороде (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 1950, записи под 1300 и 1326 гг.); *Боянов колодезь* в древней Рязанской земле (Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978); позже – *Стан Боянь* в бывшем Можайском уезде Московской губернии (Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968); на современных картах – названия населенных пунктов *Бояновичи* в Калужской области, *Боян* – в Черновицкой области Украинской ССР и др.

Таким образом, *Боян* было довольно частым именем в самых разных городах и всях обширных пространствах Древней и Московской Руси.

В других славянских странах это имя также известно с древности. Многочисленные примеры его употребления в разное время в Болгарии, Сербии, Чехии приводил еще М. Я. Морозкин в своем «Славянском именослове» (СПб., 1867); отражается оно и в топонимии этих стран. У болгар и сербов оно употребляется и в настоящее время.

Относительно происхождения имени *Боян* издавна существуют две основные этимологии – тюркская и славянская. Тюркская этимология впервые была высказана русским ученым П. М. Мелноранским в работе «Турецкие элементы в „Слове о полку Игореве“» (1902), где это имя связывалось с такими тюркскими (а также монгольскими) нарицательными, как казахское и алтайское *бажан*, чувашское *рожан*, монгольское *бажан*, что значит «богатый». При этом корневое древнерусское *о* объяснялось тем, что в двусложных русских заимствованиях из тюркских языков последовательность гласных *а – а* систематически заменялась последовательностью *о – а* (*товар* из *тавар*).

Другие сторонники тюркской этимологии имени *Боян* связывают его происхождение непосредственно с соответствующими тюркскими и монгольскими личными именами, также известными с древности (например, имя аварского хана VII в. *Баяна* или вещего певца в древнем монгольском эпосе *Дубун-Буяна*) и до на-

стоящего времени: так, у хакасов — *Поян*, тувинцев — *Буян*, бурят и монголов — *Баян*, *Буян*. Иногда исследователи сближают, а то и прямо отождествляют имя древнерусского певца конкретно с именем сына болгарского царя X века Симеона — *Боян*, считая последнее, как и правящую династию древней Болгарии, по происхождению опять-таки тюркским (булгарским). Это отождествление делается главным образом на основании того, что, по свидетельству византийских историков, Боян, сын Симеона, «так изучил волшебство, что мог внезапно из человека превращаться в волка и в любого другого зверя» (Орлов А. С. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1946). Вспомним в «Слове о полку Игореве»: Боян «...растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы».

Новый вариант тюркской этимологии имени *Боян* выдвинул в последние годы Н. А. Баскаков в книге «Тюркская лексика в „Слове о полку Игореве“» (М., 1985). Он считает, что древнерусское имя *Боян* (почему-то с вариантом *Баян*, вопреки древнерусской норме произношения этого имени) в «Слове о полку Игореве» связано не с основой *baĭ* — «богатый», а с другой, тоже тюркской, — *baĭ/baŋ* — «заклипать, заколдовывать, очаровывать; священный, запретный», с дальнейшим развитием значений: «пировать, праздновать при жертвоприношении»; «болтать, говорить вздор, рассказывать басни, выдумки; слагать, петь сказания, очаровывать пением», откуда и производное *baĭan* «певец, сказитель».

Тюркскую этимологию имени *Боян* не следует считать единственно возможной или хотя бы наиболее вероятной в любом ее варианте главным образом потому, что ее сторонники при этимологическом анализе этого имени недостаточно учитывают материал русской и вообще славянской ономастики (личных имен, географических названий), а также нарицательной лексики и словообразования. Поэтому не случайно задолго до возникновения тюркской этимологии этого имени делались и делаются попытки этимологизации его на русской почве.

Приведем некоторые версии.

Пожалуй, наименее убедительна из них та, которая связывает имя *Боян* с именем киевского тысяцкого Яна Вышатича, жившего в XI веке. При этом само слово *Боян* рассматривается как результат слияния двух слов: союза *бо* «ибо» (А. Ф. Вельтман) или прилагательного *буй* «храбрый, буйный» (В. Д. Залозецкий) с именем *Ян*. Неубедительна она прежде всего лингвистически: трудно представить указанные «слияния» во всех контекстах «Слова», где упоминается *Боян*.

Другие исследователи сближают имя *Боян* с древнерусским глаголом *баяти* «ворожить; рассказывать басни, вымыслы», несмотря на то, что и в «Слове о полку Игореве», и в других источниках это имя пишется только через *о*. Такое сближение возникло стихийно, еще в конце XVIII — начале XIX века, в результате отождествления этого имени (несомненно собственного), только что ставшего известным русскому читателю, с уже известным древнерусским нарицательным словом *баян* «чародей, волшебник; вития, певец», которое действительно этимологически связано с глаголом *баять*, а также со словами *байка, краснобай* (Этимологический словарь русского языка. Вып. 2. МГУ. 1965). Иными словами, имя *Боян* было воспринято как нарицательное древнерусское название певца, сказителя, поэта, равнозначное словам *скальд, бард, менестрель, трубадур, миннезингер*. Отсюда и частое с этого времени написание имени (а по сути, возрожденного древнерусского нарицательного слова) через *а*: *Баян* и даже *баян* (сосуществующие с написанием через *о* только с прописной буквы — *Боян*) вплоть до настоящего времени. Так, уже у А. С. Пушкина в поэме «Руслан и Людмила» читаем:

Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить о нем!

До конца XIX века в изданиях пушкинской поэмы слово *баянов* печаталось, как и в рукописи Пушкина, со строчной буквы. Но у него же в текстологических заметках о «Слове» («Песнь о полку Игореве», 1836 г.) — только так: *Боян, Бояна, Боянову* и т. д. Понимание имени *Боян* как нарицательного и вариативность его написания (*о — а*, но в основном с прописной буквы) бытуют в русском литературном языке и поныне, отражаясь в словарях, справочных изданиях, справочных разделах (комментариях) к изданиям сочинений русских писателей XIX века. Например, в собрании сочинений В. А. Жуковского (том IV, М.—Л., 1960) в разделе «Словарь»: «*Б о я н (Б а я н)* — в славянской мифологии — певец; или в издании «Поэты пушкинского круга» (М., 1983), также в разделе «Словарь»: «*Б о я н (Б а я н)* — легендарный древнерусский поэт; имя его употреблялось как нарицательное для поэтов». И так далее, с аналогичными вариациями. Даже в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (изд. 15-е. М., 1984), включающем лишь нарицательные слова, находим: «*Б а я н* ¹... Древнерусский певец-поэт». Более того, вариант написания *баян* с начала XX века закрепляется за новым нарицательным словом, вернее, новым его

значением: «ба я и²... Большая усовершенствованная гармоника...», и в этом значении у слова *баян* пормативным стало уже только корневое *а*.

Однако, несмотря на столь значительные последствия для языка (фактически появление нового слова), рассмотренная этимология имени *Боян*, связывающая его с глаголом *баяти*, также не может быть принята — она основана на явном недоразумении. Личное имя *Боян* имеет в корне только *о*.

Есть и еще одна славянская версия происхождения имени *Боян*; ее высказал М. Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка»: «Боян... Наиболее очевидным является сближение с *бой*». Сравним здесь же: «Менее удачно возведение к тюрк.: каз., алт. *Вајан*, чув. *ројан*, монг. *бајан* — „богатый“».

Еще более очевидной, чем сближение с *бой*, представляется связь имени *Боян* с русским диалектным словом *боян* «пугливый, трусливый человек», отмеченным в говорах Урала в 1961 году (Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 3. Л., 1967). Здесь же контекст: «Боян не боян, а завсегда через лес ходил». Легко заметить, что само слово *боян* в свою очередь связано с глаголом *бояться*, то есть является отглагольным существительным. Подобные образования с тем же значением, но с иными суффиксами, имеются и в других славянских языках, например в украинском — *боюн*, в словинском — *bojin* «трус» (Этимологический словарь славянских языков. Под ред. Трубачева О. Н. Вып. 2. М., 1975). Как считают авторы, вариативность суффиксов имела место еще в праславянском языке, общем языке-предке всех славянских языков: *bojupъ/bojinъ*. Видимо, сюда же следует включить и вариант *bojanъ*.

Древнерусские личные имена на *-нъ*, соотносительные с глаголами, то есть аналогичные по структуре имени *Боян*, хорошо известны. Еще А. М. Селищев в статье «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» рассматривал такие имена как причастные по происхождению, но «в применении к названию лиц утратившие значение причастия: *Ждан, Желан, Молчан, Стоян, Несмеян, Горен, Хотен...*» (Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968). Таким образом, предлагаемая этимология достаточно надежно обосновывается приведенным языковым материалом.

Может показаться странным и даже обидным по отношению к легендарному древнерусскому поэту и певцу такое «снижение» этимологического значения его имени. Однако не будем забывать, что, во-первых, имя *Боян*, как мы видели, носили многие люди в

Древней Руси, а в других славянских странах посят и поныне. Во-вторых, это имя, как и многие другие древнерусские (так называемые внутрисемейные) имена, родители давали ребенку в очень раннем возрасте, когда у него черты характера и поведения лишь намечались. А, как известно, многим детям младшего возраста (и русским, и нерусским, и в древние времена, и в новые) довольно нередко свойственна чрезмерная боязливость, которая позже обычно проходит. Как видим, имя *Боян* аналогично таким распространенным когда-то русским именам, как *Докучай*, *Крикун*, *Смирной*, *Молчан*, *Несмеян* и мн. др.

Наконец, полезно помнить: не имя красит человека, а человек — имя, о чем и свидетельствует, в частности, судьба древнерусского имени *Боян*, которое было прославлено одним из его носителей на века.

Магадан

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что значит слово *пеклеванный*?»

И. Т. Ивапов, *Новокуйбышевск*

Пеклеванный — мелко размолотый и просеянный (о муке, преимущественно ржаной). Хлеб, выпеченный из такой муки, тоже называют *пеклевым*. Прилагательное это образовано от глагола *пеклевать* (заимствовано из польск. *pytlować*) — мелко молоть, просеивать.

«Откуда пришло в русский язык слово *конфетти*?»

Л. Романенко, *Донецк*

Конфетти — от итальянского *confetti* «конфеты». Участники римских карнавалов обычно бросали друг в друга маленькие конфеты, а позднее — бумажные подделки конфет (См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, М., 1987, т. 2).

Из Этнолингвистического словаря славянских древностей

Борщ, жур

Кислое, горячее, жидкое кушанье, употребляемое восточными и западными славянами. Ритуальное использование борща известно на Украине и у западных славян (ср. укр. *борщ*, пол. *barszcz*, *żur*, *kwaśnica*, слвц. *kysel'*). Основная часть названий *борщ* восходит к значению «кислый». Борщ готовится на закваске из свеклы, капусты (вост. славяне, поляки), ржаной или овсяной муки (зап. украинцы, поляки, словаки), а также на уксусе, с добавлением растительного масла, с капустой, картофелем, морковью, чесноком, грибами, фасолью, горохом, щавелем и другими овощами; скоромный борщ готовят с мясом или салом, на молочной сыворотке, забеливая его сметаной или яйцами. Скоромный или постный борщ является ежедневной пищей украинцев (ср. выражения *борщ-го-зяин*, борщ — *найстарша страва* и под.); у поляков и словаков более известен постный борщ — особенно в зимнее время и в период постов.

У к р а и н а. На Украине борщ часто включался в состав крестинного и свадебного стола, причем им, как правило, начинали или завершали обед. Аналогичное использование борща известно и в Польше: перед отъездом невесты в дом молодого кухарка обливала всех присутствующих борщом. На Украине борщ являлся

также обязательной частью поминального стола: в день похорон, на сороковины, на деды; в числе других поминальных блюд его приносили на кладбище на Фоминой неделе. Поминальный стол при этом обычно назывался «горячим обедом», «горячиной» или «горячими поминками»: входившие в его состав блюда (прежде всего — борщ и хлеб) должны были подаваться горячими, «шоб дедам пара пошла» или «шоб з парою душа відлетіла».

На Украине во время рождественского ужина обязательно подавался постный борщ (с рыбой, грибами, фасолью), во время пасхального обеда — мясной борщ.

Приготовление борща в новогодней и рождественской обрядности приобретает особые ритуальные функции, связанные с магией первого дня. Считалось, например, что во время новогоднего обеда борщ должен быть очень густым, чтобы «весь год густо было». В борщ, приготовляемый на Новый год, клали зерна многих сельскохозяйственных культур, что призвано было обеспечить их урожай в наступающем году.

На Украине бытовали также некоторые временные запреты, связанные с приготовлением борща. Например, не разрешалось квасить свеклу для борща в то время, когда в селе был покойник: считалось, что приготовленный из такой свеклы борщ «мусить бути недобрий, мусить смердіти». Запрещалось резать для борща овощи в день Усекновения Главы Иоанна Предтечи и на Воздвижение.

В Восточном Полесье борщ использовался также в обрядах вызывания дождя. Горшок с борщом крали, кидали в колодец или просто выливали из него борщ; часто это делала вдова, причем тайно или ночью. В этих действиях можно видеть форму символического жертвоприношения дождю. Борщ упоминается и в детских закличках дождя (Украина, Полесье, Польша). В них описывается, как борщ, поставленный на вершину дерева (вербы или дуба), выпивают или уносят с собой птицы; в других текстах сосуд с борщом падает вместе с деревом.

Западные славяне. Как *борщ* у восточных славян, так *жур* и *кисель* у поляков, словаков и моравян составляли основу постного рождественского ужина. Часть рождественского борща иногда выливали на углы дома, предназначая его предкам. Скромный борщ, приготовленный на молочной сыворотке, в который клали понемногу от каждой освященной на Пасху пищи (кусочек яйца, хлеба, мяса, колбасы, копченой грудинки и т. п.), являлся у поляков обязательной частью пасхального обеда.

Роль жура и киселя как постных блюд особенно значительна в обрядности Великого поста. Повсеместно в Польше известна свое-

образная встреча жура накануне Пепельной среды, когда в корчме или в доме исполнялась специальная песня, в которой говорилось об окончании мясопуста и о прибытии жура. В Краковском воеводстве в этот вечер хозяин с хозяйкой обходили дом с привязанной к палке сельдью и горшком жура, как бы изгоняя из дома мясопуст; после этого хозяйка убирала остатки скоромного ужина и предлагала всем присутствующим съесть поемного жура.

Символические похороны жура (*pogrzeb żuru, wybijanie żuru, pogrzebanie postu, wybijanie róbroćcia*) совершались, как правило, в предпасхальный период (в четверг, пятницу или субботу), реже — на Крестопоклонной неделе. В наиболее общем случае обряд заключался в том, что парни ходили по селу и разбивали горшки с журом о двери, стены и ворота домов, в которых жили молодые девушки. Иногда горшок с журом или просто старый горшок, в котором во время поста готовили жур — *żurowiec, żurownik*, вешали на дерево (между двумя деревьями, между печными трубами соседних домов) и разбивали его палкой в тот момент, когда кто-нибудь оказывался поблизости. В других случаях обряд состоял в том, что горшок с журом неожиданно разбивали на голове или плечах человека, который выносил его из дома.

В аналогичном моравском обряде один из парней влезал на дерево с горшком киселя и обливал им стоящих внизу. У словацкого населения Венгрии, а также на словацко-венгерском пограничье в предпасхальное воскресенье девушки и парни ходили *vynášat kysel'*, т. е. обходили село с горшком киселя, который потом разбивали о землю. В Поморье жур выносили за границу селения, сопровождая это громкой музыкой, ударами бубна, криками. В Силезии этот обряд носил название *palenie żuru* (сжигание жура) и совершался в среду накануне Пасхи.

У словаков и мораван основной формой обряда проводов киселя были действия с соломенной куклой, называемой *kyselica* или *kysel'*. Они были приурочены к 5-й или 6-й неделям Великого поста. Обычно накануне в субботу девушки делали куклу: соединив крест-накрест две жерди, обвязывали их соломой, наряжали куклу в женскую одежду, а на голову надевали венок; реже просто делали куклу и насаживали ее на палку. В воскресенье девушки носили по селу куклу и пели песни о том, что прогоняют *киселицу*, а затем выносили ее за село, на поле или к реке, где срывали с нее одежду, а саму куклу сжигали или топили. Киселицу выносили для того, чтобы избежать мора и болезней, сжигали ее в поле, чтобы град не побил посевов; считалось, что если киселица задержится в селе хотя бы на день, девушек не будут брать замуж и т. п. Иногда киселицу выносили только в том слу-

чае, если в период от Пепельной среды до Вербного воскресенья в селе никто не умер; в противном случае считалось, что киселицу уже унес с собой покойник. Иногда соломенную куклу просто помещали на высокое дерево.

Аналогично журу и киселю у всех западных славян в конце поста символически изгонялась и другая постовая пища: например, сельдь; у моравян перед Пасхой у костела сжигали старое растительное масло.

В некоторых западнославянских традициях обряды проводов жура и киселя притянули к себе ряд ритуальных действий типа бесчинств. Так, в Польше разбивание горшка с журом о двери домов совершалось ночью специально для того, чтобы разбудить и напугать хозяев. На Куявах к обрядам с журом присоединялись некоторые действия, совершаемые в других местах на святки, в частности, втягивание возов па крыши, затыкание печных труб и т. п. У словаков и моравян под проводами киселя могли совершать самые разнообразные действия — обливание человека водой через дымоход, забрасывание па крыши хозяйственных орудий, посуды и т. п.

Т. А. Агапкина

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Слова *хлеб*, *похлебка*, *хлепать* — однокоренные или нет?»

И. Кондрашова, Пушкино, Московской обл.

Еще В. И. Даль отмечал в своем Словаре, что производные от *хлеб* и *хлепать* нередко пугают и что различать их нелегко.

Действительно, эти слова не родственные. А вот глагол *хлепать* и существительное *похлебка* одного и того же корня. Русское *хлепать*, *хлёпать* — «есть, черпать ложкой, жидкое; отпить глотками, через край» (праславянское **hlepati*, в корне *-e-* чистое) — глагол звукоподражательного происхождения. *Похлебка*, по определению Даля, «всякая жидкая пища, которую хлебают, едят ложкой; щей не зовут похлебкой, а разные супы и павары». Оба они не имеют ничего общего со словом *хлеб*.

Хлеб же (праславянское **hlěbъ*, в корне *-ě-* долгое, «ять») — древнее заимствование из германского **hlaiwa* (сравните готское *hlaiws*, древнеисландское *hleifr*, англосаксонское *hlaf*, древневерхненемецкое *hleib*). У славян это слово ассоциировалось с выпечкой из кислого теста, хотя первоначально германское слово обозначало лишь формованный хлеб (Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8, М., 1981).

Зовется местечко *Ленин*

В. В. Боярин,

председатель совета Ленинского народного музея
Житковичского района Гомельской области,

А. Ф. Рогалев,

краевед, действительный член Географического общества СССР

Часто приходится слышать, что история многих наших малых городов и деревень не очень богатая и интересная. Тот, кто придерживается такой точки зрения, образцом настоящего исторического места обычно считает серый цвет средневековых строений, шпили готических соборов, узкие улочки-тоннели, базарную площадь с толпами туристов.

Однако вряд ли кто не согласится и с тем, что история интересна не только внешними привлекательными атрибутами, а прежде всего своим содержанием, сохранностью в человеческой памяти. И в этом смысле нет истории бедной или богатой, она всюду своя, неповторимая и своеобразная. Где бы ни жил человек, история — рядом с ним.

Случается так, что даже одно только слово — наименование соответствующего места — достойно внимания и описания. У каждого из названий населенных пунктов своя судьба. На карте нашей Родины не очень много древних названий, которые со временем приобрели величественный и символический смысл, стали дорогими и понятными без дополнительного объяснения не только своим жителям, но и людям, которые живут далеко от этих мест.

Именно такая судьба у названия поселка *Ленин*, расположенного в самом центре белорусского Полесья, в Житковичском районе Гомельской области.

Возник этот населенный пункт в далеком прошлом на берегах реки Случь. Первое письменное сообщение о местечке *Ленин*, най-

денное сотрудниками Центрального государственного исторического архива БССР в фонде князей Радзивиллов, относится к 1582 году.

Кто и когда дал местечку имя *Ленин*, неизвестно.

Необходимо отметить, что сведения о полесской деревне Ленин имеются в таких важных историко-географических и географо-статистических трудах, как: «Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. V. Губернии Литовской и Белорусской областей» (СПб., 1886) и «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия» (СПб., 1905).

Трудно дать исчерпывающий ответ и на вопрос, что означало первоначально географическое название *Ленин*. Можно предположить, что его происхождение связано с именем или прозвищем какого-либо человека — легендарного первопоселенца или основателя села.

Несколько столетий жило имя *Ленин* в Полесье и было обычным, как и все другие, ничем не примечательным названием. В языкознании известно явление, заключающееся в переосмыслении слов, приобретении ими новых значений. Происходит это часто под влиянием внеязыковых причин, и случается, что слово приобретает значение, которое делает его необходимым, символическим и величественным.

Так случилось и с географическим названием *Ленин*, начавшим после Великой Октябрьской социалистической революции как бы вторую жизнь.

Четыре столетия и 70 лет. На такие два отрезка, совсем не равные по времени, делится история уникального полесского топонима. Однако его новая 70-летняя история по насыщенности и драматизму событий намного превосходит длинный период в несколько веков и заслуживает того, чтобы о ней знали как можно больше людей, в том числе и живущих далеко за пределами полесского края.

Знакомство с историей населенного пункта *Ленин* невольно наводит на мысль о том, что совпадение имени вождя социалистической революции В. И. Ульянова и никому не известного названия полесской деревушки получило своеобразную историческую мотивацию.

В период нарастания революционных событий в России в местечке *Ленин* возник большевистский подпольный центр. Революционеры в доступной форме разъясняли почти сплошь неграмотному крестьянскому населению содержание и смысл большевистских газет, листовок и прокламаций. Их голос проникал в самые отдаленные места Полесья,

Знаменательно и то, что Советская власть в *Ленине* была установлена 8 ноября (26 октября по старому стилю) 1917 года, на второй день Октябрьской революции. Именно с этого времени жители местечка стали называть себя *историческими ленинцами*. К этому времени восходят и истоки убеждения крестьян бывшей Ленинской волости Мозырского уезда Минской губернии, а с 1939 года — Ленинского района Пинской области БССР, в том, что В. И. Ленин своим псевдонимом породнился с ними, полешуками-белорусами.

Вот, например, слова старого большевика, уроженца Ленинской волости, борца за Советскую власть в этом уголке Полесья Василия Ивановича Титовича, записанные учениками-краеведами Ленинской средней школы: «Псевдоним В. И. Ленина (Ульянова) — Ленин и имя Ленинского района — одно целое. И я, коммунист ленинского призыва, передаю вам: охраняйте это святое и дорогое имя при любых обстоятельствах, любыми средствами, а если необходимо будет, то и ценой своей жизни».

Именно так поступали жители Ленинского района Белоруссии в трудные годы Великой Отечественной войны, когда за одно только имя — *ленинец*, которым называли себя люди, оккупанты жестоко карали мирных жителей — бросали в тюрьмы, расстреливали. Возможно, этим убеждением руководствовался и старый крестьянин села Новина Ленинского района Иван Самуилович Цуба, который в 1943 году повторил подвиг легендарного Ивана Сусанина — завел карательный фашистский отряд в непроходимые дебри и болота, откуда фашисты уже не вернулись.

Очень знаменательно, что теперь в центре местечка *Ленин* стоит памятник вождю революции, основателю Российской коммунистической партии, Советского государства, имя которого близко и дорого для каждого из нас.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно назвать специальность инженера: *электроник* или *электронщик*?»

Л. Соловова, *Запорожье*

Специалист по электронике — *электронщик*.

«Почему булки называют *сайками*? Откуда взялось это слово?»

Костя Галецкий, *Кишинев*

Слово *сайка* — производное от «сая» (из эстонского *заі* «белый хлеб»).

КАЛИТВА

Е. С. Отин,
доктор филологических наук

Это название носят две речки в бассейне Дона. Они отличаются друг от друга сопутствующими ему определениями — *Черная* и *Белая*. *Черная Калитва* впадает в Дон в его верхней части, ниже его левого притока Осереда, в устье которого находится город Павловск Воронежской области РСФСР. *Белая Калитва* — значительный левый приток Северского Донца, в устье которого расположен районный центр Ростовской области РСФСР — город *Белая Калитва*. Выше устья Белой Калитвы в Северский Донец впадает его левый приток *Калитвенец*, или *Калитвеница*.

Самая древняя фиксация речного названия (гидронима) *Калитва* относится к началу XVI века (1515 г.): «да усть (т. е. в устье.— Е. О.) Калитвы их встретити» (Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными). Речь идет о Черной Калитве. В «Книге Большому чертежу», текстовом приложении к утраченной карте России конца XVI — начала XVII веков, упоминаются уже оба составных гидронима — *Калитва Белая* и *Черная* (Книга Большому чертежу. М. — Л., 1950). Когда же не возникала необходимость в разграничении названий этих рек, гидронимы в различных источниках XVII—XVIII веков употреблялись и без цветовых определений.

Происхождение названия *Калитва* почти не привлекало к себе внимания исследователей, и на этот счет высказано мало суждений. В 40-е годы прошлого века появилась версия о том, что топоним *Калитва* состоит из двух слившихся слов — предлога *коло* (около) и наименования народа (этнонима) *литва*. М. Макаров, автор статьи «Несколько историко-филологических заметок к словарю г. Линде по букве К», напечатанной в четвертом номере «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» за 1846 год, сообщал, что его знакомый доктор Гайзлер «подслушал у здешних поселенцев много слов литов-

ских... измененных, порусевших, по все еще ярко видных». «Многие здешние крестьяне родом „с Литвы“. Этого довольно, подумал я, Колитва — окол — Литва?..»

Перед нами типичный образец так называемой народной этимологии географических названий, характеризующейся случайным и поверхностным сближением собственного имени с близкими по звучанию словами. Знаменательно, что тот же предлог *коло* автор ошибочно усматривает и в таких топонимах, как *Коломна* и *Калуга*.

Следует еще иметь в виду, что выходцами «из Литвы» — *литвинами* в старину часто называли белорусов и украинцев. Кроме того, против такой этимологии свидетельствуют прилагательное и название жителей бассейна Калитвы — *калитвинский, калитвинцы*, которые отличаются от *литовский, литовцы* по способу соединения приставок с корнем.

Только спустя более ста лет профессор П. Я. Черных в статье «О некоторых старых названиях рек (Топонимические заметки)», говоря о гидронимах *Калитва* и *Калитвенец*, предположил, что в них содержится древнеславянский корень *kał-* со значением «грязь», так же как и в речном имени *Калка*, которое в «Книге Большому чертежу» представлено в форме множественного числа *Калы* (Мовознавство. Т. XIV. К., 1957). К сожалению, П. Я. Черных ничего не сказал о структуре топонима и о причинах именования, что очень важно для научной этимологии. Однако само указание на наличие в нем корня *кал-* — бесспорная удача исследователя. Корневое слово *кал*, сузившее свое значение в современном русском литературном языке (испражнение, помет), в русских народных говорах, а также в древнерусском языке и в других славянских языках часто употребляется в значениях «жидкая грязь», «топь», «болото», «слякоть», «тина» и т. д. Например: старославянск. и древнерусск. *кал* — «грязь, тина, слякоть», болгар. *кал* — «грязь», «осадок», словац. *kał* — «грязная вода», «жидкая грязь», «осадок», польск. *kał* — «грязь», «лужа», «топь»; в староукраинском языке *кал* — «болото», «грязь» (это же значение отмечено и в украинском диалектном слове *кал*), старобелорусск. *кал* — «дорожная грязь» (в диалектах *кал* — «густая грязь») и т. д. (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 9). Сравните еще производные с этим корнем в русских народных говорах: *калега́* (*ка́лига*) — «слякоть, мокрый снег, непогода», *ка́лига* — «ненастная погода (дождливая, с мокрым снегом)» [Словарь русских народных говоров]; в украинском языке: *кальний* — «грязный», *кальнисть* — «грязь», *кально* — «грязно», *каляня* — «мазанье, пачканье», *каляти* — «пачкать, грязнить» и др.

(Грінченко Б. Словарь української мови). Количество примеров можно увеличить. Все они свидетельствуют о том, что корень *кал-* в древности имел широкое значение «грязь, нечистоты; грязнить, пачкать», сохраняющееся во многих современных славянских языках. Естественно, что он отразился и в славянской, в том числе и русской, гидронимии. Это прежде всего летописное *Калка* (в «Книге Большому чертежу» — *Калы*), в настоящее время сохранившееся как название одного из притоков Кальмиуса, впадающего в пределах Донецкой области УССР в Азовское море. Особенностью многих речек бассейна реки Кальмиус (*Калки* или *Кал*) является мутная, очень минерализованная вода и топкость берегов и русла. В бассейне Десны, левого притока Днепра, имеется речка *Калище* (Черепанова Е. А. Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы. 1984). Среди гидронимов Верхнего Днепра находим название *Калита*, в котором к старорусскому корню *кал-* присоединен суффикс *-ита*, по-видимому, балтийского происхождения (Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья).

Топоним *Калитва* представляет собой такое же структурное образование, как и слова типа *битва*, *жратва*, *бритва*, *молитва*, диалектное (владимирское) *литва́* — «сильный дождь», в которых выделяется суффикс *-тва*, присоединенный к глагольной (инфинитивной) основе. Видимо, такого же происхождения и донское диалектное существительное *галитва́* — «бедняки» (Словарь русских донских говоров), в истоках которого лежал глагол *голить* (ср. *голытьба* от *голый*), и украинское слово *шитва́* — «шитье» (с предметным значением), имеющее другое родовое окончание. Форма *Калитва* отличается от приведенных выше существительных ударением на последнем слоге. Однако в диалектной речи эти слова (за исключением *молитва*) имеют ударение как на первом, так и на коловечном слоге. Акцентологические (связанные с ударением) варианты этих слов могут иметь неизвестные литературному языку значения: *б́итва* и *бита́* — «возня, хлопоты, мученье», «бойкий ребенок»; ср. еще *бита́ мяча* (Словарь русских народных говоров); *брита́* — «большой острый широкий нож для очистки кожи» (там же); *жра́тва* — «обжора» (там же). Ср. также укр. *Литва́* и *Літва* — слово, употреблявшееся не только как топоним, но и как нарицательное существительное с собирательным значением «белорус» (Грінченко Б. Словарь української мови).

Первоначальным значением слова *калитва*, вероятно, было «грязная вода» или «топкое, грязное место». Берега Белой Калитвы состоят из меловых толщ, в них часто «обнажаются мел и белые рудняки, кремнистая глина» (Труды Общества испытателей при-

роды при императорском Харьковском университете. 1873). Река Черная Калитва имеет такие же меловые берега в своем нижнем течении (там же). Можно допустить, что данный топоним вначале имел узко локальную привязанность, относился не ко всей реке, а к какому-то ее участку, а затем уже распространился на все ее протяжение.

Гидроним *Калитва* интересен для нас как диалектное (возможно, древнерусское диалектное) слово, сохранившееся в «отраженном» состоянии — только в виде географического названия. Такие собственные имена обладают «реконструктивными возможностями», позволяющими восстановить утраченные языком и нигде не зафиксированные нарицательные имена (Смолицкая Г. П. Ономастика в историческом словаре общелингвистического типа. — В кн.: Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984). Слово *калитва*, перешедшее в топоним, могло быть местным географическим термином, обозначавшим определенную разновидность природных объектов, которые отличались наличием грязи, загрязненной воды. Возможно, так называли вязкие, заболоченные места.

Кроме Донского бассейна, это слово — но только в качестве оронима (названия возвышенности) — встречается в Среднем Поднепровье: возле села Китайгород Царичанского района Днепропетровской области УССР находится холм или гора (так называют его местные жители) *Калитва*, круто спускающаяся к Орели, левому притоку Днепра (Ляскоронский В. Г. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области днепровского левобережья. М., 1911). Она резко выделяется на плоской равнине, занимая площадь в 480 гектаров. В древности на ней был сторожевой пост запорожских казаков. Неправильное землепользование, начатое на ней более ста лет тому назад, нанесло ей огромный ущерб, вызванный эрозией почвы. Земля «потекла», гора надвигалась на близлежащее село, затапливая его потоками жидкой грязи, пока ее склоны не засадили деревьями и кустарниками. Эта наступавшая на село грязь, размытая глина (одна из улиц так и называлась раньше — *Глинище*), по-видимому, обозначалась в речи местного населения словом *калитва*, впоследствии превратившимся в название самой «горы».

Итак, в старину на среднем и нижнем Дону появились два одинаковых гидронима *Калитва*, что привело к неудобствам при идентификации их с географическими объектами, при ориентировании в пространстве и со временем вызвало появление при них различных определений — *Белая* и *Черная*, в самом значении которых содержится резко выраженное противопоставление. В вер-

вом из них первоначально могла получить отражение такая природная особенность реки, как меловые отложения на ее берегах или беловатый цвет воды от растворенного в ней мела. Второе определение могло возникнуть уже как «реакция» на первое. Оно по отношению к нему вторично. В нем не было указания на этот же признак реки, имеющей такие же меловые берега; оно только «предупреждало», что это другая река с подобным именем.

Название левого притока Северского Донца речки *Калитвенец*, или *Калитвеница*, также связано со словом *калитва* и является уменьшительной формой последнего. Речка *Калитвенец* меньше находящейся рядом *Калитвы*. *Калитвенец* отмечается в «Книге Большому чертежу». Она делится на Малый и Большой *Калитвенец*. Последнее название передко переходило и на всю реку. Отсюда варианты гидронима: *Калитвенец*, *Калитвеница*, *Большой Калитвенец*, *Большая Калитвенская*, встречающиеся в письменных источниках XIX—XX веков. Приращение *-ен-* в суффиксах *-ец* и *-иц* (а) появилось от основы прилагательного, образованного от гидронима. В прошлом оно было широко представлено в многочисленных названиях пунктов в бассейне Белой Калитвы. Это ставицы, хутора и поселки: *Калитвенская*, или *Калитвянская* (сейчас город *Белая Калитва* Ростовской области РСФСР), *Усть-Белокалитвенская*, *Егоро-Калитвенский*, *Марково-Калитвенский*, *Мартыносо-Калитвенский* и т. д.

Донецк

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«У Чехова, Гоголя, Толстого я много раз встречал слово *пулярка*. По смыслу было ясно, что это птица, но — какая? Я о них нигде больше не слышал».

Н. И. Саенко, Харьков

Пулярка — вовсе не какая-то неизвестная нам птица, хотя название это сейчас почти нигде не употребляется. *Пулярка* (от франц. *poularde*) — это специально откормленная, жирная курица.

■

«Никто не может мне сказать, что такое *благовест*. Помогите, пожалуйста».

С. П. Иванова, Тюмень

Благовест — колокольный звон, извещающий о начале службы в церкви.

Весна — красна

В. Н. Вакуров,

доктор филологических наук

В жизни наших далеких предков очень важными были годичные смены явлений природы. С древнейших времен отмечались зимнее и летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие.

В XVI веке в Московском Кремле совершался интересный календарный обряд: 12 декабря по старому стилю «перед царем представлял звонарный староста Московского собора как блюститель „часобития“ (звона часов), бил челом и докладывал, что „отселе возврат Солнцу с зимы на лето, день прибывает, а ночь умалывается“. За эту радостную весть царь жаловал старосту деньгами — выдавалось 24 серебряных рубля» (Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси).

Особое место в годичном цикле занимало весеннее равноденствие, когда зима поворачивала на весну. Месяц март — время бурного возрождения природы, усиления активности солнца. Этот период воспринимался как начало жизни. Поэтому в древности именно с марта начинался новый год.

Люди с радостью встречали долгожданную весну, в честь ее пели песни-призывы — *веснянки*. Их собственно, не пели, а клика-

поел да со двора. Мужик, поспешая вспахать делянку, сказал: За весной пашней шапка с головы свались, не подыму!

Приход весны совпадает с прилетом птиц — жаворонков, куликов, перепелов, ласточек и др. Поговорки отмечают: *Жаворонок к теплу, зяблик к стуже; Прилетел кулик из заморья, принес весну из неволя; Сколько проталинок, столько и жаворонков.*

Как любой старинный крестьянский праздник, встреча весны сопровождалась разнообразными обрядами. Один из них — выпекание из теста птиц. Крылышки у них должны быть расправленными для полета, так как эти хлебные фигурки символизировали летящих птиц, несущих на крылышках весну. В головку таких птичек-булочек обязательно вставляли глаза-изюминки, сушеные ягоды черники или черемухи. В Восточной Сибири, выпекая из теста птичек, закатывали внутрь конопляное семя. Плодоносящая сила зерна (древнейшего символа плодородия), которое таило в себе тайну произрастания, должна была увеличить урожай, дать достаток крестьянской семье. Птичек прикрепляли к длинным шестам на веревочке, и они «летали» на весеннем ветру. Обращаясь к солнышку, девушки поднимали руки к небу и цели, призывая птиц, несущих из теплых краев весну:

Жаворóпочки,
Перепелушки,
Птички-ласточки!
Прилетите к нам!

Весну ясную,
Весну красную
Принесите нам.

Кстати, и в наши дни пекут жаворонков с глазками-изюминками. Толковые словари русского языка приводят слово *жаворонок* и в значении «сдобная булочка в виде птички».

К дню встречи весны пекли и перепелок, и куликов, и тетерочек, и ласточек, и снегирей. В некоторых местах эти сдобные птички-булочки называли словом *чувильята* или *чувильки* (слово это как бы передает пение птиц: *чувиль-чувиль*). В Костромской губернии записана такая веснянка:

Жавората, чувильята!
Прилетайте к нам.

В южных местностях России (например, в Курской, Орловской губ.) выпекали *куликов*. Они были довольно большого размера. В веснянках *кликали кулика*:

Летел кулик
Из-за моря,
Принес кулик
Десять замков.

— Кулик, кулик!
Замыкай зиму,
Отпирай весну —
Теплое лето.

Интересно, что в сибирских говорах название весеннего обрядового хлебца *кулик* стало употребляться в значении «свадебный пирог». Так, в Словаре русских народных говоров приводится такая запись, сделанная в Кемеровской области в 1964 году: «Молодухин пирог куликом у нас называют».

Куличком в пермских говорах называют ватрушку (с начинкой из каши, картофеля и др.). В шутливой песне поется:

У кого-то на столе
Куличок-картовничок.
Кто-то выйдет за ворота,
Чей-то полюбовничек.

В южных краях весна приходила раньше. *Увидал грача — весну встречай*, — отмечает поговорка. Обычно грачи прилетали к 4-му марта (стар. стиля) — дню *Герасима-грачевника*. *Грач зиму расклевал*, — говорили крестьяне, глядя на волглый, осевший от мартовского солнца снег. И чтобы ускорить прилет грачей и, следовательно, приход весны, в день Герасима-грачевника пекли *грачей*.

Но чаще всего выпекали *жаворонков*, потому что настоящая весна начиналась с прилетом этих посланников Солнца. И уж очень они радостно, голосисто и весело пели свою весеннюю песню. Известна поговорка: *Весела, как вешний жаворончек*. В саратовских говорах саму песню-веснянку называли словом *жаворонки*, например: «В этом году поздно начали жаворонков петь». Обращаясь к жаворонкам, пели:

Жавороночки,
Прилетите к нам,
Тенло-летичко

Принесите нам,
Зима надоела —
Весь хлеб поела.

Обращались к жаворонкам с ласковыми названиями: *жавората*, *жаворёнки*, *жавороночки*, *жаворяточки*, *жаровлёнки*, *жавролёночки*, *жавронушки*.

Распевая веснянки, девушки и парни водили хороводы, играли в хороводные игры. Одна из этих игр называется *перепелочка*. В веснянках не только жаворонков и перепелочек просят принести весеннюю благодать. Вспоминают и синиц, и снегирей, и щеглов, и, конечно, озорников воробьишек:

Синички-сестрички,
Тетки-чечетки,
Краснозобые
Снегирюшки,
Щеглата молодцы,
Воры воробьи!

Вы по воле
Полетайте,
Вы на вольной
Поживите,
К нам весну
Скорей ведите!

Встречая весну, обращались с песнями-закличками к разным птицам. Но чаще всего «кликали жаворонка».

Жаворонок, возвещающий звонкими трелями весну, издавна почитался певцом русских просторов.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

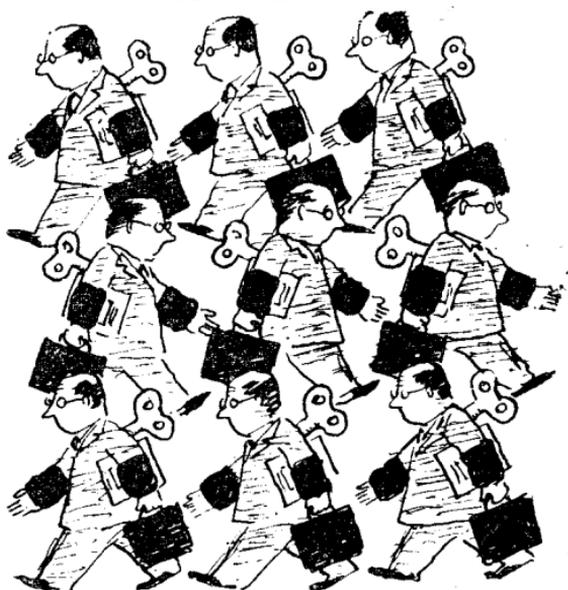
«Хотел бы точно знать, как меняется смысл слова с приставкой *псевдо*. Что она означает?»

Н. И. Березовский, Харьков

Первая составная часть сложных слов *псевдо*... (от греческого *pseudos* ложь, вымысел) обозначает «ложный», «мнимый» — и соответственно этому меняется смысл слов. Например, *псевдокультура* — мнимая, лишь внешняя культура, поверхностное ее проявление. *Псевдоинтеллигентность* — чисто внешнее проявление культуры и интеллигентности.

В русском языке есть и первая составная часть сложных слов *лже*... с тем же значением «ложный», «мнимый».

ЗАВЕДЕННЫЕ ЧАСЫ

И НЕРЕЗАННЫЕ СОБАКИ

В. М. Мокиенко,
доктор филологических наук

Устойчивые сравнения в своем подавляющем большинстве прозрачны, понятны каждому. Ведь сама сущность сравнения — намеренное подчеркивание качества какого-либо явления, лица или процесса указанием на его сходство с хорошо известным в данной среде объектом. Однако с течением времени или с изменением сферы употребления известное может стереться, стать затемненным, неизвестным. Таковы, например, *обре «авары»* в древнерусской поговорке *погибоша аки обре* «о бесследно исчезнувших, пропавших людях» из «Повести временных лет» или *зюзя «свинья»* в обороте *пьян как зюзя* «очень пьян».

Бывает, однако, и так, что слова, входящие в состав сравнения, всем хорошо известны, а конкретный образ все-таки допускает разночтения. В таких случаях тоже требуется особый — историко-этимологический — комментарий. Показательны в этом отно-

пени такие обороты, где образ строился не на одном, а на двух компонентах — существительном и его определении. Рассмотрим два типичных случая.

Некоторые лингвисты считают, что сравнение *как заведённый* «делающий что-либо без остановки, бессознательно, с механической точностью» связано с «заводом» конкретного — часового — механизма. «Ещё во второй половине XIX в. его (этого сравнения.— В. М.) в современном виде не существовало,— подчеркивает Н. М. Шанский.— И употреблялась несокращённая форма фразеологического единства *как заведённые часы* (ср. у Л. Н. Толстого: «Князь... по привычке, как заведённые часы, говорил вещи, которым он и не хотел, чтобы верили», у В. Даля: «Василько молот без умолку, как заведённые часы», и т. д.). После сокращения оборота причастие стало изменяться по числам и родам. Рядом с одной-единственной ранее формой *как заведённые* (в составе выражения *как заведённые часы*) появились формы *как заведённая*, *как заведённый*» (Шанский Н. М. В мире слов). Такое объяснение повторяется и другими фразеологами (например, В. К. Вакуровым в заметке «Как заведённый». — Рабоче-крестьянский корреспондент. М., 1979. № 4), излагается в сокращённом виде в недавно вышедшем «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» (М., 1987) Н. М. Шанского, В. И. Зиминой, А. В. Филиппова. Рассматривается оборот и на белорусском и украинском материале, *як заведзены* и *як заведений* возводятся к сочетанию *як заведзены гадзіннік* (Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 1984).

Однако такое объяснение не совсем верно. Ведь в прошлом веке причастие *заведённый* употреблялось гораздо реже в сочетании с *часами*, чем с другим существительным — *машина*. Так его употребляют, например, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, В. Г. Короленко: «[Завод] приносит мне до сорока тысяч чистого барыша, без всяких хлопот. Он идет, как заведённая машина» (Гончаров. Обыкновенная история); «[Шарманщик] милостыни просить не хочет; зато он для удовольствия людского трудится как заведённая машина» (Достоевский. Бедные люди); «Дом его был как заведённая машина, если бы не мешала ему немного жена его Федосья Кузьминична» (Одоевский. Саламандра); «Человек пошел покорно, как заведённая машина, туда, где над городом стояло зарево и, точно венец, плавало в воздухе кольцо электрических огней» (Короленко. Без языка).

Не случайно поэтому во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова не зафиксированы ни оборот *как заведённый*, ни *как заведённые часы*, по сравнению *как заведённая машина* не только иллюстрируется контекстами из про-

изведений пяти авторов, но и верно истолковывается как двузначное — «ритмично, однообразно, беспрерывно» и «механически, не раздумывая (делать что-л.)».

Шаблонность, автоматичность, рутинность характеризуемого сравнением действия, как мы видели, хорошо представлена особенно у И. А. Гончарова и В. Г. Короленко. Эта оценочность сохранена и «усеченным» вариантом, сейчас распространенным в просторечии, но попадающим и в литературный язык: «Нет, больше я не выдержу. Сколько мы уже бежим? Ого, пятьдесят минут. И все в таком темпе! Этот Склокин как заведенный. Да и остальные хороши — не люди, а рысаки» (Снегирев В., Шпаро Д. Путь на Север).

Явное количественное превосходство употреблений этого сравнения с существительным *машина* заставило Ф. Г. Гусейнова предположить, что именно на его основе создан просторечный усеченный вариант. Он предполагает, что в результате усечения образовалась форма *как заведенная*, а в связи с развитием абстрактно характеризующего значения, связанного с именами со значением лица, появилась и родовая оппозиция — *как заведенный* (Гусейнов Ф. Г. Русская фразеология. Баку. 1977). Надо добавить, что в прошлом веке это сравнение могло употребляться и в среднем роде, так как был его вариант — *идти заведенным колесом*: «Хозяйство шло заведенным колесом под наблюдением Ивлия и других начальников» (Эртель. Гарденины).

Итак, как будто бы прототип сокращенного сравнения — не *как заведенные часы*, а — *как заведенная машина*. Однако частота употребления второго оборота сама по себе еще не является абсолютным доказательством: ведь и В. И. Даль, и Л. Н. Толстой все-таки использовали сравнение с *часовым механизмом* в то же время, когда другие писатели употребляли его с *машиной* вообще. Более того, существует ведь и активно употребляется ныне сравнение *как часы*, которое также могло сыграть свою роль в активизации «часового» оборота и сделать его одним из источников сравнения *как заведенный*. Кто же из исследователей фразеологизма прав?

При обращении к другим языкам спор решается в пользу именно первичности представления о заведенной машине, а не часов. В славянских языках это сравнение регулярно сопрягается с заведенным механизмом или просто с машиной. Так, в болгарском языке обороты *говоря като навита машина* и *говоря като навита пружина* (букв.: говорить как заведенная машина или пружина) характеризуют болтающего попусту и механически, не вдумывающегося в содержание человека. Ср. также сербохорв. *говорити као навијен* (букв. говорить как заведенный), с одной стороны, и чешск.

délat со jako stroj (mašina) [букв. делать что-либо, как машина]. Столь же красноречивы параллели из других европейских языков: франц. *comme une machine*, англ. *like a machine* и нем. *wie aufgezogen reden* (букв. говорить как заведенный) являются точными эквивалентами русского *как заведенный* и при этом никак с часами не связаны.

Следовательно, наше сравнение *как заведенный* образовалось не в результате усечения оборота *как заведенные часы*, а в результате сокращения более общего — *как заведенная машина*. «Часовой» же оборот — лишь одна из частных конкретизаций «машинного».

Несомненно, конечно, что связь с часами для причастия *заведенный* в нашем сравнении не осталась бесследной. В некоторых употреблениях «заведенность» характеризует не столько рутинность, однообразность и механистичность, что свойственно всем иноязычным параллелям, сколько бесперебойность и «часовую» ритмичность. В этом, быть может, — некоторая семантическая специфика развития интернационального сравнения на русской почве. Любопытно и то, что в живой русской речи при всем видимом равноправии этих двух сравнений «часовое» все-таки оказывается и более положительным. *Заведенная машина* всегда характеризует того, кто, вроде автомата, бездумно выполняет заданную кем-то программу, в то время как *заведенные часы* могут приближаться и к характеристике человека, пунктуально, надежно и четко исполняющего свои трудовые обязанности. К. Н. Прокошева, например, записала в одной из деревень Пермской области такую фразу: «Она худо рóбит, не топит печки, то и стужа в школе. Когда я топила — как заведенные часы ходила, все печки в порядке были». Положительность оценки здесь налицо, ибо говорящая характеризует свою собственную деятельность.

Второй случай — история сравнения *как (что) собак нерезаных* «о множестве народа». Выражение это просторечное, с явно подчеркнутой иронично-пренебрежительной оценочностью обозначаемого им множества. Это не просто много людей, а много малозначительных лиц (с точки зрения говорящего, разумеется):

«Эко-ся, важная птица! В Петербурге исправников этих как собак перезаных» (Чехов. Капитанский мундир); «— Сочинитель? — переспросил он. — Который? — А вон этот, что нос-то набалдашником и один глаз на вас косит. Здесь этих сочинителей, что собак верезаных» (Лейкин. Наши забавники); «Они тебе не компания. Ты им хозяин, они твои слуги, так и знай. Они дешево стóят, и их везде как собак перезаных» (Горький. Фома Гордеев); «— Посмотр-

рим, посмотрим, — неопределенно пообещал Глеб. — Кандидатов сейчас как *нерезаных собак*» (Шукшин. Срезал).

Фразеологи объясняют значение причастия в этом обороте весьма специально. *«Нерезаный* — не кастрированный, — пишет В. М. Огольцев, — исходный образ: множество некастрированных собак вокруг самки» (Устойчивые сравнения русского языка. Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке. М., 1984). Здесь, собственно говоря, повторяется толкование М. И. Михельсона, который в своей работе «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» расшифровывает наш оборот словами «так много, как собак-самцов около самки» и приводит народное слово *нерез* «свиной самец, кабан (не борон)».

Можно ли принять столь оригинальное объяснение?

Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим языковые факты. Перед нами — иной тип развития сравнительного оборота, чем в случае с выражением *как заведенный*. Здесь, в отличие от последнего, и существительное, и определяющее его прилагательное остались на прежних местах. Что, однако, первичнее: форма с определением или форма без определения — *как собак*, которая также употребляется в русском языке в качестве пренебрежительного-оценочной характеристики множества людей?

В. М. Огольцев отвечает на этот вопрос в пользу выражения *как собак нерезаных*, считая *как собак* «неполным вариантом этого сравнительного оборота» (О фразеологизации устойчивых сравнений. — В кн.: Вопросы семантики фразеологических единиц. Часть I. Новгород, 1974).

При таком подходе смущает присутствие и других вариантов нашего сравнения, которые, кстати сказать, явно не укладываются в расшифровку причастия *нерезаный* как «кастрированный»: *как собак небитых, как собак недобитых, как собак невешанных*. Последний оборот употреблялся и в литературном языке прошлого века: «Да при десятке миллионов ей стоит свистнуть, так мужей с левой стороны набегит как собак невешанных» (Соколов А. А. Тайна). Аналогичные факты можно найти и в других славянских языках. В сербохорватском, например, есть сравнение *има кога као кусих (кусатих) паса*, точно соответствующее стилистически нашему. Прилагательное *куси* или *кусати* здесь значит «бесхвостый, куцехвостый». *Недобитый, небитый, невешанный* и, наконец, «бесхвостый» — все это признаки уличных собак: их бездомности, бесполезности. *Нерезаный* «кастрированный» вступает в противоречие с этой характеристикой, да и с простой логикой сравнения. В самом деле: кому придет в голову кастрировать бездомных собак?

Важно, что активная вариантность определения к слову *со-*

бака заставляет по-иному посмотреть на соотношение сравнительных оборотов с определением и без него. Вряд ли, скажем, сербохорватское выражение могло развиваться из русского оборота о перезанных собаках. Видимо, и русские сравнения с повешанными, небитыми и недобитыми собаками — лишь варианты оборота без определения: *как собак*. На его большую древность и широкий диапазон распространения указывают факты разных славянских языков. Так, в чешском, словацком и польском языках нет определенных оборотов, но есть краткие: *je jako psů, ako psov, jak psów*. В пользу активности именно этого оборота говорят и его варианты типа *людей меньше, чем собак*, который употреблял, например, Н. В. Гоголь: «Иван Иванович оделся, взял в руки суковатую палку от собак, потому что в Миргороде гораздо более их попадается на улице, пещеле людей, и пошел» (Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем).

Все эти факты показывают, что вариант *как собак перезанных* вторичен. Это — развертывание более известного и древнего сравнения *как собак*.

Ясно и то, что толковать причастие *перезанный* как «кастрированный» здесь нельзя, ибо это вступает в противоречие с целым рядом других определений. *Перезанный* — это примерно то же, что и *невешанный* или *недобитый*, то есть относится к глаголу *резать* в значении «убивать чем-то острым».

Несколько слов можно сказать и о правописании нашего выражения. В различных толковых словарях оно приводится то с двумя *н*, то с одним *н*: *как собак перезан(н)ых*. Видимо, более правильным будет последнее написание. Ведь в составе сравнительного оборота причастие *перезанный* уже приобрело устойчивое качественное значение, то есть стало почти прилагательным.

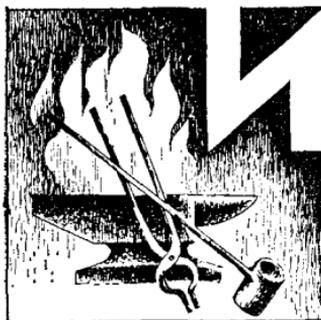
Как видим, история сравнительных оборотов *как заведенный* и *как собак перезанных* различна. В первом случае развитие шло от большей единицы к меньшей. Во втором — от меньшей к большей. Но в этой истории есть и одно общее: авторы популярных версий о происхождении этих двух оборотов с излишним доверием приняты историко-этимологическую интерпретацию своего предшественника М. И. Михельсона, собрание которого, несмотря на обилие богатого и яркого материала по русскому образному слову, авторитетный лингвист Б. А. Ларин справедливо назвал в свое время «сборником средневековых анекдотов». Для опровержения исторической анекдотичности и нахождения исторической истины необходимо прежде всего сопоставлять русский материал с близкородственным славянским,

Ленинград

Из горнила испытаний

А. В. Голубева,

кандидат филологических наук

История слов порой не совпадает с историей тех вещей, которые этими словами именовались. Поэтому лингвист не всегда может ответить, как называли наши предки тот или иной предмет, изображенный на старинной миниатюре или выставленный в музее. Чтобы избежать неточностей при установлении связей между предметом и словом, необходимо сотрудничество са-

мых разных специалистов. Так, из старославянских текстов пришло в русский язык и дожило до наших дней слово *горнило*. Оно имеет сейчас несколько значений.

В качестве прямого для *горнило* обычно приводится значение «горн», печь для накаливания и переплавки металлов или для обжига керамических изделий и т. п. (иногда с пометой «книжное», «устаревшее»): «Кузнеца будить не надо, Он давно к горнилу встал» (Яшин. Алена Фомина. Здесь и далее литературные примеры взяты из Словаря современного русского литературного языка). «(Черт) подымал из горнило в кузнице золу и обсыпал ею картину» (Гоголь. Ночь перед Рождеством). Однако более часто слово употребляется в переносном значении, обозначая средоточие испытаний, переживаний: «Я (Печорин) увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнило их я вышел тверд и холоден, как железо» (Лермонтов. Герой нашего времени); «Жизнь его... выковывалась и закалялась в горнило политической борьбы» (Павленко. А. М. Горький — 4-томный Словарь русского языка). Наконец, Словарь современного русского литературного языка отмечает третье значение — «под русской печи» (с пометой «областное») [*под* — нижняя горизонтальная поверхность в печи, в печной топке]: «Трубу отодвинули дальше и поставили над самым горнилом...» (Гл., Успенский, Скучающая публика),

Из приведенных нами примеров, на первый взгляд, следует, что переносное значение развилось на базе первого, ведь кузнечный горн, действительно, служит местом закалки стали. Но обращение к ранним письменным источникам, а также к истории материальной культуры славян ставит под сомнение такой путь развития значения слова.

Самые древние случаи употребления *горнила* зафиксированы в старославянских переводах ветхозаветных текстов и цитатах из них в древнерусских памятниках. Обычно это сравнения с золотом, но не закаленным, а «искушенным», испробованным в горниле: «Не введуще, яко бог кажет рабы своя папастми ратными, да явится, яко злато искушено в горниле» (Симеоновский список Лаврентьевской летописи. 1096 г.). В ряде примеров речь идет об очищении другого благородного металла — серебра: «Яко же гръныл очиштает неискусно сребро» (Пандект Антиоха. XI в.). Может описываться плавка разных металлов при изготовлении ювелирного изделия: «Собра во едино злато... медь и олово и железо... и вложи в горнил и егда смесишася, слия трапезу в меру ея» (Хронограф 1512 г.). Эти примеры и им подобные приводят к мысли, что первоначально *горнилом* вряд ли назывался кузнечный горн.

Как уже отмечалось, наиболее часто *горнило* упоминается в ранних памятниках для обозначения места испытания, очистки или просто плавки золота или серебра. Известно, что добыча и обработка этих металлов существенно отличались — и в средние века, и сейчас — от получения, например, железа, для плавки которого использовались особые сыродутные горны. Цветные металлы плавил в Киевской Руси в специальных плавильнях. При раскопках на местах древнерусских ювелирных мастерских выявляется, что обработка благородных металлов начиналась с так называемой очистительной плавки. Поскольку в нашем материале мы встретились с упоминанием этого процесса, остановимся на нем подробнее.

Можно предполагать, что из существующих способов очистки благородных металлов в средние века была распространена плавка со свинцом. Об этом пишет, например, пресвитер Теофил (X в.) в трактате для начинающих ремесленников. Согласно Теофилу, специально изготовленный тигель (сосуд из огнеупорного материала для плавки, варки или нагрева различных материалов) помещался в печь и разогревался там с помощью мехов. Затем в него клали серебро, немного свинца и растапливали. Очистительная плавка со свинцом основана на способности тигля впитывать окислы неблагородных металлов, серебро же или золото оставались в тигле в виде слитка — *королька*.

Обращает на себя внимание тот факт, что очистка производилась в особых тиглях. Изготавливали их сначала из глины, а позже — из костяной золы, которая лучше впитывала шлаки. В современном производстве костяные чашечки-тигли называют *капеллями*, а сам метод отделения золота и серебра от окисляемых металлов путем прокаливания со свинцом в кацели — *капеллированием*.

Археологические данные свидетельствуют, что в домонгольской Руси, как и в средневековой Европе, были известны только глиняные тигельки. Отличием восточнославянской технологии было, однако, то, что горн с мехами в ювелирном деле не применялся довольно долго. Раскопки показывают, что мастера работали в обычных жилых домах и использовали для плавки обыкновенные хозяйственные печи. Возможность плавки в домашних условиях объяснялась и мизерным объемом производства, и сравнительно низкой температурой плавления золота и серебра (эти металлы обрабатываются даже методом холоднойковки).

Таким образом, ни плавильная печь, ни горн не являлись в период раннего средневековья у восточных славян необходимым компонентом процессов очистки и литья благородных металлов. Главную роль играли небольшие глиняные тигли, которые нагревались в обычной печи. С помощью их проводилась последующая операция, о которой упоминают древнейшие тексты: «искушение», или, говоря современным языком, пробирный анализ золота (методом огневой пробы). На основании этого можно предполагать, что горнило, участвующее и в плавке, и в очистке, и в искушении золота, — это не горн и не печь, а плавильный тигель. Огневая проба, которая производилась аналогично описанной выше очистительной плавке серебра, стала, как мы полагаем, основанием для известного в древнерусской книжности сравнения с золотом, искушенным в горниле, а позднее — для переносного значения слова: горнило как место испытаний, переживаний. Еще в XIX веке находим правильное, с точки зрения внутренней формы, использование упомянутого сравнения: «Пусть дух изведает страданье, В борьбе пусть будет закален; И из горнила испытанья И чист и крепок выйдет он» (Плещеев. Не говорите, что напрасно...). Действительно, плохо очищенное золото хрупко. Однако уже в XVIII веке первоначальное прямое значение начинает забываться и *горнило* сближается в значении со словом *горн*. В «Словаре Академии Российской» так и читаем: «Горнило... То же, что и горн».

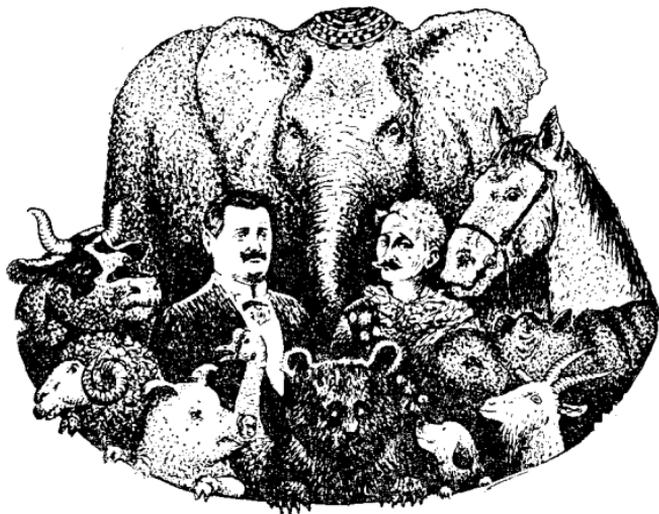
То, что *горнило* значило первоначально «тигель», подтверждается не только внеязыковыми, но и собственно лингвистическими

фактами. Не вызывает сомнения, что это слово является образованием от *горн*. Но при этом часто забывают, что *горном* в древнерусском языке называлась не только особая печь с дутьем, но и горшок. Это значение отразилось в таком слове, также образованном от *горна*, как *гончар* (из *гърнчар*). Впервые именно с этим — кстати, и более древним — значением *горна* связал горнило Б. А. Рыбаков. Он приводит *гърнило* в качестве синонима для слов *гърн* и *гърньц* и видит здесь отражение последовательного перехода от плавки железа в горшке к работе в горне (Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси). Отражением такой синонимии можно считать варьирование в разных списках древнерусских текстов этих трех слов. Так, в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» в статье за 1096 год, отрывок из которой по другому списку той же редакции нами приводился ранее, вместо сочетания *в горниле* употреблено *в горну*. А при цитировании того же места из Ветхого завета в Изборнике 1073 г. встречаем «злато в гърньци». Последнее слово всегда обозначало в церковнославянских текстах только «горшок».

Итак, *горнилом*, видимо, изначально назывался небольшой плавильный тигель, в котором очищали от посторонних примесей благородные металлы, опробовали их чистоту. Отсюда понятно и переносное значение — «место испытаний, переживаний». Но, пройдя через горнило времен, слово утратило первоначальное значение. Этому способствовали и переход отыменной словообразовательной модели с суффиксом *-ил-о* в разряд непродуктивных, и изменение, точнее, сужение значения производящего слова. После того как *горном* стали называть только особую печь, *горнило* также перестали соотносить с горшком. В литейной терминологии утвердилось со временем другое заимствование — *тигель*. Горнило же безболезненно перешло из мастерской золотых дел мастера в литейную мастерскую. Из сказанного следует, что толкование древнерусского *гърнило* через современное *горнило*, принятое сейчас в исторических словарях, является не совсем верным.

Ленинград

БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ

В. В. Касаркин

В последнее время все более усугубляются в мире нравственные и экологические проблемы. И нам приходится чаще слышать и говорить слова в защиту всего живого, в частности, — в защиту *братьев наших меньших*: «Мир начинает верить в то, что... убивать себе подобных нельзя, ибо это приведет к гибели. А „братьев меньших“ можно? И кто поручится, что это к гибели не приведет? „Тайм“ писал: „Вымирание биологических видов... может нанести вред, сопоставимый только с последствиями ядерной войны“. Именно новое мышление восстает против охоты» (Голованов Я. Люди! Мы все очень хотим жить! — Московские новости, 1988. № 3).

Откуда пришло к нам это выражение?

В вышедшем в 1988 году в издательстве «Художественная литература» четвертом, дополненном посмертном издании Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова» читаем: «*Братья наши меньшие*. Это выражение пошло от стихотворения С. Есенина (1895—1925) „Мы теперь уходим понемногу...“ (1924):

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове».

Такой ответ не точен. Ведь выражение *братья наши меньшие* использовалось в печати и до С. Есенина. Кроме того, следует обратить внимание на то, что при восприятии этих строк на слух и чтении «с листа» мы порой начинаем сомневаться, что же конкретно хотел сказать поэт. При произношении есенинских строк *зверье* выступает для нас в качестве *братьев наших меньших*, при прочтении — перед нами сравнительный оборот, выделенный запятыми, смысл которого, возможно, — «я не обижал зверей, так же как и людей, низших по званию, по общественному положению».

Выражение *братья наши меньшие* имеет глубокую историю. Оно пришло в язык из Библии: «...и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его (праведникам.— В. К.)... так как вы сделали это (добро: накормили, напоили, одели, посетили в несчастии страждущего.— В. К.) одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Евангелие от Матфея). Строки из этого библейского текста находим в летописях: «слыша бо Г(с)а гл҃ца. аще створисте братье моеи меншеи. то мне створисте» (Лаврентьевская летопись под 1377 г.).

В старину на Руси *братьями нашими (моими) меньшими*, а также и *младшими, младшими*, назывались удельные князья по отношению к великому князю (брату старшему по социальному положению в феодальном обществе): «посла Всеволод... в помочь Володиславу на *братию его на меншую Болеславиче*» (Лаврентьевская летопись под 1377 г.); «...мне еси части не оучинил в Роуской земле. но раздал еси инем. *моложьшим братьи своеи*» (Ипатьевская летопись под 1425 г.) [См.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I. М., 1988].

Братьями нашими меньшими, меньшей собратьей, меньшим братом назывались и просто люди невысокого общественного положения, нуждающиеся в защите и помощи.

Такое употребление мы часто встречаем в художественной литературе и публицистике XIX века: «Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной/Заняться службою гражданской иль военной,/... Чем объявления совать во все журналы,/Вельможе пошлые кропя мадригалы,/Над *меньшей собратьей* в поту лица острясь...» (Пушкин. «Французских рифмачей суровый судия...»); «...слуги, дворовые люди, особенно прежние крепостные — тоже „народ“, тоже принадлежат к *меньшей братии*» (Гончаров. Слуги старого времени); «Оно (зрелище нищеты.— В. К.) знакомит нас с бытом наших *меньших братий*, возбуждает к ним участие и дает возмож-

ность подать им руку помощи вовремя и кстати. ...Сбросив вековой хлам предубеждений, мы ощутим себя близкими к жизни наших *меньших братий* и сумеем помочь им во время и кстати, обнаруживая противящиеся гигиене стороны общественной жизни» (Лесков. О рабочем классе.— Современная медицина, 1860, 18 авг.); «...проникшая в наше сознание необходимость внимания к *меньшому брату*» заставит нас все более и более осложнять эту случайную близость отношений» (Успенский Г. И. Очерки переходного времени).

Выражение *меньший брат* использует В. И. Ленин в работе «Шаг вперед, два шага назад», написанной в 1904 году: «Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа пекущиеся о меньшем брате!» (Полн. собр. соч. Т. 8. С. 376).

В начале XX века *меньшими, младшими, низшими братьями* в России стали называть и животных. Это было связано с гуманной деятельностью известных дрессировщиков братьев А. Л. и В. Л. Дуровых, которые считали животных очень разумными и добрыми существами и добивались выдающихся результатов в дрессировке с помощью доброты и ласки. «Животные — те же люди» — говорил Владимир Леонидович. В книге «В жизни и на арене» (Воронеж, 1914) Анатолий Леонидович писал: «Кто знает, каким умом бывают одарены некоторые животные, тот не станет спорить, что эти *младшие дети Природы* (т. е. наши братья меньшие.— В. К.) могут быть способными учениками».

Братья Дуровы считали животных „маленькими людьми“, пуждающимися в доброте, откликающимися на заботу и ласку, а отсюда и перепос на них выражения *братья наши меньшие, младшие, низшие*: «Я уже писал ранее, что между человеком и животным стоит вечное недоразумение: человек не понимает психику животного, а животное — человеческую. Как же сломать эту преграду? Я обвиняю прежде всего человека. Мы, люди,— высшие животные, почему-то игнорируем *своих младших братьев* и проходим мимо них, не желая вникнуть в их психику, понять животное, чего оно хочет, что оно в настоящее время тем или другим движением выражает, и идти ему, животному, навстречу, чтобы тем вызвать и у него желание общения и разговора с вами» [Дуров В. Л. Дрессировка животных. Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу (40-летний опыт). М., 1924].

Братьев наших меньших, младших, низших мы встречаем и в материалах, связанных с деятельностью Дуровых: «„Не мудрствуя лукаво“ *низшие братья наши* часто во многом стоят выше нас, и тот, кто дает себе труд ознакомиться с ними и поучиться у них, никогда об этом не пожалеет» [Васильковский П. Е. Чудеса

животного мира (Зоология для всех). Хрестоматия для чтения в семье и в школе. СПб., 1911 (Второе издание вышло в 1913 году, также большим тиражом)]; «Перед умами возникла возможность соединить разошедшиеся русла реки жизни, образовав снова единую семью людей и животных — наших младших братьев. ...Если животные мыслят, то мы должны искать гениев животного мира и, конечно, прежде всего в той стране, где мы живем» — так описывал «Уголок» Дурова корреспондент газеты «Новь» (6 апреля 1914 г.).

Великая Октябрьская социалистическая революция упразднила деление людей на высшие и низшие сословия. И интересующее нас выражение стало относиться обычно только к животным.

В наше время выражение *братья наши меньшие* обычно употребляется в значении «представители животного мира». Широкому распространению оборота в таком значении способствуют гуманные идеи бережного отношения к живой природе, находящейся в опасности; нарастающее понимание того, что все живое на земле — одна семья и гомо сапиенс как *старший брат* является ответственным за жизнь и судьбу *братьев своих меньших*.

От дружбы между *братьями старшими* и *младшими* выиграют все. Ведь «Общение с „меньшими братьями“ считается даже своеобразной терапией, способной снимать стрессы, излечивать от сердечно-сосудистых и психических заболеваний, сглаживать одиночество и нередко продлевать жизнь. Известно, например, что подавляющее число преступников, совершивших тяжкие преступления, связанные с насилием, в детстве мучили животных. Так что воспитание гуманного отношения к животным — также один из действенных методов воспитания нравственности вообще» (Оранская М. Для тех, кто рядом с нами.— Известия, 1988, 8 ноября).

Иногда наше выражение употребляется даже в «расширенном» значении «вся живая природа, за которую мы в ответе» (см., например «Смену», 1988, № 17): «Экологическое образование начинать, как мне кажется, надо хотя бы с того, чтобы научить различать по именам всех *своих братьев меньших*. Я здесь имею в виду не только живые существа, но и травы, цветы, деревья» (Валентин Распутин. Что творим...).

Полые дверь — вода...

В. К. Юношева

Для зятя и дверь пбла — говорит старое русское присловье. Как его истолковать? Чтобы ответить на этот вопрос, сделаем небольшой экскурс в этимологию и историю слова *полый*.

Слово *полый* — очень старое. Так, в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского у него отмечается значение «открытый», по которому оно может противопоставляться, например, в «Хождении Игнатия Смольянина» (1392 г.) прилагательному *покрытый*: «Над гробом же Господним большая церковь есть, верх у неи *пол*, над гробом же Господним все *покрыто...*». Аналогичное употребление прилагательного *полый* можно встретить даже в текстах художественной литературы наших дней, например: «До самой ночи ворота были *полыми*, а когда стемнело, пришлось нам их все же закрыть» (Астафьев. Бабушкин праздник).

Как же квалифицируют толковые словари русского литературного языка такое употребление слова? Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, 17-томный Словарь современного русского литературного языка и 4-томный Словарь русского языка относят его к сфере областной, диалектной речи. Таким образом, *полый* в значении «открытый» находится на периферии русского литературного языка, используется в нем только в целях стилизации, отражая местную особенность речи. *Полый* отмечается в словарях русских народных говоров. Так, в «Словаре областного архангельского наречия» А. Подвысоцкого (СПб., 1885) читаем: «*Пблый* — открытый, отворенный. Говорят: *полая дверь, полое окно*». Исходя из сказанного, смысл приведенного в начале речения становится понятным.

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера прилагательное *полый* прямо соотносится со словами *половодье, водополье*, которые, в свою очередь, сравниваются с литовским *aĩralas* «наледь», латышским *raļi* «наводнение». Этимологические словари у *пол* отмечают прежде всего такой семантический компонент, как «открытый, распахнутый». Кроме этого, древнерусское слово *пол* связывают с *пустой*. Так, А. Преображенский в «Эти-

мологическом словаре русского языка» (1910—1914) пишет: «*Полый*, пустой внутри... Отсюда, по нему, *пóлость* (пустота внутри, впадина), общерусское *попынь* („дезамерзшее место в реке“), *половодье* (севск.), *вбдополь*, *водополье* („весенний разлив вод“»).

В языке старшей поры было широко употребительным сочетание *полая вода* (т. е. вода, разлившаяся после вскрытия рек). Например, в «Путешествии Арсения Суханова» (1651 г.) читаем: «Вода из Дуная под самой стеной, а как *полая вода*, ино с трех сторон все вода обойдет»; «А как *полая вода* и река потечет сквозь град, нарочно сделан ров великой каменной»; «Мост деревяной на речке высок, для *полой воды*, а мы в брод проехали».

Употребление этимологически родственного сущ. *полбй* в значении «ложбина, впадина, в которой застаивается вода в половодье» [*Полб(у)* на Вя(т)ке реке великие на те *полб(у)* струги заметывало потому что на ни(х) людеи мало» (Акты Астраханской воеводской избы. XVII в.)] также поддерживало широкое функционирование родственных слов: *половодье*, *водополье* и др.

Уже в XVII—XVIII веках прилагательное *полый* могло употребляться не только по отношению к тому, что открывается или раскрывается, но и более широко: для обозначения ничем (или никем) не заполненного места, ср.: «А для хлебнаго печенья велеть нечи поделать на *полых* местех, где бы было не близко хором» (Пример XVII века.— Полное собрание законов Российской империи. Т. III. СПб., 1830); «Сей остров фигуру имеет полумесяца, котораго *полая* середина» (Крашенинников. Описание земли Камчатки, 1755 г.). Постепенно такое употребление прилагательного *полый* закрепляется в русском языке, и толковыми словарями квалифицируется как «пустой, имеющий пустоту» (напр. Словарем Академии Российской.— СПб., 1793. Ч. IV).

На протяжении XVII—XVIII веков прилагательные *полый* и *пустой* часто выступают как синонимы, уточняющие друг друга, например: «Землю... или площадь возможно наилучше обороняти, каменной стеной *полым* или *пустым* строением» (Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовым... М., 1708). Такая семантическая близость и даже тождественность слов были типичны для русского литературного языка конца XVII—XVIII веков, когда шел процесс выработки единых норм словоупотребления. Семантически более емкое прилагательное *пустой* вовлекало *полый* в круг своего функционирования.

Особенно широко прилагательное *полый* употреблялось по отношению к емкостям, вместилищам, каким-либо полостям и обозначало «пустой внутри, ничем не заполненный». Преимущественная сфера распространения прилагательного в этом значении —

тексты научного характера, например: «У сего [зуба] было *полое* место в корени в диаметр в 6 дюймов» (Примечания в Ведомостях 1730 года, О мамонтовых костях); «Сии тоненькие трубочки с обоих концов *полы*» (Ломоносов. Вольфианова экспериментальная физика, 1746); «Там родится много и гремящих камней..., по тому что глина лежащие одип на другом дикие камышки вместе сплываает, и с ними каменеет; ибо тогда делается нутр *полой* с песком или с катающимися камышками» (Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи).

Прилагательное *полый* можно было встретить и в составе фразеологического оборота. Так, в Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля приводится выражение: *Воротился с полыми руками*, которое уточняется: «с голыми, пустыми, ни с чем».

Заметим, что именно значение «пустой внутри, ничем не занятый» закрепилось за прилагательным *полый* как основное. Оно дошло и до наших дней, выведя прилагательное в такой синонимический ряд: *пустой — полый — пустотелый*: «В целях уменьшения собственного веса валов и осей их выполняют *пустотелыми — полыми*» (Павлов Я. Детали машин).

Однако история прилагательного *полый* в наше время на этом не обрывается. Намечается его расширительное употребление, которое ведет к некоему семантическому сдвигу в его структуре. Об этом свидетельствуют конкретные языковые факты. Вот лишь некоторые из них. У К. Федина в романе «Города и годы» есть такие строки: «Ведь час [свидания]... так редко приходит, и дни после него бессветлы, плоски и *полы*». В сочетании *дни полы* прилагательное *полый* близко по значению прилагательному *пустой* в аналогичном контекстном употреблении. Ср., например, с более ранним: «Сегодня день довольно *пустой*. Один Courcier своими памфлетами понаполнил его» (Вяземский. Старая записная книжка).

Таким образом, процесс вовлечения прилагательного *полый* в сферу выражения отвлеченных понятий шел параллельно с развитием системы значений прилагательного *пустой*, которому издревле было свойственно отвлеченно-образное употребление. Так, прилагательное *пустой* широко употреблялось в XII—XIII веках в сфере интеллектуально-эмоциональной, духовной деятельности человека в значении «пустой, ничтожный, суетный». Приведем лишь некоторые из примеров: «*поуста* бывает душа» (Торжественник к. XII—н. XIII в.); «...не делая но воздвижа *пустыя* беседы...» (Устав студийский, к. XII—н. XIII в.); «От *пустаго* мя жития исходяща...» (Сборник Слас-Преображенского монастыря, XIII в.). В русском литературном языке наших дней этот процесс продолжает оставаться актуальным, например: «Процесс всеобщего об-

повлечения — это такое благодатное поле для творчества, такой неиссякаемый родник вдохновения, что быть *пустым, полым* художник сегодня просто не имеет права» (Мордюкова Н. Держись за землю.— Правда, 1988. 29 апр.). Словари современного русского литературного языка пока не отмечают эти семантические сдвиги у прилагательного *полый*. И это естественно, так как последние отражают индивидуально-авторское употребление, которое еще не скоро завоюет права гражданства в литературном языке.

Террикон

Н. С. Арапова,

кандидат филологических наук

При слове *террикон* в нашем воображении возникает подустриальный пейзаж: высокие, лишённые растительности конусообразные горы окружают шахты или рудники. При добыче полезных ископаемых неизбежно возникают отвалы пустой породы. Так может возникнуть экологическая проблема.

Слово *террикон* появилось в русском языке сравнительно недавно. Мы находим его в журнале «Наши достижения» (1930, № 9) и в повести Б. Л. Горбатова «Мое поколение» (1933). В словари оно попадает на двадцать лет позже. По данным 17-томного Словаря современного русского литературного языка, оно впервые представлено в Словаре иностранных слов 1954 года. Тщетно мы искали бы его в последнем (третьем) издании Большой Советской Энциклопедии. Здесь вместо него мы находим заглавное слово *террикбник*. Во втором же издании БСЭ при заглавном слове *терриконик* приводится синонимичное *террикон*. Форма *терриконик* как единственная приводится в Словарях иностранных слов 1937 и 1939 годов, в Кратком техническом словаре 1934 года (авторы А. А. Арманд и Г. П. Браило).

Термин *терриконик* представляет собой книжное заимствование из французского языка. Франц. *terri conique* «конический отвал» — терминологическое словосочетание. «Сращение» его в одно слово произошло на русской почве (подобно словам *кордебалет*, *крепдешип*, *метранпаж*, *табльдот*, *шарабан* и т. п.), где оно приобрело также «русское» ударение на предпоследнем слоге: *терри-кб́ник*, в отличие от французского прототипа, где ударение — на последних слогах. Это обстоятельство, по-видимому, и послужило тому, что суффикс *-ик*, воспринятый как уменьшительный (ср.

холмик), был отброшен, как это произошло ста годами раньше со словом *зонтик* — *зонт*.

Таким образом, при освоении русским языком французского горнорудного термина были задействованы три языковых уровня: синтаксический (превращение словосочетания в одно слово), фонетический (перенос ударения) и морфологический («десуффиксация»).

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Скажите, пожалуйста, одинаковы ли по значению слова *вальяжный* и *импозантный*?»

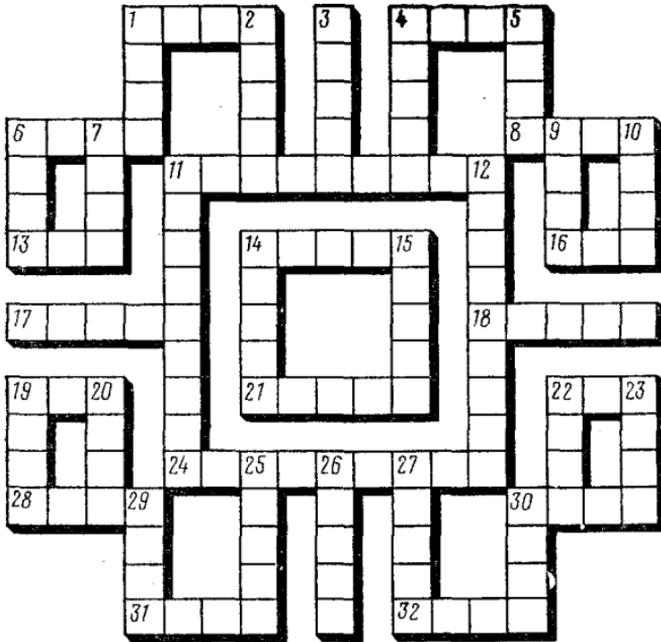
Н. В. Никитина, пос. Абаза Красноярский край

Нет, значения этих слов неодинаковы.

Вальяжный — в первом своем значении — дородный, величавый (например, о человеке). Второе значение этого слова, устаревшее — массивный, тяжелый, обычно украшенный резьбой (о предметах). А вот какие значения отмечены В. И. Далем в его Словаре: «Вальяжный — массивный, прочный, крепкий, плотный, толстый, полновесный; более о вещах металлических — „табакерка вальяжной работы“. Иногда *вальяжный* употребляется в значении „чванный“, от глагола *вальяжиться* (новгород.) — чваниться, важничать, величаться».

Импозантный (от франц. *imposant*) — внушительный, производящий сильное впечатление своим видом, манерами, обращением.

КРОССВОРД

КРОССВОРД «А. С. Пушкин. КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

По горизонтали: 1. Состояние, в котором находилась Марья Ивановна после потрясений. 4. Что нили пугачевцы после взятия Белогорской крепости? 6. Помещение, где Пугачев «показывал царские свои знаки...» 8. Как можно назвать Швабрину после обмана им Пугачева и Гринева? 11. Какой известный русский поэт «похвалял» литературные опыты Гринева? 13. Сколько рублей проиграл Гринева ротмистру гусарского полка? 14. Имя слуги Гринева. 16. Место, где Марья Ивановна впервые встретилась с императрицей Екатериной II. 17. Фамилия ротмистра, обывравшего Гринева. 18. Персонаж сказки старой калмычки. 19. Река, рядом с которой стояла Белогорская крепость. 21. Пшеничный хлеб. 22. Что не смог назвать на суде Гринева? 24. Любовь к славе, почитанию, похвалам. 28. Прозрачный стекловидный камень. 30. Родственник Петра Андреевича Гринева, который доставил его рукопись Издателю. 31. Как обычно называл Савельич молодого барина? 32. Войсковое подразделение, которое просил в свое распоряжение Гринева у генерала.

По вертикали: 1. Ненастье, заставшее Гринева в степи. 2. Как встали волосы у героя из-за боязни, что Швабрин откроет Пугачеву, кто такая Марья Ивановна? 3. Военный из частей легкой кавалерии, носивших форму венгерского образца 4. Какой предмет называет Василиса Егоровна, говоря о белом приданом Маши? 5. Персонаж сказки старой калмычки. 6. Бревно, опиленное или отесанное на четыре грани. 7. Что, по словам Пугачева, могло показаться Гринева в овчинку? 9. Устар., поэтик, то же, что голос. 10. Раз. Отрицательная оценка знаний учащихся. 11. Свидетель и посредник на дуэли. 12. Обращение Пугачева, которое читал Иван Кузьмич. 14. Старинная крестьянская верхняя одежда. 15. Просторечное именованье Пугачева. 19. Шаровидный сплошной снаряд. 20. Термин сложившаяся. 22. Часто встречаемое в романе имя. 23. Речь. 25. Краткая форма имени Пугачева. 26. Станок артиллерийского орудия. 27. Движение потока воздуха. 29. Наследственный титул высшего дворянства в Англии. 30. Проступок, преступление.

Полушутя, полусерьезно

За несколько десятилетий своего существования компьютеры прошли разительную эволюцию.

Между первыми электронно-ламповыми чудовищами, занимавшими огромные залы, и компактными современными «персоналками» (именно так профессионалы окрестили персональные компьютеры) — разница значительно бóльшая, чем между каравеллами Колумба и современными океанскими лайнерами.

Люди совершенствуют компьютеры, чтобы они лучше соответствовали своему назначению. ЭВМ учатся видеть, слышать, говорить, рисовать; растет объем их памяти и скорость выполнения логических и арифметических операций; уменьшаются размеры, повышается надежность...

Однако до самого последнего времени мало кто обращал внимание на то обстоятельство, что общение с ЭВМ оказывает определенное влияние на характер речи людей, работающих с ними.

Эти заметки — наблюдения авторов и несколько забавных историй — написаны с целью осознания весьма существенных изменений в нашей обыденной речи, которые происходят в результате вторжения в нашу жизнь электроники. Итак, полушутя, полусерьезно...

Вопросы и ответы

Представьте ситуацию: два человека летят на воздушном шаре, попадают в бурю и теряют ориентировку. Через несколько часов они приземляются в совершенно незнакомом населенном пункте и не вылезая из корзины шара, спрашивают прохожего:

— Скажите, пожалуйста, где мы находимся?

— Вы находитесь в корзине воздушного шара, — отвечает абorigен.

— Наверное, это программист, — задумчиво говорит один из воздухоплавателей другому. — Только он может дать такой абсолютно точный и абсолютно бесполезный ответ.

Когда специалисту-консультанту в какой-либо технической области задают вопрос по специальности, то хороший консультант задумывается: «А действительно ли спрашивающего интересует то, что он спросил?» Очень часто бывает, что нужен ответ на другой, более общий вопрос. Или даже не ответ, а совет из другой области.

Ведь, например, *точный* ответ на вопрос «Как лучше всего колоть орехи микроскопом?» гласил бы, что удобнее всего микроскоп держать за тубус, а орех положить па твердую, по не скользкую поверхность. Однако *нужный* ответ, естественно, один: микроскопом орехи не колют.

Значит, излишне *точный* ответ на заданный вопрос по смыслу может оказаться бесполезным или даже вредным.

Длительное общение с компьютерами, которые сами как правило дают только точные ответы, приводит к тому, что программисты-профессионалы автоматически начинают разговаривать в той же манере. И когда профессионалу задает вопрос такой же профессионал, он уже заранее рассчитывает на формальный, строгий, *точный* ответ. То есть он старается сформулировать именно тот вопрос, *точный* ответ на который его интересует. Ну, а если вопрос задает обычный человек?

Тогда возможна и такая ситуация:

— Могу ли я доехать на этом трамвае до вокзала?

— Да,— отвечает программист.

Ответ верный. *Может* доехать.

Но трамвай-то идет в данный момент в другую сторону!

Спрашивающий *может* проехать 16 остановок до конца маршрута, затем еще 26 остановок в обратную сторону, и действительно доедет до вокзала. Полезный же ответ состоял даже не в том, что надо ехать на трамвае с тем же номером в обратную сторону, а в том, чтобы воспользоваться останавливающимся тут же автобусом-экспрессом, который будет у вокзала через пять минут и подходит ближе к перрону.

Однако это ответ на вопрос «Как быстрее добраться до вокзала?», а его-то программисту не задавали!

Счет на 00.00 долларов

Служащие энергоснабжающей компании руководствовались в работе следующим правилом:

«По каждому клиенту ежемесячно вычесть старые показания счетчика из новых, умножить результат на цену киловатт-часа, выписать счет. После оплаты вычеркнуть копию счета из списка. Если счет в течение месяца не оплачен, выписать напоминание, а если он не оплачен еще через месяц, отключить подачу энергии».

В один прекрасный день компания приобрела компьютер, для которого именно по этому правилу была составлена программа подготовки счетов. Теперь счета выписывал компьютер. Но... для первого же клиента, который в течение всего месяца отсутствовал, компьютер выписал «счет» на 00.00 долларов, через месяц

выслал напоминание, а через два — отключил подачу тока. Говорят, что пришлось срочно оплатить счет на вышеуказанную сумму, а затем исправить ошибку в программе. Одновременно была внесена поправка и в правило: «Если сумма к оплате составляет меньше одного доллара, то ее следует включить в счет следующего месяца».

Здравый смысл и дотошный компьютер

...Некий бизнесмен подал жалобу фирме, продающей персональные компьютеры: он все время получал на один свой запрос бессмысленный ответ. По жалобе прибыл консультант-программист и предложил бизнесмену еще раз набрать на клавиатуре его запрос. Тот набрал: «Клиенты, проживающие в Теннесси и в Кентукки?». На экране сразу же появилась надпись: «Не значатся».

— Вот видите?! — кипятился владелец компьютера. — А я сам точно знаю, что и в том, и в другом штате у нашей фирмы есть клиенты!

Консультант попытался было объяснить, что ни один человек не может постоянно проживать и в штате Теннесси и в штате Кентукки.

— Вы должны четко сформулировать, что именно хотите получить в ответ на запрос, — терпеливо объяснял консультант.

— Перестаньте учить меня, что я хочу получить! — вновь зарорал бизнесмен. — Это я сам знаю гораздо лучше вас! Я хочу, чтобы в списке был каждый клиент из Теннесси и каждый клиент из Кентукки!

— Сейчас получите этот список, — ответил консультант. Он набрал «...Теннесси или Кентукки» — и секунду спустя на экране появились фамилии с адресами.

— А если вы хотите получить отдельные списки клиентов из Теннесси и клиентов из Кентукки, — продолжал консультант, — то лучше набрать два отдельных запроса.

Недоразумение произошло потому, что язык формальной логики, «родной» для машин, гораздо беднее того языка, которым общаются люди, наделенные здравым смыслом. Ведь будь у бизнесмена секретарь, он сразу понял бы, что требуется. Ему и в голову не пришел бы тот вариант, который для ЭВМ оказался единственным. Человеческое общение на любом языке несравненно богаче формального языка, оно насыщено различными оттенками, эмоционально, образно, что совершенно неприемлемо для машины.

*М. А. Персудов,
А. Я. Халамайзер*

Шалтай-болтай, шаляй-валяй

Читатель И. Дробняк из села Н. Кошкуль Омской области пишет: «Прошу объяснить выражения *шалтай-болтай* и *шаляй-валяй*. Слова *болтай* и *валяй* понятны, а вот что означают слова *шалтай* и *шаляй*?»

Образование *шалтай-болтай* считается в современном русском языке просторечным. Оно может употребляться как несклоняемое существительное в значении «пустяки, вздор»: Даша. «Захотела ты от этих ваших модниц! У них что? Только шалтай-болтай в голове» (Григорович. Столичный воздух); и как наречие в значении «впусту, напрасно»: «Чем так шалтай-болтай ходить и с голоду сползевать, давно бы на хутора пошел» (Чехов. Нахлебники).

Классический пример употребления выражения *шалтай-болтай* находим у С. Я. Маршака в стихотворении «Шалтай-болтай» — переводе английской народной шуточной песенки:

Шалтай-Болтай
 Сидел на стене.
 Шалтай-Болтай
 Свалился во сне.

 Вся королевская конница,
 Вся королевская рать
 Не может
 Шалтая,
 Не может
 Болтая,
 Шалтая-Болтая,
 Болтая-Шалтая,
 Шалтая-Болтая собрать.

По мнению известного этимолога М. Фасмера, *шалтай-болтай* — парное рифмованное образование, в основе которого лежит глагол *болтать*. В русском языке много подобных парных рифмованных образований: *катай-мотай*, *шаловать-баловать*, *шерсть-верть*, *калина-малина*, *шильце-мыльце*, *шатается-мотается*, *целует-милует*, *жил-был*, *шорох-ворох*, *не трожь-не ворошь*, *сею-вею*, *травка-муравка*, *гоголь-моголь*, *гусли-мусли* и т. д.

Что же значит *шалтай*? Это (как *болтай* от *болтать*) форма повелительного наклона глагола *шалтать*, приведенного в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля с географической пометой псковское, тверское в значении «болтать, молоть, лепетать (о малых детях)».

Образование *шаляй-валяй* тоже относится к просторечным. Это наречие со значением «кое-как, небрежно»: Вадим. «Вдолби ему,

что в наше время учиться шаляй-валяй, лишь бы на какого-нибудь инженера выучиться, недостойно» (Розов. В добрый час!).

Шаляй — форма повелительного наклонения глагола *шалять* (как *валяй* — от *валять*). Он зафиксирован в Словаре В. И. Даля с географической пометой пермское: *шалять* — «дурить, баловать, чудить, проказить, дурачиться, повесничать; (в меньшей степени) играть, забавляться, резвиться; (в высшей степени) своевольничать во вред другим, таскать тайком, воровать; (даже) грабить по дорогам и разбойничать».

Т. В. Горячева

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В одной из критических статей я прочел фразу: «Испепеляющие гиперболы Юнны Морид, ее гневные филиппики против обывательской пошлости...» Что значит слово *филиппика*?»

В. Астахов, Москва

Филиппика — гневная обличительная речь, выступление против кого-нибудь или против чего-нибудь. Произошло слово от названия речей древнегреческого оратора Демосфена против царя Филиппа Македонского.

Ответы на кроссворд

«А. С. Пушкин.

Капитанская дочка»

По горизонтали: 1. Бред.
4. Вино. 6. Баня. 8. Лгун. 11. Сумароков. 13. Сто. 14. Архип. 16. Сад.
17. Зурн. 18. Ворон. 19. Яик.
21. Калач. 22. Имя. 24. Тщеславие.
28. Опал. 30. Внук. 31. Дитя.
32. Рота.

По вертикали: 1. Буря. 2. Дяблом.
3. Гусар. 4. Веник. 5. Орел.
6. Брус. 7. Небо. 9. Глас. 10. Неуд.
11. Секундант. 12. Воззвание. 14. Армяк.
15. Пугач. 19. Ядро. 20. Кума.
22. Иван. 23. Язык. 25. Емели.
26. Лафет. 27. Вестер. 29. Лорд.
30. Вина.

Этот номер журнала оформили художники *И. Белонов, С. Жагин, Б. Захаров, В. Леонов, Ю. Паниартова.*

На вопросы читателей в этом номере отвечали научный сотрудник Института русского языка АН СССР *Т. В. Горячева*, старший литературный сотрудник редакции *Л. А. Макарова.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), **А. И. ГОРШКОВ, П. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора), **Н. А. РЕВЕНСКАЯ** (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ** (зам. главного редактора), **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ**

Заведующая редакцией

Т. С. Колмакова

Художественный редактор

Е. Н. Сапожникова

Корректоры

В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.10.88

Подписано к печати 24.01.89.

Формат бумаги 84×108/32.

Бумага книжно-журнальная

Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.

Усл. кр.-отт. 408,9 тыс. Уч.-изд.

л. 9,8. Бум. л. 2,5. Тираж 47500.

Заказ 2337. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волконка, 18/2. Телефон: 202-65-23

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6